

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

< СПОСОБИЕ К КОНТАКТУ С РЕАЛЬНОСТЬЮ >

Вы смогли скачать эту книгу бесплатно на законных основаниях благодаря проекту **«Дигитека»**. [Дигитека](#) — это цифровая коллекция лучших научно-популярных книг по самым важным темам — о том, как устроены мы сами и окружающий нас мир. Дигитека создается командой научно-просветительской программы [«Всенаука»](#). Чтобы сделать умные книги доступными для всех и при этом достойно вознаградить авторов и издателей, «Всенаука» организовала всенародный сбор средств.

Мы от всего сердца благодарим всех, кто помог освободить лучшие научно-популярные книги из оков рынка! Наша особая благодарность — тем, кто сделал самые значительные пожертвования (имена указаны в порядке поступления вкладов):

Дмитрий Зимин
Зинаида Стаина
Алексей Сейкин
Николай Кочкин
Роман Гольд
Максим Кузьмич
Анастасия Азбель
Арсений Лозбень
Михаил Бурцев
Ислам Курсаев
Александр Ослон
Артем Шевченко
Евгений Шевелев
Александр Анисимов
Роман Мойсеев
Евдоким Шевелев

Мы также от имени всех читателей благодарим за финансовую и организационную помощь:

Российскую государственную библиотеку
Компанию «Яндекс»
Фонд поддержки культурных и образовательных проектов «Русский глобус».

Этот экземпляр книги предназначен только для вашего личного использования. Его распространение, в том числе для извлечения коммерческой выгоды, не допускается.

Екатерина Шульман

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ.

**Пособие по контакту
с реальностью**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш 95

Шульман, Екатерина.

Ш 95 Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. / Екатерина Шульман. – Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — *(Книга профессионала)*

ISBN 978-5-17-106183-8.

Екатерина Шульман — политолог, кандидат политических наук, преподаватель Российской академии государственной службы и народного хозяйства, специалист по проблемам законотворчества, постоянный колумнист газеты «Ведомости», автор книги «Законотворчество как политический процесс» и автор многих других электронных и печатных изданий.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-106183-8.

© Екатерина Шульман, текст
© Сергей Елкин, иллюстрация
на обложке, форзацы
© ООО «Издательство АСТ»

ИЗ КНИГИ ВЫ УЗНАЕТЕ:

- на какие политические режимы похож российский и что это говорит о его вероятном будущем;
- что стоит между демократией и автократией, в чем слабость и сила гибридных режимов, и как можно использовать это знание себе на пользу;
- как на самом деле выглядит законотворческий процесс в России: откуда берутся новые законы, кто их реальные авторы и бенефициары, и как починить взбесившийся принтер;
- какие трансформации происходят в российском обществе, и к каким политическим последствиям это приведет;
- как гражданину повлиять на принятие решений, затрагивающих его интересы, и остаться в живых.

ПРАКТИЧЕСКИЙ НОСТРАДАМУС

или 12 умственных привычек, которые мешают нам предвидеть будущее

Традиционный жанр конца декабря — гадания и предсказания, но бурный 2014-й повысил спрос на этот жанр едва ли не больше, чем на наличную валюту. В эпоху социальных сетей политическое прогнозирование больше не прерогатива класса политологов (кто бы они ни были), а доступно каждому, у кого есть интернет. За прошедший год мы наслушались разнообразных пророчеств, и редкий из нас удержался от соблазна побыть Вангой и предсказать глад, мор, войну и конец света. Однако в пророческом жанре есть свои опасности: горизонт грядущего застыт предрассудки, суеверия и привычный ход человеческой глупости. Вот основные ошибки, которых следует избегать при составлении пророчеств.

1. Персонификация. Если вам хватило сообразительности хотя бы зарегистрировать аккаунт в соцсети, то вас уже можно не предостерегать от примитивных форм фиксации на роли личности в истории типа «Не будет гражданина X — не будет и России». Вы и так догадываетесь, что Россия переживет и гражданина X, и Y, и нас с вами. Не стоит ассоциировать с конкретной личностью даже политический режим: личность может исчезнуть, режим — сохраниться (или наоборот). Политическая система — сложный организм, и сводить ее к одному человеку — опасная умственная аберрация. Старайтесь избегать рассуждений об отставках и назна-

чениях: если вам сообщили «инфу 100%», то информатором, скорее всего, двигала не любовь к истине, а аппаратный расчет. Стремитесь подняться на следующий уровень обобщения, а не заниматься придворной политологией, которая всегда отдает лакейской.

2. Исторические параллели. Пора перестать понимать буквально шутку Маркса над Гегелем: история не повторяется ни как трагедия, ни как фарс. Поскольку количество исторических фактов бесконечно, велика вероятность, что чрезвычайное сходство прошлого с настоящим основано либо на магии цифр (1914/2014), либо на высвечивании одних явлений и игнорировании других. Но главный грех параллелизма даже не в том, что это самый легкий способ продемонстрировать свою историческую неграмотность, а в том, что такого рода мышление отрицает прогресс. Поклонники теории вечного возвращения живут в неподвижном мире, где окружающие враги вечно сдерживают вечно возрождающуюся Россию и никто никогда никого не победит и ни с кем не договорится: так уж мир устроен. Этот тип сознания характерен для Средневековья с его идеей колеса фортуны: ничего не меняется, все повторяется. Так мыслили люди аграрного общества. Крестьянский труд был построен на циклах, опыт в нем был важнее новации, а прогресса не существовало. Великие географические открытия и индустриальная революция разорвали округлый и замкнутый мир Средневековья, заменив колесо дорогой прогресса, уходящей в будущее. В традиционной картине мира было много обаятельного, но возврата к ней нет.

3. Географический кретинизм. Этот пункт следует из предыдущего: те же люди, которые отрицают время, обожествляют пространство. Смены эпох для них не

существует, зато география — это судьба. Сравнение, скажем, российского политического режима с венесуэльским представляется им оскорбительным: как можно равнять нашу могучую родину с латиноамериканцами? Зато сравнение России нынешней с Россией Ивана Грозного, не имеющей с ней ничего общего ни экономически, ни культурно, ни социально, кажется им вполне адекватным. Между тем историческое время течет для всех, и судьба страны не зафиксирована ее географией: будущее определяется в большей степени уровнем развития граждан и общественных институтов. Поэтому родственные политические режимы на разных концах земли ведут себя схожим образом, а в жизни южных и северных корейцев нет ничего общего.

4. Вульгарный материализм. Из фетишизации территории логически вытекает и поклонение «ресурсам», под которыми обычно понимают богоданные углеводороды, полностью определяющие жизнь пространства, под которым они залегают. Выпускники советских школ особенно склонны линейно понимать экономический детерминизм. Моление на цену барреля Urals равно характерно для столпов режима и для ожидающих его кончины оппонентов. Да, ухудшение экономической конъюнктуры сужает ресурсную базу, посредством которой режим покупает лояльность. Но как он будет действовать в этих условиях — зависит в большей степени от его внутренних институтов и внешнеполитического окружения.

5. Вульгарный идеализм. Ожидая от власти тех или иных решений или заявлений, помните, что она существует не в платоновской вселенной, где идея медленно становится реальностью. Избегайте рассуждать о мифической «политической воле», при наличии

которой все возможно: чем выше в политической системе стоит человек, тем больше он связан условиями этой системы — а не наоборот, как часто думают. У нас контрольно-ревизионное управление президента занимается подсчетом уровня выполняемости президентских указов — он и в сытые годы редко превышал 70%, а ведь указы в нашей правовой системе касаются вопросов очень конкретных. Насколько выполняются федеральные законы — подсчитать вообще затруднительно.

6. Обратный карго-культ. Карго-культ — это вера, что изготовление моделей самолетов из навоза и соломы привлечет настоящие, которые привезут много тушенки. Обратный карго-культ характерен для стран догоняющего развития, его особо придерживаются их политические элиты. Они проповедуют, что в Первом мире самолеты тоже из соломы и навоза, а тушенки нет. Только там ловчее притворяются и скрывают этот факт. Когда вам снова расскажут про тщету буржуазных выборов, комедию парламентаризма и насилие в полиции, помните: самолеты существуют, и люди на них летают. Так же реальны экономическая конкуренция, свободные выборы и независимый суд.

7. Катастрофизм. Все пишущие любят драматические эффекты, но не стоит строить свой прогноз по литературным образцам, чтобы в конце все непременно умерли или поженились. Выявив в окружающей реальности некий фактор, не протягивайте его в бесконечность по идеальной плоскости.

В той же реальности действуют мириады других факторов, которые вы не учли. Исторический процесс не заканчивается никогда — даже Фукуяма прогадал со своим «Концом истории», а уж вы с пророчеством распада России к Новому году тем более опозоритесь. Прежде чем

прогнозировать крах, смерть или финал чего бы то ни было, примите во внимание силу инерции, инстинкт самосохранения, свойственный не только людям, но и системам, а также тот факт, что, по английской пословице, мельницы бога мелют мелко, но очень медленно. Если уж вам не удастся побыть Кассандрой, следуйте классическим образцам: будьте кратки, зловещи и невнятны. Перейдя реку, разрушишь великое царство. Два войска вступят в битву, но только одно из них победит.

8. Конспирология. Конспирологические теории любой сложности строятся на одной базовой предпосылке: существуют скрытые пружины событий, которые можно изобличить хитрым сопоставлением отдельных фактов. Но припоминает ли кто-нибудь случай, когда открылась бы тайна, неведомая современникам, которая перевернула наши представления о том, как оно все (неважно что) было на самом деле? Увы, за вычетом инсайдерских деталей, кажущихся важными только на близком расстоянии, все значимые исторические процессы на самом деле являются именно тем, чем они представлялись людям, жившим в то время. Все тайное не только становится явным; оно еще и обречено быть малозначительным, потому что все важное лежит на поверхности и наблюдаемо невооруженным глазом. Миром не правят тайные организации (иезуиты, тамплиеры, сионские мудрецы), миром правят явные организации — правительства, парламенты, армия, церковь, коммерческие корпорации. Успешный заговор не переворачивает ход истории, а представляет собой набор усилий по организации восхода солнца вручную.

9. Внешний контроль. Картина мира, в которой никакая страна не управляет своими делами, но каждая управляет делами соседа, представляет собой одну

из разновидностей конспирологии. Только место подпольных правительств занимают внешние враги — тоже маскирующиеся, так что общая атмосфера мрачной тайны, дорогая сердцу конспиролога, сохраняется. Меняется ли курс национальной валюты, растет или падает общественная активность, начинают молодые люди носить штаны нового фасона, выпускает писатель роман — причины этого всегда находятся не в социуме, а вовне его. Беда в том, что хотя аутсорсинг политической ответственности за рубеж — хороший способ выставить себя ни в чем не виноватым, он лишает страну субъектности. Это особенно абсурдно в случае России — большой страны с многочисленным, преимущественно городским и грамотным населением.

10. Фантазии о Китае. Рассуждаете ли вы о китайской угрозе или китайской помощи, помните, что об этой стране мы на самом деле мало что знаем, и значительная часть наших представлений — это попытки европейского ума представить себе Другого. Китай во многих околополитических рассуждениях является в качестве символа некоей хтонической угрозы, безликого множества, которое нахлынет и убьет (или, вариант последнего времени, одарит несметным богатством). Демографы утверждают: желание китайцев заселить пустующую Восточную Сибирь — публицистический миф. Китай переживает сейчас тот же процесс, через который прошли в свое время все индустриальные державы, — урбанизацию. Китайцы не хотят жить на просторах Восточной Сибири, они хотят жить в своих крупных городах, куда в массовом порядке и уезжают.

11. Цитаты из великих. Никакие официальные лица никогда не заявляли, что Россия несправедливо владеет Сибирью. Маргарет Тэтчер не говорила, что

в России должно остаться 15 млн человек. Бисмарк не утверждал, что для погубления России необходимо посорить ее с Украиной. Проверяйте источники! Значительная часть цитат великих людей, бродящих по интернету, сочинена маргинальной патриотической прессой 1990-х и популяризирована одичавшими телеведущими 2010-х. Особенно страдают Столыпин, Рейган, Черчилль, Маргарет Тэтчер, Мадлен Олбрайт, Геббельс, Ницше, Оскар Уайльд и все Романовы. Помните: чего нет в Oxford Dictionary of Quotations — того не существует. За русскоязычными цитатами можно сходить в википедию, но перепроверять придется все равно.

12. Разговоры с народом. Не пересказывайте ваши беседы о внешней и внутренней политике с таксистом, няней и ремонтным рабочим. Все люди склонны считать себя существами уникальными, а окружающих — типичными. Если ваши мнения — это результат вашего индивидуального мыслительного процесса, то почему тогда таксист, рассуждающий о войне с Украиной, говорит от имени всех «простых людей» обитаемой вселенной? Помните: никакой человек не считает самого себя простым. Признайте за дворником и продавщицей в ларьке право быть таким же сочетанием личного опыта, знаний, предрассудков и психических отклонений, каким являетесь вы сами.

10

Милый дедушка Нострадамус! Принеси нам всем в новом году ясного рассудка, рационального мышления, свободы от суеверий и объективного взгляда на себя и окружающих. Пусть ложная мудрость мерцает и тлеет пред солнцем бессмертным ума. Тогда никакое будущее не страшно.

24.12.2014

ГИБРИДНЫЙ
АВТОРИТАРИЗМ:
АНАТОМИЯ
И ФИЗИОЛОГИЯ

ГИБРИДНЫЕ РЕЖИМЫ: ЦАРСТВО ИМИТАЦИИ

*о сущности гибридных
политических режимов как современной
модификации авторитаризма*

Недавно новый венгерский премьер Виктор Орбан порадовал научный мир, заявив, что хорошо бы построить в Венгрии нелиберальную демократию на российский манер, а то либеральная модель как-то себя исчерпала. При этом он довольно проникательно заметил, что «самая популярная тема размышлений сейчас — как работают системы, которые не являются западными, либеральными или либеральными демократиями». Действительно, нет ничего актуальнее в современной политической науке, чем изучение гибридных режимов. Терминов для них имеется множество, что отражает неустоявшийся характер предмета исследования: нелиберальные демократии, имитационные демократии, электоральный авторитаризм, нетираническая автократия.

Что полезного может дать этот передовой край науки практике? Природу гибридных режимов важно понимать во избежание навязчивых исторических аналогий и траты времени на ожидание, когда за окном наступит фашизм или взойдет заря советской власти. Исторический пессимизм всегда в моде — считается, что главный урок двадцатого века состоит в том, что в любой момент все может стать хуже, чем было, и никакая степень цивилизованности не предохраняет от внезапного приступа одичания. Но «хуже» и «лучше» — термины оценочные,

а популярные рассуждения про дно, в которое постучали, и прочие хроники грядущего апокалипсиса звучат убедительно, но рациональной основы под ними не больше, чем в обычае плевать через левое плечо и боязни сглаза. Принимать решения на такой основе не менее опрометчиво, чем руководствоваться оптимистическим принципом «авось пронесет».

1. Гибридный режим представляет собой авторитаризм на новом историческом этапе. Известно, в чем разница между авторитарным и тоталитарным режимами: авторитарный режим поощряет в гражданах пассивность, тоталитарный — мобилизацию. Тоталитарный режим требует участия: кто не марширует и не поет, тот нелоялен. Авторитарный режим различными методами убеждает подданных оставаться дома: кто слишком бодро марширует и слишком громко поет, тот на подозрении, вне зависимости от идеологического содержания песен и направления маршей.

2. Гибридные режимы заводятся в основном в ресурсных странах, иногда называемых петрогосударствами (хотя жизнеобеспечивающим ресурсом не обязательно является нефть). То есть это режимы, которым деньги достаются даром, и не от труда народного, а от природного ресурса. Население им только мешает и создает дополнительные риски заветной мечте гибридного режима — несменяемости. В сердце режима — та самая мысль, которую в России приписывают почему-то Маргарет Тэтчер — хорошо бы иметь X граждан для обслуживания трубы (скважины, шахты), а остальные бы куда-нибудь подевались. По этой причине режим опасается любой мобилизации — у него нет никаких институтов,

использующих гражданскую активность и гражданское участие.

3. Западные исследователи, назвавшие гибридный режим нелиберальной демократией или электоральным авторитаризмом, обращают внимание на одну его сторону — на декоративность его демократических институтов. В гибридных режимах проходят выборы, но власть в результате их не меняется, есть несколько телеканалов, но все они говорят одно и то же, существует оппозиция, но она никому не оппонирует. Значит, говорят западные политологи, это все декоративная мишура, под которой скрывается что? Старый добрый авторитаризм. На самом деле гибридный режим является имитационным в двух направлениях: он не только симулирует демократию, которой нет, но и изображает диктатуру, которой тоже не существует в реальности. Легко заметить, что демократический фасад сделан из папье-маше — труднее понять, что сталинские усы тоже накладные. Трудно это еще и потому, что для современного человека «точечное насилие» и «низкий уровень репрессий» — морально сомнительные термины. Мы живем в гуманистическую эпоху, нас ужасают человеческие жертвы, по европейским понятиям XX века ничтожные.

4. Гибридный режим старается решить свою основную задачу — обеспечение несменяемости власти — относительно низким уровнем насилия. Он не имеет в своем распоряжении ни морального капитала монархии, ни репрессивной машины тоталитаризма. Нельзя развернуть то, что называется маховиком репрессий, без активного участия граждан — а граждане гибридных режимов не хотят ни в чем

участвовать. Характерно, что государственная пропаганда в гибридных режимах не дает мобилизующего эффекта. Она объединяет граждан по принципу пассивности. Посмотрите на российские 87 %, которые одобряют все — от военных вторжений до продуктовых санкций. На вопрос «одобряете ли?» они отвечают «да» — а что они при этом делают? Ничего. Они не записываются в добровольческие батальоны, не ходят на провоенные митинги, они даже на выборы не особенно ходят, отчего гибриднему режиму приходится бесконечно заботиться о ложной явке и фальсификации результатов. Из политически обусловленных активностей за ними замечены только съем денег с банковских счетов и перевод их в доллары, а также закупка сливочного масла. Пропаганда с головокружительной эффективностью формирует мнение именно тех людей, чье мнение не имеет значения — не потому, что это какие-то плохие второсортные люди, а потому, что их мнения никак не коррелируются с их действиями. Они могут обеспечить власти одобрение, но не поддержку — на них нельзя опереться.

5. Режим понимает своим рептильным мозгом (что в данном случае не ругательство, а нейрофизиологический термин — рептильный мозг отвечает у нас за действия в случае опасности), что 87 % одобряющих не являются субъектами политического процесса, а единственные, чье мнение имеет значение — это активное меньшинство. Этим объясняется «парадокс законотворца» — почему власть, располагающая, казалось бы, сплоченной всенародной поддержкой, никак не пользуется этой поддержкой, а принимает все новые и новые законы репрессивно-оборонительного содержания. Принятые зако-

ны имеют целью нащупать это активное меньшинство — наверное, у них есть второе гражданство? или они как-то связаны с общественными организациями? или они блоггеры? ходят на митинги? или хоть любят курить в ресторанах? Как их нащупать и придушить — не слишком, а слегка — а еще лучше убедить, что они ничтожные отщепенцы, и хорошо бы им уехать. Гибридный режим никогда своих граждан не удерживает — напротив, поощряет активное меньшинство к отъезду.

6. Гибридные режимы довольно устойчивы и живучи — они пользуются преимуществами почти рыночной экономики и частично свободной общественной среды, и потому не разваливаются заутро, как классические диктатуры. Это следует принимать во внимание как ожидающим ремейка развала СССР, так и ожидающим его внезапного возрождения. На шестнадцатом году правления удариться об пол и обернуться бравым фашистом так же затруднительно, как убиться об стену и возродиться лучезарным либералом. Из этого не следует, однако, что гибридный режим стабилен: он жаждет стабильности, и ради нее готов на любые потрясения. Корень этого кажущегося противоречия лежит в механизме принятия решений — кощевой игле гибридного режима. Последовательно отрезая и забывая мусором все каналы обратной связи, режим вынужден действовать во многом наощупь. Для связи с реальностью у него остается телевизор, разговаривающий сам с собой, элиты, подобранные специально по принципу некомпетентности, и внутреннее чувство вождя, чье сердце должно биться в унисон с сердцем народным, но за долгие годы пребывания в изоляции склонно рассогласовываться и биться в каком-то

своим ритме. Поэтому режим постоянно угадывает, какое его действие или бездействие будет приемлемо для внешней и внутренней аудитории — а когда ошибается (предполагая, например, что от шага X произойдет «потеря лица», а от шага Y, наоборот не случится дурных последствий), то никаких рычагов исправления ошибки у него нет. Гибридный режим заднего хода не имеет — он устойчивый, но неманевренный.

7. Надо понимать, что само появление имитационных демократий — это не результат порчи демократий неимитационных, а плод прогресса нравов, который уже не позволяет применять насилие так широко и беспечно, как это было принято еще пятьдесят лет назад. Если «лицемерие — это дань, которую порок платит добродетели», то имитация — это налог, который диктатура платит демократии.

15.08.2014

КАК ПРИНИМАЮТСЯ РЕШЕНИЯ В ГИБРИДНЫХ РЕЖИМАХ

*о процессе принятия и корректировки
решений при снижении влияния
легальных политических институтов*

Все сложно в гибридном режиме, но сложнее всего — процесс принятия решений. Со стороны кажется, что чем меньше демократии, тем меньше ограничений и согласований, тем быстрее стальная стрела верховной воли долетает до сердца исполнителя. В реальности все обстоит с точностью до наоборот: чем ниже влияние легальных политических институтов, тем сложнее механизм разработки и принятия любых решений и тем ниже процент их выполнимости.

Есть классическое изображение политической системы по Дэвиду Истону (американский политический теоретик). Система представляет собой черный ящик, в который с одной стороны входят разнообразные векторы общественных запросов. Внутри происходит процесс принятия решений и наружу выходит уже один вектор — политическое решение, чаще всего в виде правового акта. В противоположном направлении — от решения к запросу — идет вектор обратной связи, которая, в свою очередь, образует новый запрос.

В гибридном режиме все хитрее. Никакого входа для общественных запросов в ящике не предусмотрено, но отдельные группы интересов пробрались внутрь и там закрылись. Представьте, что у

вашего компьютера все USB-порты замазаны глиной, но при этом он принимает радиосигналы посредством накладного кокошника из фольги. Наружу из него выходит не один вектор, а несколько разнонаправленных «сигналов». Процесс претворения множества волей в единое решение, который должен происходить внутри системы, происходит чаще всего постфактум. Как у некоторых насекомых бывает внешнее пищеварение, так у гибридного режима имеется нечто вроде внешней корректировки принятых решений. Он нужен, поскольку никакого способа узнать заранее, чего именно хотят люди, как они отреагируют, каковы будут последствия принятого решения, выполнимо ли оно вообще, не существует.

Как это выглядит на практике? 6 августа выходит указ президента о применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ. Он носит самый общий характер: в нем не указываются ни санкционированные страны-производители, ни запрещенные продукты, ни строгость запрета («запретить или ограничить»). Указаны только срок (год), товарная группа (продовольствие) и объекты (страны, принявшие решение о введении санкций). Позже мы увидим, что одно из этих условий соблюдено не было. Все детали должно определить правительство в своем постановлении. Это первый этап процесса — «политическое решение», или, точнее, «политический сигнал». Далее его предстоит расшифровать на более низких ступенях властной пирамиды.

Для чего это делается? Как ни странно, для того, чтобы вывести первое лицо из-под ответственности. Тоталитарные режимы чаще всего бывают персонализированными — что называется, вождистского

типа. Тот же фюрер-принцип по аналогии приписывают и авторитарным, и гибридным образованиям. Между тем это не совсем так. В гибридах происходит как делегирование ответственности наверх (что начальник скажет, то и будет), так и распыление ее вниз, на все более низкие уровни исполнительной власти (если что, мы ни при чем, действовали по инструкции). Вопреки распространенному мнению, российский политический режим гораздо менее персонализирован, чем, например, у нашей республики-сестры Венесуэлы. Почти полностью отсутствует то, что в начале 90-х называли «указным правом» — когда значительная часть правовых актов исходит от первого лица. У нас и указы рамочные, и законы во многом рамочные, а важней всего ведомственная инструкция.

7 августа выходит разъяснительное постановление правительства. В нем перечислены запрещенные продукты по таможенным кодам и страны, попавшие под запрет. Одна из них — Норвегия на тот момент никаких санкций против РФ не вводила, она присоединится к ним позже. Есть большой резон полагать, что Норвегию, крупнейшего поставщика свежей и мороженой рыбы в Россию, вписали ради интересов некоего российского рыбного холдинга с приближенными к центру принятия решений собственниками. Хотелось бы назвать это цивилизованным термином «лоббизм», но это не лоббизм, а пародия на него. И вот почему.

Когда решение принято и выходит на свет божий, запускается третья стадия процесса. Начинается общественная реакция — та, которая в здоровом механизме предшествует принятию решения и является его причиной: общество чего-то требует, власть что-то делает. У гибридов все наоборот: принимает-

ся некое решение, потом в срочном порядке подбирается ему пропагандистское обоснование. Понятно, что ни в концепцию свободной торговли (флагманом которой выступает ВТО), ни в концепцию протекционизма (которым в той или иной степени занимаются многие государства, в том числе члены ВТО) рандомный запрет случайно выбранных продуктов на год не вписывается. И экономическая глобализация, и протекционизм — почтенные экономические теории и практики, в пользу и той и другой есть что сказать. Но принятая мера, как говорится, не об этом, поэтому были выдвинуты публичные аргументы, аннигилирующие друг друга: с одной стороны, заявлялось, что мера поддержит отечественного производителя, с другой — что запрещенные иностранные поставщики будут быстро заменены другими иностранными поставщиками.

Принятое решение выходит из черного ящика и соприкасается с реальностью — его надо как-то исполнять. Одновременно с белым шумом пропагандистской машины начинает звучать и собственно общественная реакция: реакция потребителей, экспертов и заинтересованных групп. Понятно, что решение должно приниматься быстро и тайно, потому что любая открытость допустит к сакральному центру власти врагов и вредителей. Обратная сторона этой быстроты и таинственности состоит в том, что нельзя узнать мнение ни экспертов, ни отраслевых специалистов. Выясняется, что под запрет попали, например, рыбные мальки, без которых тот отечественный производитель, который, казалось бы, пролоббировал запрет враждебной рыбы, сам не может жить и размножаться. Никто не подумал о том, что продукты без глютена и лактозы, необходимые для больных целиакией и аутизмом, а также

спортивное питание и биодобавки теперь тоже запрещены. Представители пациентских и родительских групп, входящие, например, в общественный совет при Минздраве, поднимают шум. То же делает спортивное лобби.

Наступает четвертая стадия: эрозия только что принятого решения. По сути, это та работа, которая должна быть проведена до его принятия. 20 августа правительство принимает новое постановление, в котором исключает из списка запрещенных продуктов безлактозное молоко, витамины, БАДы, рыбные мальки и семенной материал. Одновременно председатель правительства выразил надежду, что продуктовые санкции «не продлятся долго», а еще через неделю вице-премьер Дворкович заявил, что они будут отменены по миновании «угрозы национальной безопасности».

Итак, при принятии решения не советовались, судя по всему, даже с экономическими министрами, но после его принятия прислушались даже к традиционно презираемому инструменту — петициям в интернете (обращение участников группы «Целиаксия» на change.org об отмене запрета на безглютеновые и безлактозные продукты набрало почти 50 000 подписей за три недели). Прислушивается ли власть к экспертам и общественному мнению? Исправляет ли власть допущенные ошибки? Вроде бы да, но не полностью, не сразу, не вовремя и никогда до конца. В отсутствие работающих механизмов обратной связи выработка грамотных решений невозможна, но и изоляция принимающих решения от общества — неполная. На свой манер они пытаются уловить общественные настроения, исходя из часто искаженных, случайных, дурно понятых сигналов, попадающих внутрь черного ящика, обклеенного кривыми зеркалами.

Мы описали решение, общая цена которого относительно невелика: последствия «продуктовых санкций» сведутся к общему подорожанию еды, что повредит в первую очередь бедным, но не снизит их уровень потребления до критического. Но те же самые искаженные механизмы работают и при принятии решений о войне и безопасности. Постороннему наблюдателю кажется, что экономических министров не пускают к обсуждению экономических решений, потому что они подозрительные либералы, а с военными экспертами и начальниками все иначе. Увы, механизм принятия решений не может быть в одном месте сломан, а в другом внезапно эффективен: он един для всех, различается только цена решения. Система прочна ровно настолько, насколько прочно ее самое слабое звено.

29.08.2014

УСТОЙЧИВОСТЬ ГИБРИДНЫХ РЕЖИМОВ — ГДЕ КОЩЕЕВА ИГЛА

*о предпосылках трансформации
гибридного режима в полноценную
демократию*

Всех интересуют прогнозы, но надо помнить, что торговля предсказаниями — низший сорт интеллектуальной деятельности. Дело науки — анализировать тенденции и делать на их основании выводы, а не раздавать билетки с точной датой, когда ишак научится читать, а эмир умрет.

В двух предыдущих статьях о природе гибридных режимов (форма авторитаризма, имитирующая демократические институты; см. «Ведомости» от 29.08.2014 и 15.08.2014) я описала их общее устройство и его самый слабый элемент — механизм принятия решений. Какая именно ошибка может стать для режимов такого типа роковой? Насколько вообще устойчивы гибриды? Почему одни демократизируются, другие перерастают в стабильные тирании, а третьи погружаются в хаос?

В самом общем виде изыскания современной политологии об устойчивости и перспективах трансформации гибридных режимов можно суммировать так:

1. Не все гибриды имеют ресурсно-ориентированную экономику, и не во всех ресурсных государствах складывается гибридный режим. Реальность «ресурсного проклятья» — отдельная дискуссионная научная тема. Но страны, благополучие кото-

рых строится на продаже полезных ископаемых, склонны становиться авторитарными или полуавторитарными. А авторитарные государства, богатые ресурсами, склонны воевать с соседями или иными способами утилизировать внешнюю угрозу во внутривнутриполитических целях.

2. Цель целей гибридного режима — сохранение власти. Все остальное для него вторично. Отсюда происходит его ненависть к модернизации (в отличие от тоталитарных режимов, построенных вокруг мечты о светлом будущем). Светлое будущее гибрида — это его прошлое, причем прошлое мифологизированное. Взоры его обращены к никогда не существовавшему Великолепному веку, Великой Сербии, славной эпохе Симона Боливара или ядерной смеси из Романовых, атомной бомбы и славянского солнцеворота, которую продают нам сегодня в России. Когда гибридный режим проявляет агрессию, он не объясняет ее нуждами мировой революции или защитой прав человека во всем мире. Его агрессия ретроградна — она имеет целью вернуться в прошлое, исправив там все несправедливое (отомстить за обиду, «вернуть свое»).

Насколько опасна внешняя агрессия для режима, чье устройство вынуждает его принимать решения во многом вслепую? Данные свидетельствуют, что для авторитарного режима военный конфликт опаснее, чем для демократического. В случае неудачи авторитарный режим через несколько лет с высокой вероятностью дестабилизируется (см. Джефф Колган. *Petro-Aggression: When Oil Causes War*, 2013). Однако опасность не для всех одинакова. Риск максимален для режимов, возглавляемых «революционными лидерами», пришедшими к власти не в результате ее ле-

гальной передачи, а на волне собственной харизмы. Это не случай России. К тому же нынче не только режимы гибридные, но и войны нелинейные — они состоят не столько из боестолкновений, сколько из пропаганды. Процент объективной реальности в них минимизирован, что позволяет каждой стороне конфликта побеждать в своем телевизоре.

Существует трехступенчатая классификация устойчивости гибридных режимов Стивена Левицки и Лукана Вэя (*Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*, 2010). В упрощенном виде она выглядит так: если режим органически интегрирован с Западом посредством экономических, социальных, информационных и межправительственных связей, то он постепенно демократизируется (страны Восточной Европы и Латинской Америки). Если связи с Западом слабы (Африка и Юго-Восточная Азия), режимы с высокой внутренней организацией (развитым аппаратом насилия, солидарными элитами и госконтролем в экономике) становятся стабильными автократиями. Режимы со слабой внутренней организацией (разобщенными элитами, фиктивными партиями, децентрализованной экономикой) зависят от ближайшего сильного соседа. Если он недемократичен, они становятся нестабильными автократиями. Если он демократичен — следуют путем демократизации.

В последние годы наука отошла от представления о фиктивности политических институтов при авторитаризме и занялась их глубинным изучением. Выяснилось, что в общественном организме «чистые формальности» не бывают ни чистыми, ни полностью формальными. Более того, чем большее количество демократических декораций режим имитирует, тем он устойчивее и тем легче способен трансформи-

роваться в демократию (Дженнифер Ганди. *Political Institutions under Dictatorship*, 2008; Беатрис Магалони. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, 2006). Большой научной загадки тут нет. Чем старательнее вы притворяетесь порядочным человеком, тем больше вы на него похожи. А вашим потомкам уже безразлично, насколько искренни были ваши убеждения, если поступки в достаточной мере им соответствовали.

Итого: не стоит переоценивать значение внешних факторов в судьбе режима. Он вряд ли развалится от неудачной войны, потому что войны информационной эпохи удачны настолько, насколько подконтрольны медиа. Он может вступить в полосу нестабильности из-за ухудшения экономической конъюнктуры, но это ухудшение необязательно будет связано с падением цен на нефть (см. пример Венесуэлы). Шансы на смену гибридного режима полноценным авторитаризмом возрастают с изоляцией от Запада и сближением с авторитарным соседом типа Китая. Но в случае России есть ощущение, что переориентация на Восток имеет скорее пропагандистский, чем сущностный характер. Шансы на демократизацию режима тем выше, чем организованнее общество. Любые формы социальной организации, даже те, которые режим выстраивает в декоративных или пропагандистских целях, служат в конечном счете общественному благу. Ибо совместная деятельность граждан — и первое благо, и условие появления всех остальных.

15.09.2014

ГИБРИДЫ, НЕФТЬ И АГРЕССИЯ

*о влиянии цены нефти на агрессивность
гибридных политических режимов
в странах-экспортерах нефти*

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

В сентябрьской статье об устойчивости гибридных режимов («Ведомости» от 15.09.2014) были изложены выводы современной политической науки относительно агрессивности таких режимов, их склонности к вооруженным конфликтам и последствий этих конфликтов для выживаемости режима. Хотя ресурсные государства (petrostates) и гибридные режимы — понятия не совпадающие (не все гибриды основывают свою экономику на экспорте ресурсов и не во всех ресурсных экономиках возникает электоральный полуавторитаризм), связь между высокими экспортными доходами от продажи углеводородов и авторитарными мутациями существует. С сентября мировая цена на углеводороды снизилась, и, насколько можно судить, тенденция к снижению среднесрочно устойчива. Как реагируют ресурсные авторитарные режимы на падение цен на свой основной экспортный ресурс?

Тут есть два аспекта, заслуживающих внимания: устойчивость режимов и их агрессивность.

Предостережем читателя от линейного экономического детерминизма: прямой зависимости устойчивости режима от экономической ситуации внутри страны нет. Да, ухудшение экономической конъюнктуры сужает ресурсную базу, посредством которой режим покупает лояльность. Но как он бу-

дет действовать в этих условиях, зависит больше от его внутренних институтов и внешнеполитического окружения. Многие африканские авторитарные режимы переживают целые десятилетия чудовищно низких темпов роста безо всякого ущерба для собственной устойчивости. А ближневосточные гибриды вступили в полосу турбулентности в период высоких цен на нефть, хотя, казалось бы, они должны были сделать их лидеров неуязвимыми и для внутреннего недовольства, и для внешнего давления.

Если от ухудшения экономической ситуации режим не рухнет, то, может, лишившись простых средств обеспечения народной любви, он поневоле демократизируется? Известен сформулированный американским политкомментатором и специалистом по Ближнему Востоку Томасом Фридманом «первый закон петрополитики»: существует обратная зависимость между ценой на нефть и уровнем политической свободы в нефтяных государствах. Под ними (petrolist states) Фридман понимает не просто страны — экспортеры нефти, а страны с высокой долей нефтяных доходов в ВВП и одновременно слабыми демократическими институтами.

В политической науке существует и противоположное мнение: режим, лишившийся возможности покупать лояльность за нефтяные деньги, будет добиваться ее силой. По этой логике снижение цен на нефть приведет не к демократизации, а к усилению внутренних репрессий и внешней агрессии. Ведь ничто так не отвлекает население от снижения уровня жизни, как успешное преследование врагов внешних и внутренних. А успешным оно будет обязательно: по законам «новой войны», каждый участник побеждает в своем собственном телевизоре, поскольку там война большей частью и происходит.

Единственное, что мы точно знаем о Вселенной, — это что она бесконечно сложна, писал Хорхе Борхес. О гибридах тоже можно сказать, что они просты. Шизофреничность — их встроеное свойство: если верно некое простое утверждение относительно природы и поведения режима, то будет верно и противоположное ему.

Недавняя работа политолога из Денверского университета Каллена Хендрикса подтверждает оба вышеприведенных тезиса, несмотря на их кажущуюся несовместимость. Хендрикс исследовал данные о политике 153 стран начиная с 1947 г. Высокие цены на нефть делают страны-экспортеры более агрессивными по отношению к своим непосредственным соседям, а на поведение неэкспортирующих стран никак не влияют. Иными словами, страна-неэкспортер может сделаться агрессивной в любое время, а вот будет ли с вами воевать ваш сосед-петрогибрид, можно узнать, взглянув на график нефтяных цен. Судя по имеющимся данным, «граница миролюбия» проходит на уровне \$77 за баррель. При цене выше страны-экспортеры агрессивнее стран-импортеров более чем на 30%. При цене ниже \$33 петространы становятся более мирными, чем страны с нересурсными экономиками. Между \$77 и \$33 никакой разницы по степени склонности ввязаться в вооруженный конфликт между двумя группами стран не наблюдается.

Не замечено никакой связи между внешним миролюбием, наступающим для стран-гибридов при низкой цене на нефть, и их внутренней демократизацией. Факторы демократизации гибридов в достаточной степени изучены: это, в порядке убывания, степень развитости их политических и общественных институтов, интеграция в международную

систему отношений и наличие демократического «значимого соседа», который является для режима преимущественным торговым партнером.

Вопреки распространенному среди отечественных комментаторов мнению гибриды не отвечают на снижение уровня жизни своих подопечных ударной волной репрессий. Объясняется это просто: одни и те же источники доходов кормят как военный, так репрессивный аппарат режима. И в сытое время исполнительская дисциплина в странах такого рода не на высоте, а уж при снижении привычного уровня потребления и правоохранители, и правоприменители все меньше готовы по приказу начальства делать хоть что-нибудь невыгодное или рискованное. Кроме того, само начальство куда более опасается отдавать приказы по размазыванию чьей бы то ни было печени по асфальту в условиях, когда его собственное будущее не так обеспечено, как казалось еще вчера.

Итого: при снижении цены на нефть нефтеэкспортующий гибрид становится менее агрессивным и менее стабильным. Какую трансформацию претерпит режим по итогам этой нестабильности — зависит в значительной степени от его граждан и институтов, от состояния социума, его зрелости и организованности. Все внешние факторы по сравнению с этим совершенно ничтожны.

08.12.2014

АВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ: МУТАНТЫ, БАСТАРДЫ, ГИБРИДЫ

В своей статье «Россия: „электоральный авторитаризм“ или „гибридный режим“?» профессор Голосов подвергает сомнению научную ценность термина «гибридный режим» как средства классификации. Он считает, что это удобная концепция, позволяющая не определять политический режим как авторитарный, по формальным признакам наделяя его существенными демократическими чертами. Он пишет: «Концепция гибридных режимов идеально соотносится с трюизмом „все-таки это не Советский Союз“, которым западные деятели так долго оправдывали свое желание ублажить Путина».

Чем энтомолог лучше политолога?

Науки об обществе и представляющие их эксперты стоят перед специфической опасностью, неизвестной тем, кто занимается науками естественными или математическими. Никто не скажет энтомологу, что, описывая клопа, он тем самым делает ему рекламу и оправдывает его грешное существование. Но уже психологи — представители науки, находящейся на стыке естественного и социального — занимаясь, к примеру, динамикой абьюзных отношений, регулярно слышат, что они слишком концентрируются на объяснении мотивов насиль-

ника и тем самым обеляют его. Нечего ссылаться на трудное детство и травмы, сажать их надо, а не описывать! Но психолог — не участковый. Изучение не есть оправдание.

Науке вообще свойственна некоторая негуманноидность, которая с непривычки часто пугает. Как писал Зощенко, «Историки даже не добавляют от себя никаких восклицаний, вроде там: «Ай-яй!», или «Вот так князь», или «Фу, как некрасиво!», или хотя бы «Глядите, еще одним подлецом больше!». Политологи тоже стараются от восклицаний воздерживаться, хотя существуют многочисленные публичные комментаторы, с переменным успехом торгующие гражданской скорбью или административным восторгом. Остальным приходится выслушивать вопросы «Зачем вы это безобразие изучаете, все диктатуры на одно лицо, и вообще вы что, не видите — кругом фашизм (народное единство, начальный этап строительства национального государства)?!» Политолог в такой ситуации выглядит человеком, задерживающим своим теоретизированием тех, которым надо не то на последний парад, не то на баррикады, не то срочно повеситься от безнадежности

Зачем нужно разбираться в 50 оттенках авторитаризма

Как указано в статье Григория Голосова, нынешняя палитра авторитарного своеобразия возникла после очевидного провала теории «демократического транзита». В 90-ых предполагалось, что все посттоталитарные страны идут путем построения демократии, и любые странности, обнаруживаемые ими на этом пути, суть явление вре-

менное. Тогда, если кто помнит, вообще ожидался глобальный триумф либерализма, унификация человечества посредством свободной торговли и культуры потребления и Конец Истории (а потом, вероятно, дискотека).

Направление научной классификации, использующее термины «демократий с прилагательными» «авторитаризма с прилагательными» (нелиберальная демократия, электоральный авторитаризм, конкурентный авторитаризм), во многом наследует этой идее. Есть подозрение, что и внедрявшийся у нас в середине 2000-ых термин «суверенная демократия» был придуман людьми, которые что-то смутно услышали, но, как обычно, недопоняли, о чем речь.

Этот способ описания политического режима напоминает неpolitкорректный советский анекдот про чукчу, побывавшего в зоопарке. Всех увиденных им животных он сравнивал, как мы помним, с оленем. Верблюд — это такой олень, только с двумя горбами, тигр — такой олень, только полосатый и хвост длиннее, а удав — как олень, только шея длинная-длинная, а оленя нету. Так же примерно и с нелиберальной демократией — шея длинная, демократии-то и нету.

Если «определения с прилагательными» описывают политические режимы как «испорченное нечто» — слабую тиранию или неудавшуюся демократию, то термин «гибридный режим» методологически следует за средневековыми bestiариями. Там всякое чудовище описывалось как сочетание уже известных элементов: уши слоновьи, лапы крокодила, покрыт чешуей, подобно рыбе, хвост, как у змеи, глаза, как у крысы, говорит человеческим голосом.

Всякий классификационный принцип обречен быть условным, при этом совсем без классификации не обойтись: в рамках этой дилеммы бьются все науки об обществе. Чтобы быть признанным электоральным авторитаризмом, режим должен проводить выборы, на которых разыгрываются какие-то значимые посты. При этом смена верховной власти происходит не посредством выборов, а иными методами — посредством закулисного сговора, переворота и Чейн-Стокса. Для соответствия критерию гибридности нужно, чтобы в политической системе присутствовали легальные демократические институты — парламент, негосударственные медиа, общественные организации. «Входным билетом» считается наличие не менее двух зарегистрированных партий, имеющих право на участие в выборах.

Политическая наука изучает сложные и масштабные общественные явления, и при этом, будучи наукой, стремится оперировать точными данными, желательно в цифровом выражении. Концентрация политологии, особенно западной, на изучении и анализе выборов объясняется во многом именно этим. Выборы — ограниченный во времени регламентированный процесс, с конкретными численными результатами. Нет ничего удобней для классификации, ранжирования и построения круговых схем и графиков. Но бытование политического режима, даже демократии, не сводится к выборной кампании, хотя это и ключевой элемент демократического механизма. Для полудемократий и авторитарных моделей это верно вдвойне. Судить о политической системе по моменту выборов — все равно, что судить о жизни семьи по тому, как она справляет Новый год. Из этого можно извлечь много ценных

сведений об уровне доходов, религиозных взглядах и культурном уровне этих людей, но ценнее было бы понаблюдать за их повседневной жизнью: откуда семья берет деньги, как распределяет бюджет, как решает конфликты.

Григорий Голосов пишет: «Признавая, что эти режимы — не демократии, эта концепция акцентирует внимание на том, что демократические по своей природе институты в них все-таки присутствуют и выполняют в принципе те же самые функции, что и в демократиях. Отсюда логически вытекает, что главная задача оппозиции — готовиться к тем самым решающим (как иногда говорят, „опрокидывающим“) выборам, на которых она все-таки победит». Однако одно из другого вовсе не следует. Гибридный режим будет стараться не допустить таких «опрокидывающих выборов», пока он удерживает власть — то есть пока он вообще функционирует. Удержание власти есть его главная и единственная задача — у него нет ни идеологии и плана светлого будущего, как у тоталитаризма, ни веры в прогресс, как у развитой демократии. Лучшее, что сделала политическая наука в изучении гибридных режимов — изменила отношение к политическим институтам при авторитаризме и полуавторитаризме. Одновременно с теорией демократического транзита бытовала идея, что институты при любой форме «некачественной демократии» суть window-dressing — витринные украшения для внешнего зрителя, прежде всего западного, а содержания в них нет никакого. Это мы часто слышим и в российском публичном дискурсе, когда речь идет о законотворчестве, бюрократии или механизме принятия решений: Дума штампует то, что из правительства

прислали, а все решения вообще принимает один человек. Что тут изучать? По счастью, в мировой науке за последние десять лет взгляд изменился. Исследователи задаются вопросом: зачем полу-авторитарным режимам, например, парламенты? Какова их роль в политической системе? Что внутри них происходит? Появилось некоторое количество очень интересных публикаций на эту тему (см., например, Joseph Wright «Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment», 2008).

Как оживает потемкинская деревня

Самое ценное открытие — что в минимально свободном социальном организме не может быть ничего полностью формального. Все, в чем участвуют люди, наполняется человеческим содержанием, даже если оно не совпадает с надписью на вывеске. Чтобы полностью выхолостить жизнь из выборной процедуры, понадобились все усилия советской тоталитарной машины — полное запрещение партий, безальтернативные кандидаты, полицейский контроль над явкой. В гибридном режиме сами усилия власти по фальсификации результатов выборов говорят о том, что эти выборы — не такая уж формальность.

В последние годы мы не раз наблюдали, как власть, создавая декоративные, по замыслу, псевдо-демократические структуры и процедуры, каждый раз сталкивалась с одним и тем же — как только в потемкинскую деревню приходят люди, она перестает быть потемкинской и становится настоящей. Это было с системой РОИ (Российская общественная инициатива) — очевидным эр-

зацем гражданского участия в законотворчестве, которое вообще-то должно происходить через избранных депутатов. Как только петиция набирала больше 100 тыс. голосов, власть была вынуждена ее отклонять — вместо красивой витрины получилось позорище.

Общественная палата была создана как псевдопарламент без полномочий. Первая же попытка организовать сетевые выборы одной трети (!) этого игрушечного органа привела к тому, что побеждать стали независимые гражданские активисты. Опять пришлось устраивать полноценную фальсификацию, как будто речь шла о настоящих депутатских мандатах — с подкручиванием результатов в сети и привозом автобусов с полицейскими на избирательные участки.

О чем это говорит? Потемкинская деревня остается потемкинской только до той поры, пока в нее не приходят жить люди — тогда она внезапно начинает наполняться настоящей жизнью. Исследования показывают, что чем больше демократических институций гибрид симитирует, тем выше его шансы со временем превратиться в настоящую, без эпитетов, демократию.

Всякий диктатор и полудиктатор когда-нибудь уйдет: важно, что произойдет потом. Мрачный пример Венесуэлы показывает, как уход лидера в политическом режиме, даже куда более персоналистском, чем российский, ничего не изменил в природе этого режима — потому что он оставил общество без институтов, с разрушенной структурой, с утерянными навыками гражданской солидарности. При этом политическая оппозиция там существует, и даже на выборах показывает более выразительные результаты,

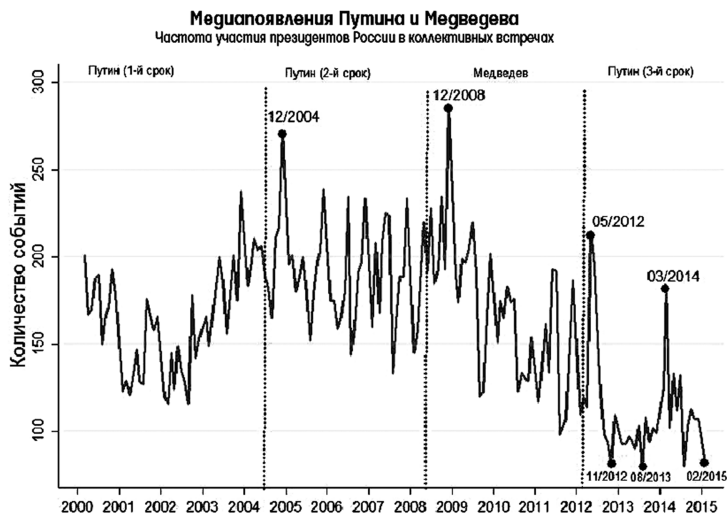
чем российская. Если теория гибридных режимов чему-то и учит оппозицию, действующую в тягостных условиях полуавторитаризма, где ей грозит не столько тюрьма (хотя и тюрьма тоже), сколько изгнание, «бытовая» смерть, изоляция и потеря репутации — так это тому, что ее спасение в горизонтальных связях, гражданской солидарности и кооптации в общественные и политические институты.

03.03.2015

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РОССИИ

*о том, что нравится
и что не нравится элитам
в нынешнем положении вещей*

Действительно ли политический режим в России держится на одном человеке? Являются ли волнения и гадания по поводу временного отсутствия первого лица доказательством того, что без него все немедленно развалится? Или, наоборот, сперва система начинает если не разваливаться, то проседать, а уже потом сочетание новостей и их отсутствия, прошедшее почти незамеченным два с половиной года назад (см. график публичных встреч президента — предыдущая низшая точка в частоте медиапоявлений Путина была в ноябре 2012 г.), вызывает почти что массовую панику?

Персоналистские режимы из всех видов автократий наименее склонны к передаче власти мирным путем, чаще этот процесс проходит с насилием, внешним вмешательством или в связи со смертью лидера (за которой также следует период насилия). Личные диктатуры держатся долго и уходят с кровью, оставляя за собой политические руины. Как ни странно, по статистике, учитывающей авторитарные режимы с 1946 по 1999 г., самые стоворчивые из диктатур — военные (хунты). Их правление длится в среднем меньше, чем у персоналистских режимов, они гораздо чаще отдают власть в результате переговоров или соглашаются передать ее победителю на выборах (см. Barbara Geddes. *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument*, 1999). Как известно, военные меньше всего любят воевать — максимальной кровожадностью отличаются штабные теоретики и самопровозглашенные патриоты из гуманитариев.

К добру или к худу, но в России по причинам, заложенным еще в послевоенную эпоху, армия не является политическим субъектом. Спецслужбы и правоохранительные органы являются, а армия нет: так было все позднесоветское время, так остается и сейчас (вспомним неучастие вооруженных сил в событиях 1991 и 1993 гг.). Поэтому военный переворот нашему режиму ни в какой форме не грозит. В России власть принадлежит бюрократии — гражданской, силовой и экономической, представляющей госкорпорации и национализированные сырьевые предприятия (по сути, министерства газа, нефти и цветных металлов).

Известную фразу Николая I о том, что Россией правит не он, а 30 000 столоначальников, можно счесть кокетством самодержца, но в поли-

тической системе, доставшейся нам от советской власти, правящим классом действительно является госноменклатура. За последние 15 лет преимущественные позиции во всех трех ее сферах (гражданской, силовой, экономической) заняли представители спецслужб, правоохранительных и правоприменительных органов. Это противоречит второму по популярности после «все держится на одном человеке» мифу о политическом устройстве России: «После Путина к власти придут более радикальные силовики». Малопонятно, откуда они придут, если они уже находятся у власти и собираются дальше пребывать там же вне зависимости от чьего бы то ни было индивидуального настроения и состояния здоровья. Образ «первого европейца», с трудом сдерживающего напор свирепых опричников, — наиболее эффектный и наименее обоснованный из пропагандистских фантомов. Он рассчитан на образованную городскую публику и спекулирует на ее природном историческом пессимизме (очень понятном в России) и незнании бюрократических реалий.

Чем на самом деле доволен и чем недоволен наш правящий класс в своем сегодняшнем положении? От ответа на этот вопрос стабильность режима зависит гораздо в большей степени, чем от загадочных медико-психологических факторов, о которых все равно никто не имеет внятного представления.

Что нравится:

— антизападная, и в особенности антиамериканская, риторика. У власти сейчас советское поколение 50-летних и старше, для них «противостояние с Западом» — привычный и комфортный модус.

Америка лучше Европы в качестве объекта противостояния, поскольку она не является нашим преимущественным торговым партнером. «Америка» публичного политического дискурса — во многом умозрительная конструкция, поэтому воинственные разговоры о ней не грозят ничем;

— отмена под предлогом вышеупомянутого противостояния и общей чрезвычайщины любых модернизаций и реформ, нарушающих привычное существование. Не до того сейчас, надо угрозы отражать;

— возможность использовать риторику о борьбе с внешними и порожденными ими внутренними врагами в межведомственной и аппаратной борьбе, заменяющей в России политическую конкуренцию;

— перспектива раздачи верным людям накопленных в сытые годы средств резервных фондов;

— бесконтрольный поток средств, идущих на разнообразные нужды украинского конфликта.

Что не нравится:

— нестабильность. Общее ощущение тревоги, неуверенность в завтрашнем дне. Чувство, что насилие стало более позвольительным, в том числе в выяснении отношений между своими. Хорошо, если этот ресурс применяешь ты, — а если против тебя?

— появление новых акторов, претендующих на применение силового ресурса: мало того, что зашатался заключенный еще после смерти Сталина внутриэлитный договор «своих не убивать», так еще и объявились желающие быть операторами этих разрешенных убийств;

— удешевление накопленного: активы, нажитые в благополучные нефтяные годы, вдруг стали стоить меньше, если только они не иностранные;

— предчувствие снижения доходов: потеря веры в грядущую дорогую нефть;

— практический изоляционизм: усложнение доступа к зарубежным активам, прямая невозможность выезда для себя и для семьи.

Характерно, что для ответа на действительно важные вопросы никогда не нужно обладать тайной инсайдерской информацией — достаточно открытых источников. Так, развернутое изложение вышеописанного бюрократического консенсуса можно увидеть, например, в программной статье Евгения Примакова, опубликованной в январе в «Российской газете». Поскольку номенклатура и есть та субстанция, из которой изготовлена вертикаль власти (и в мирные времена не особенно прочная, а сейчас на глазах искривляющаяся, как лента Мебиуса), то существование режима и динамика его трансформации будет зависеть от субъективно понимаемого ею баланса между выгодами и невыгодами нынешнего положения вещей.

16.03.2015

КАК СТАТЬ ДИКТАТУРОЙ: *насколько реален плохой сценарий трансформации режима*

Превратится ли Турция по итогам неудавшегося военного переворота из электоральной автократии (или нелиберальной демократии, в зависимости от того, какую терминологию вы предпочитаете) в полноценную диктатуру? Может ли это произойти с Россией, чей политический режим имеет много сходства с турецким, или это уже произошло? Как вообще гибридные режимы мутируют в «полные автократии», которые ничего не имитируют и ничем не притворяются? Были ли такие случаи и что влияет на этот процесс?

Предмет интереса политической науки — прежде всего трансформация, изменения, происходящие с режимами, государствами и институтами. Поэтому переходы от демократии к диктатуре и обратно, промежуточные формы государственности и их устойчивость, точки трансформаций — выборы, протесты, перевороты — изучаются современной политологией активно. Исследования конкурентного авторитаризма Вэя и Левицки, труды Барбары Геддес о распаде автократий и Беатрис Магалони о выборах при авторитаризме оперируют данными о большом массиве стран и режимов, пытаюсь понять, каким принципам подчиняются происходящие там политические изменения.

Левицки и Вэй выделяют 35 стран «конкурентного авторитаризма», Барбара Геддес изучает трансформацию 280 автократий мира в промежутке с 1946 по 2010 год. Большая часть человечества сейчас

живет под властью промежуточных политических форм — чистые диктатуры суть вымирающий вид, но и сияющие демократии на холме тоже встречаются не так часто. Большинство стран мира относятся к категории «ни богу свечка, ни черту кочерга» — они не устраивают массовых казней, не закрывают границы на въезд и выезд, не запрещают все партии, кроме единственно верной, но и не в состоянии провести открытые выборы, ограничить власть правящей группировки (будь то бюрократия, военные или друзья и родственники правителя), победить коррупцию или обеспечить свободу прессы. Отсюда и исследовательский интерес, и одновременно слабое место этих исследований: когда статистической единицей является целое государство, любое отклонение от правила очень дорого стоит: что вам с того, что в пяти соседних странах изучаемые тенденции ярко проявляются, если именно в вашем случае все пошло не так?

Отсюда же проблема больших стран, таких как Россия или Китай, которые в общем подсчете будут такой же единицей, как Мали или Тунис: они одновременно и подчиняются законам общего поля, и, как крупные небесные тела, искажают это поле вокруг себя, влияя на страны поменьше.

В самом общем виде научные достижения можно суммировать следующим образом: гибридные политические режимы склонны демократизироваться (давать своим гражданам большую степень свободы) под влиянием трех основных факторов: того, что Левицки и Вэй называют *linkage*, *leverage* и состояние внутренних политических институтов.

Linkage — это экономическая и политическая связь режима с внешним миром, вовлеченность в международные союзы, договоры и торговлю. Чем

выше уровень вовлеченности, тем выше шансы на демократизацию, и наоборот.

Leverage — сходное понятие, но, если можно так выразиться, с другого бока — влияние, которое на поведение режима оказывают внешние акторы, его зависимость от них и наличие «значимого другого» — основного торгового партнера и/или источника финансовой помощи. Если этот основной партнер — демократия, то и дружащий с ним режим будет скорее демократизироваться; если авторитария — наоборот. Нетрудно заметить, что это та же старая добрая теория «сфер влияния», но под иным углом. В этом смысле Россия для постсоветского пространства и Китай для многих стран Африки являются тем, что ученые называют «черным рыцарем» — авторитарным партнером, увлекающим соседние страны на путь авторитаризма. Для Восточной Европы «белым рыцарем», соответственно, служит Европейский союз, а для стран Латинской Америки — США.

Институциональная развитость или организационная сила режима — это его способность имитировать демократические институты, что со временем способствует демократизации (подражание — первый шаг к добродетели). С другой стороны, наличие единой бюрократии и мощного репрессивного аппарата (унаследованного, например, от предыдущей политической формы) толкает режим в направлении большей авторитарности — раз ружье висит, грех из него не пострелять.

Еще один значимый фактор, влияющий на склонность страны пойти по дурной дорожке тоталитарности и насилия, — демографический. Разумеется, демография — не приговор, но наличие того, что демографы называют *youth bulge* — молодежно-

го навеса, преобладания в поколенческой пирамиде страты 20–25-летних, коррелируется со склонностью социума к насилию, внешнему или внутреннему. С другой стороны, если в стране большинство населения старше 40 лет, то протест будет носить скорее мирный и легальный характер (не уличные бои, но согласованные митинги). Однако более старое население никак не влияет на вероятность переворота — другого проклятия полуавтократий, в которых нет публично заявленного механизма смены власти (на выборах ничего не меняется, а старое доброе престолонаследие не институционализировано).

Переворот — любимец политологов, склонных изучать легкоидентифицируемые процессы с четко очерченными временными границами. Есть база данных по всем мировым переворотам и множество исследований, показывающих, например, существование переворотов, ведущих к последующей демократизации. Это в основном характерно для стран, где армия является модернизирующей и секулярной силой, — тоже уходящая натура, как показывает пример сегодняшней Турции.

Известно, что вероятность внутриэлитного переворота не связана с популярностью или непопулярностью правителя, против которого он направлен, — потенциальные заговорщики живут в своем прекрасном мире и о состоянии общественного мнения имеют смутные представления.

Однако в новой вселенной всеобщей прозрачности популярность влияет на возможный успех переворота, что создает парадоксальную ситуацию, когда авторитарный правитель вынужден искать общественной поддержки и помощи тех самых социальных сетей, с которыми он боролся, пока гром не грянул. Более того, даже уровень транспарентности

власти, то есть объем открытых данных, которые государство о себе публикует, соотносится с уровнем его иммунитета от внутриэлитных заговоров. Иными словами, чем более вы открыты, тем меньше вам стоит опасаться сценария «Как звери, вторглись янычары, падут бесславные удары, погиб увенчанный злодей». Правда, та же самая открытость, спасая режим от Харибды переворота, приближает его к Сцилле массовых протестов: чем больше избиратель и налогоплательщик о вас знает, тем больше у него шансов вспомнить, что он именно избиратель и налогоплательщик, а не подданный, ослепленный вашим редким публичным появлением и подаренным в прямом эфире щенком.

Парадоксальным образом неудавшиеся перевороты скорее приводят к последующей демократизации. Если вдуматься, это довольно логично: если речь идет не о срежиссированном «убийстве Кирова», а о реальном внутриэлитном расколе, то преодолеть его можно, только опираясь на какие-то другие социальные страты. В случае с сегодняшней Турцией это общественное мнение и светские правоохранительные и судебные органы.

Если пересмотреть все перечисленные критерии и факторы, ведущие к демократизации или, наоборот, к упрочению авторитарной власти, то список начинает напоминать известные «три признака, определяющие цену недвижимости» — location, location and location. На всех трех и тридцати трех указателях, ведущих к авторитаризму, на самом деле написано одно и то же: изоляция. Все, что способствует изоляции, способствует и диктатуре, и наоборот. Это звучит зловеще, если вспомнить, что изоляция имеет на политическом языке другое название — суверенитет.

Собственно, то, что разнообразные международные исследовательские организации, такие как Freedom House или ВТІ, называют всемирным наступлением авторитаризма или авторитарным ренессансом, самими героями процесса ощущается и декларируется именно как торжество демократии — примат воли народной (которая может и возвращения смертной казни захотеть, и куска соседской территории) над неизбираемой международной бюрократией и навязанными ею правилами.

Весной этого года 146 американских ученых и публичных интеллектуалов обратились с открытым письмом к кандидатам в президенты. Там говорится, что за последние 40 лет число свободных демократических стран увеличилось более чем вдвое (под свободным и демократическим тут понимается accountable government — правительство, отчитывающееся перед гражданами). Одновременно, по индексам Freedom House, уровень свободы снижался в течение каждого года из последних десяти лет. Признаки снижения уровня свободы, которыми оперируют международные индексы такого рода, — это именно признаки изоляционистской политики: ограничения прав международных организаций, ограничения свободы прессы, прав НКО, прав граждан на собрания и передвижение.

Надо учитывать, что «новые автократии» хотят не столько реально отгородиться от мира (такое в действительности может позволить себе только Северная Корея, а это не та судьба, которой хотят для себя элиты коррумпированных сырьевых режимов), сколько быть частью мирового товарного и потребительского оборота и при этом иметь свободу рук внутри своей страны и (в случае более амбициозных крупных государств) в своем ближайшем окру-

жении (она же «сфера влияния» или backyard). Соответственно, они производят зловещую риторику куда интенсивнее, чем реальные изоляционистские действия.

Это формулирует «парадокс гибрида»: без изоляции невозможна настоящая концентрация власти, но реальной изоляции боятся и социумы, и элиты. Некоторый выход видится в создании «авторитарного интернационала» — то есть недодемократиям предлагается дружить между собой. Слабая сторона этого плана в том, что каждый из участников такого союза хочет не столько дружбы братьев по традиционным ценностям, сколько новых рычагов влияния на страны первого мира, что вносит в отношения неприятный меркантильный холодок.

Случаи радикальной трансформации из слабой демократии в сильную диктатуру на самом деле редки (ближайший к нам — Белоруссия, где черным рыцарем выступила как раз Россия). Для настоящих диктатур типа Ирака, Ливии и Сирии ближайшим сценарием оказывается не дальнейшая концентрация власти и не демократизация, а развал, война и хаос. Собственно, именно поэтому промежуточные политические формы и распространились по планете, заняв в том числе место старых тираний, — их сила в том, что они могут трансформироваться, не меняя своей сути. Поэтому резкие переходы от сложносочиненного гибрида к стройному фашизоидному режиму годятся для эффектных заголовков, но не так вероятны в реальной политической практике.

03.08.2015

ЛИДЕР-ГЕНИЙ И ПРЕЗИДЕНТ-АСПЕРГЕР: РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ

*о бюрократической легитимации
президента России*

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

Не успели мы в предыдущей публикации («Ведомости», 2.02.2015) заметить, что в научном смысле глупее политических исследований «ближнего круга» авторитарного лидера может быть только диагностирование его по телевизору, как такой диагноз немедленно появился. Газета USA Today опубликовала изложение доклада, сделанного в 2008 г. экспертной структурой при Пентагоне — Office of Net Assessment. Основываясь на некоем «анализе двигательных паттернов», авторы утверждают, что у Владимира Путина синдром Аспергера (разновидность высокофункционального аутизма), полученный в результате родовой или перинатальной травмы.

Этот доклад подтверждает универсальный закон: организация, стремящаяся к закрытости, всегда будет отрезана от сколько-нибудь качественной экспертизы и объективной научной аналитики.

В результате могущественная госслужба, в чьем распоряжении, казалось бы, все силы мировой науки, не в состоянии получить сведения, которые находит любой родитель, когда его начинает беспокоить развитие его ребенка. Чрезвычайно быстро

и совершенно бесплатно ему становится известна вся радуга аутичного спектра, от Каннера до Аспергера, а также то, что ни один из этих синдромов не определяется «сканированием мозга», что связь между родовой травмой и аутизмом — чрезвычайно спорный вопрос и что картина аспергерской симптоматики похожа на Путина, которого мы видим по ТВ, примерно так же, как, например, дисморфофобический синдром.

Обнаружение у Путина неврологических расстройств практически не более ценно, чем именование его «политическим гением» в статье, появившейся примерно в то же время на одном из патриотических сайтов.

Действительно ли российский политический режим персоналистский (вождистского типа)? Обычно на этот вопрос отвечают утвердительно: да, в России режим личной власти лидера. Но есть одно важное различие, которое часто упускают из виду. Как известно, Макс Вебер различал три типа легитимации — причины, делающей власть законной для тех, кто ей подчиняется. Это легитимация традиционная, харизматическая и рационально-правовая (или, в менее возвышенных терминах, бюрократическая). Среди авторитарных лидеров много «революционных» — пришедших к власти в результате военных переворотов или народных восстаний (*presidente proclamada*), минуя выборную процедуру. Их тип легитимации — харизматический, они правят благодаря своим личным качествам. Устойчивость таких режимов сильно зависит от восприятия лидеров их окружением — сияет ли над ними магический нимб избранника судьбы (на русском уголовном наречии — «фарт») или он внезапно потух. Для революционных лиде-

ров вероятность лишиться власти в результате, например, неудачной внешнеполитической авантюры куда выше, чем для избранных.

Лидеры с процедурным типом легитимации могут быть сколь угодно авторитарны, но основанием их власти является не личное обаяние, а пройденная ими выборная кампания. Например, Уго Чавес выигрывал выборы четырежды, в промежутке сильно подправив конституцию в свою пользу. После его смерти политический режим в Венесуэле, несмотря на глубочайший экономический кризис, не изменился. Как ни относиться к операции «Преемник» 15-летней давности, но и добровольная отставка, и досрочные выборы — конституционные инструменты. Дальнейшая пролонгация власти происходила также посредством выборных процедур (оставим в стороне вопрос об их качестве). В России отсутствует такой признак персоналистического правления, как «указное право», — у нас основным правовым инструментом является федеральный закон (см., например: Томас Ремингтон. *Presidential Decrees in Russia: A Comparative Perspective*, 2014). Учитывая нынешнее состояние парламента, можно сказать, что федеральный закон есть форма президентского законотворчества. Однако прохождение через парламентскую процедуру распределяет политическую ответственность, делая ее коллективной. Нет в России толком и «культы личности» в идеологической сфере: желающие могут сравнить количество портретов главы государства у нас и, например, в Казахстане. Президент доминирует в медийном пространстве, но доминирует «по должности», а не в личном качестве.

Ситуация с легитимацией власти в России интересным образом поменялась после «рокировки»,

объявленной 23 сентября 2011 г. Обычно революционные вожди, если правление их оказывается устойчивым, стараются узаконить себя процедурным способом — проводят какие-никакие выборы, организуют парламент и тем самым избавляют себя от необходимости постоянно подтверждать свое харизматическое величие. В России произошло обратное: лидер, чье правление было стабильным и чья власть была укоренена в конституционной процедуре, на позднем этапе своего правления превратился в некоторое подобие революционного вождя. То, что «третий срок» был конституционно сомнительным, поставило его перед необходимостью сделаться харизматиком, каковым он, в сущности, до этого не был: совершать подвиги, проводить агрессивную внешнюю политику и ежедневно радовать граждан неожиданными новостями.

Однако сам факт «третьего срока» подтверждает, что природа политической власти в России бюрократическая. Формат «технического президента» и стоящего за его спиной «национального лидера» очень быстро оказался нереализуем: занимаемая должность наполняет любого инкумбента живой административной кровью. Российский политический режим — это режим личной власти, но эта власть принадлежит любому, кто занимает соответствующую должность.

16.02.2015

НЕОКРЕМЛИНОЛОГИЯ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

*Намеки тонкие на то,
чего не ведает никто*

Недавно информагентство Bloomberg опубликовало статью о том, что ближайшее окружение президента Путина сузилось до нескольких руководителей силовых структур, а прежние его друзья-бизнесмены отстранены от прямого общения с ним и от влияния на процесс принятия решений. Им не доверяют, объясняет агентство, потому что у них есть финансовые связи с Западом. На декабрьской пресс-конференции агентство Reuters задало российскому президенту вопрос, есть ли у него «план на случай дворцового переворота». Радио «Свобода» организует беседу экспертов с обсуждением возможного влияния на российскую внутреннюю политику «шестой колонны» — бывших «системных либералов».

Профессор Нью-Йоркского университета и один из лучших специалистов по российским спецслужбам и организованной преступности Марк Галеотти предлагает понятие «седьмая колонна»: это часть окружения президента, манифестом которой он считает программную статью Евгения Примакова, опубликованную недавно в «Российской газете». Галеотти считает, что если и существует внутренняя угроза режиму, то исходить она будет не от пятой колонны — оппозиционной общественности, не от шестой — либералов-экономистов, а от седьмой, к которой он оптимистично причисляет «более ра-

циональных силовиков», опасующихся разрастания конфликта со всем миром и ущерба, который может быть нанесен России в дальнейшем.

Эти люди, замечает Галеотти, не западники и не либералы, но они недовольны текущим положением вещей и направлением, в котором движется российская внешняя и внутренняя политика. Кто шагает в седьмой колонне, чье мнение предположительно выражает Евгений Примаков, говоря о необходимости сворачивать украинскую кампанию и проводить внутривластные реформы? Профессор называет Сергея Шойгу, Владимира Колокольцева и Валерия Зорькина (который, строго говоря, не силовик, но уж точно не либерал). А кто в «списке узкого круга» от Bloomberg? Николай Патрушев, Александр Бортников, Михаил Фрадков тот же Сергей Шойгу.

Возвращение старой доброй кремлинологии, расчетов влиятельности того или иного лица в зависимости от его положения ошую и одесную генсека на Мавзолее, а также наблюдений типа «кто хоронит, тот и наследует» — плохой признак. На научной шкале ниже этого жанра придворной политологии стоит только психологическое диагностирование первого лица по ТВ и попытки проникнуть в голову человека, которого вы никогда не видели, с целью понять, что он «на самом деле думает». Эксперты занимаются такими вещами не от хорошей жизни. При прочих равных специалист всегда предпочтет оперировать открытыми данными и проверяемыми сведениями. Но если политическая система становится все более закрытой и механизм принятия решений переносится из легального поля в область неформальных договоренностей и частных отношений — тогда расстановка на трибуне

может оказаться наиболее ценной из всей доступной информации.

Политическая наука изучает и заговоры, и военные перевороты, и политические убийства. На богатом материале, представленном в последние 50 лет странами Африки и Латинской Америки, сделаны занимательные и практически ценные выводы (см., например, книгу профессора Военно-воздушного колледжа Алабамы Наунихала Сингха «Захват власти: стратегическая логика военных переворотов»).

Вероятность военного переворота (например, заговора силовиков в отличие от, скажем, массового протеста, приводящего к смене власти) не связана с популярностью или непопулярностью лидера, против которого он направлен. Организаторы заговора живут в своей информационной среде и общаются с себе подобными. Их волнует не мнение народное, а то, смогут ли они собрать нужные военные и финансовые ресурсы. Если это удастся, поначалу переворот будет встречен населением одобрительно или нейтрально, и неважно, каковы были предшествующие результаты опросов.

Нет связи между наличием или отсутствием роста в национальной экономике и вероятностью внутриэлитного заговора. Элита существует в своем особом мире, для нее решающим фактором при принятии решения «Хватит это терпеть!» может стать вовсе не публикация очередной экономической статистики.

Перевороты с большей вероятностью происходят в год президентских выборов или перед ним, чем в любое другое время. Видимо, заговорщики не верят в желательный для себя результат выборов или не хотят его ждать. Учитывая предыдущее, это

говорит о том, что силовому смещению вероятнее подвергнется популярный лидер, чем непопулярный: какой смысл устраивать рискованный заговор против того, кто через год сам отойдет от власти. Но этот вывод исходит из двух предпосылок: что заговорщики действуют, исходя из рациональных побуждений, и что выборы в стране предполагаемого заговора приводят к смене власти. Как нетрудно догадаться, и то и другое не гарантировано.

Серьезный удар по позициям заговорщиков всего мира нанесло введенное в начале 1990-х гг. титулом 22 Кодекса США правило, по которому финансовая помощь стране, где законная власть смещена силовым путем, не оказывается, пока там не проведены общенациональные выборы. Той же нормы придерживается и ЕС. С тех пор заговорщики всего мира стараются как можно быстрее устроить в своей стране выборы — в том, разумеется, случае, если они зависят от иностранной помощи или рассчитывают на нее. Военные перевороты по классической схеме происходят чаще в бедных странах — богатые страны уже организовали у себя устойчивую демократию или решают вопросы престолонаследия мирно, в семейном кругу, на манер Саудовской Аравии. Нестабильность при передаче власти — удел режимов промежуточного типа.

02.02.2015

ЗАСТЕНЧИВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ

*Почему в Петербурге
нет улицы Путина*

Место для памятника князю Владимиру москвичи будут выбирать высокотехнологичным способом: посредством голосования через приложение «Активный гражданин». Варианты предложены следующие: на Боровицкой площади, на набережной у парка «Зарядье» (где была гостиница «Россия») и на Лубянской площади. Есть еще две опции: «это должны решить специалисты» и «затрудняюсь ответить». Как нетрудно догадаться, обе сводятся к «пускай начальство решает», а напрашивающийся вариант «никуда его не надо ставить» отсутствует, что несколько напоминает мерцающую графу «Против всех», то появляющуюся, то исчезающую в бюллетенях на настоящих выборах.

Секретный Владимир и Екатерина с намеком

Итак, Владимира решено ставить, причем, судя по упоминанию среди вариантов его размещения на Лубянской площади, ставить вместо Дзержинского, в рамках популярной государственной пиар-стратегии «а могли бы и бритвой по глазам». Тысячелетие со дня смерти исторического деятеля отмечалось торжественным приемом в Кремле (указ президента из четырех пунктов, последние два — закрытые).

Рассмотрим другой официальный документ с подтекстом. 9 июля группа членов Совета Федерации внесла в Думу проект закона об установлении двух новых памятных дат: 19 апреля — День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи (1783 год) и 9 сентября — День памяти воинов Крымской войны 1853–1856 годов. В пояснительной записке заботливо указано, что дата отражает «подлинные геополитические события, побудившие 19 (8) апреля 1783 года Великую императрицу Екатерину II подписать „Высочайший Манифест о принятии Крымского полуострова, острова Тамань и всея Кубанской стороны под державу Российскую“». И далее: «Именно принятие 19 (8) апреля 1783 года Крыма и его жителей, страдающих от набегов и войн, под защиту Российской империи, причем по их просьбе, стало легитимной формой вхождения Крыма в состав России».

Тут два ключевых понятия: «подлинность» (не фантазии какие-нибудь, а на самом деле так все и было) и «легитимность» (не силой взяли, по просьбе и для защиты от набегов). Ясно, что 1783 год следует читать как 2014-й, апрельская дата выбрана ради максимальной приближенности к крымской весне, а под «Великой императрицей Екатериной» подразумевается понятно кто.

Аналогично самое ценное во Владимире-2015 не то, что он замещает собой Дзержинского или удостаивается кремлевского приема на 400 человек. Всякому понятно, что князь Владимир — это на самом деле президент Владимир, которого очень хочется прославить торжественно и монументально, но напрямую сделать это нельзя.

А почему нельзя?

Потому же, почему невозможно поставить действующему президенту вращающийся монумент, как Туркменбаши, или переименовать Санкт-Петербургский университет в Университет Путина, как университет в Астане носит имя Назарбаева? Причем невозможность эту равно осознают как потенциальные инициаторы, так и те, кому такого рода инициативу пришлось бы рассматривать: пришедший подобной идеей будет воспринят бюрократической машиной не как радостный идиот, перестаравшийся по части лояльности, а как подозрительный провокатор.

Запрет этот, столь же трудноформулируемый, сколько и очевидный, можно объяснить несколькими способами.

Например, так: власть транслирует стилистику спецоперации, родную для победившего слоя правящей бюрократии — силового. Каждый пишет, как он дышит, и действует, как ему привычно — филологи на филологический лад, крестьяне по-крестьянски, а сотрудники спецслужб в своей неповторимой манере. Поэтому в процессе принятия решений приоритетом является тайна и внезапность, говорить на публике правду запрещено, даже когда это выгодно, а все карты должны быть напечатаны с ошибками, дабы потенциальный шпион заблудился.

По этой логике праздник присоединения Крыма уже существует, но называется День Сил специальных операций РФ (отмечается 27 февраля, установлен указом президента в 2015 году). Официальный печатный орган правительства РФ, «Российская газета», отвечая самой себе на вопрос, почему это Днем Сил специальных операций выбрано 27

февраля, тогда как соответствующее подразделение в составе МО было созданы совсем в другой день, пишет: «Вспомните, что и где происходило год назад. И чем тогда все завершилось».

Это наш с тобой секрет

Своеобразный модус подмигивания («мы же с вами понимаем»), довольно странно выглядящий в официальном контексте (бюрократическая манера выражаться может быть мутной, невнятной и прямо лживой, но лукавство и улыбки, прикрытые веером, в нее никак не вписываются), делает гражданина и государство сообщниками в разделяемом понимании чего-то, что нельзя назвать вслух. Это «что-то» не совсем законное, иначе зачем его скрывать. Объяснение этому дает концепция, выдвинутая, например, Максимом Трудолюбовым — «государство как диссидент»: «Россия сегодня — это в изображении медийных пропагандистов мировой Сахаров, издатель „Хроники текущих событий“ (RT), лишенный наград (выгнали из G8) и сосланный в Горький (запрет на выезд для отдельных чиновников)».

Действительно, манера говорить об одном, подразумевая другое, причем перед аудиторией созаговорщиков, — это прием полулегальной оппозиции: Чернышевский в «Современнике» («в комментариях к итальянским событиям он с долбящим упорством ставил в скобках чуть ли не после каждой второй фразы: Италия, в Италии, я говорю об Италии, — развращенный уже читатель знал, что речь о России и крестьянском вопросе»), Театр на Таганке, сатирик с анекдотом «про сферу обслуживания». Чуркин в Совбезе, добавит развращенный уже теле-

зритель, — да, в наши дни этот тип поведения называется троллингом.

Намеки, непрямые высказывания и секретничанье — орудие слабых, и, когда к нему прибегает государство, вооруженное всей мощью армии, флота и репрессивного аппарата, это создает между ним и гражданами несколько извращенный, но сильный бондинг (как психологи выражаются).

Кому положен прижизненный монумент?

Кроме стилистического и психологического, авторитарной застенчивости есть и более общее объяснение — научное. Российский политический режим принято считать персоналистским, то есть построенным на власти лидера и его ближайшего окружения. «Режим личной власти» произносится как с упреком (нет бы опираться на закон и институты, а не на метод ручного управления!), так с гордостью (только богоданный вождь, только хардкор — такая уж у нас духовная скрепа) — но признается всеми. Барбара Геддес, современный классик политических исследований авторитаризма, называет Россию персоналистской автократией.

В рамках этой классификации, действительно, другие выявленные типы автократий — однопартийные и военные — явно не про нас.

У такого типа режимов есть ряд характерных черт: они менее живучи, чем однопартийные диктатуры (средняя продолжительность пребывания у власти — 15 лет против 23 лет у однопартийных и 9 — у военных). Они так же более чувствительны к экономическим и внешним шокам. Во-первых, потому, что богоданный лидер должен перманентно доказывать свою способность производить из ничего

мед и манну — трудности приемлемы, но они должны быть временными. Во-вторых, что важнее, такого рода режимы держатся на подкупе элит — а когда окошечко, где выдают плату за лояльность, закрывается, очередь, которая только что стояла сплоченной фалангой, мгновенно растворяется в воздухе.

Малозаметное, но значимое внутреннее противоречие российского режима состоит в том, что если автократия у нас и вождистская (хотя на этот счет есть сомнения), то тип легитимации — процедурный. То есть власть приобретается и передается в результате выборов и различных толкований писанных законов. Хранителем ее является не революционная гвардия, а коллективная бюрократия.

Из этого не следует, что «власть соблюдает законы», но имитировать это соблюдение она обязана, а нарушает их именно в той степени, в какой сами законы это позволяют (они соответствующим образом написаны). Сама необходимость фальсифицировать выборы и выворачивать Конституцию наизнанку подтверждает это извращенным образом.

Легитимация процедурного типа для власти выгоднее всех прочих — она наименее подвержена эрозии из-за внешних и внутренних неудач. Для лидерства в такой системе не надо бесконечно истощать персональное очарование, излечивать золотуху и исправлять курс национальной валюты наложением рук. Достаточно контролировать выборный процесс и прессу, а на все претензии отвечать «закон один для всех» и «не нравится — идите в суд».

Опасный момент наступает, когда режим такого типа исчерпывает свою рационально-правовую легитимность, то есть пропускает тот исторический момент, когда передача власти еще может произойти

посредством ущербной, но внешне законной процедуры. После этого режим начинает морфировать — лидеру приходится вести себя как революционному вождю, им по сути не являясь, а именно — совершать подвиги, побеждать врагов, приращивать земли и извлекать сокровища со дна морского. Прагматическому лидеру персонального культа не положено, а харизматический вождь только им и держится, потому что больше никаких оснований для занятия своей должности у него нет.

03.08.2015

ЗИМА БЛИЗКО

Как политический режим будет выживать в голодное время

Как будет выживать наша политическая система в условиях сокращения ресурсной базы? Если экономическая модель за прошедшие 15 лет становилась, насколько это возможно, все более примитивной — качаем углеводород, продаем, на полученный доход расширяем государственный аппарат, — то политический режим, напротив, достиг в своем развитии некоторой даже изысканности. Он имитировал демократические институты и тоталитарную риторику, без объяснений менял пропагандистские модели, в отношении потенциальных оппонентов сочетал точечные репрессии и точечную же кооптацию, заменял политическую конкуренцию соревнованием бюрократических кланов, а конституционную систему сдержек и противовесов — организацией административной биржи, где торгуют ресурсами, полномочиями, угрозами и обещаниями. Тем не менее экономическим фундаментом этого барочного палаццо все равно является покупка лояльности за деньги: как правящий класс, так и граждане наделяются своей долей распределенных доходов, а взамен от первых ожидается участие, от вторых — пассивность.

Живучесть гибридных режимов, их способность противостоять внешним и внутренним шокам — тема, наукой достаточно изученная. Свежее исследование группы авторов под руководством классика современной политологии Барбары Геддес *Autocratic Breakdown and Regime Transitions:*

A New Data Set оперирует данными о трансформации 280 авторитарных режимов с 1946 по 2010 г. Эмпирический материал настолько обширен, что любые обобщения будут некоторым огрублением, но выводы можно извлечь следующие: чем выше уровень концентрации власти в одних руках, тем выше уровень насилия при смене режима, а для мягкой режимной трансформации выгодно распределять власть (и, следовательно, ответственность) между политическими институтами, например партиями и парламентом.

Надо понимать, что политический режим представляет собой систему, не сводимую к сумме индивидуумов, занимающих руководящие должности. Если спросить того или иного начальника времен режимной турбулентности, как надо переживать трудные времена, он ответит не «потихоньку демократизироваться — так целее будем», а в лучшем случае «надо замереть и переждать», в худшем же приведет примеры предшественников, сгинувших оттого, что они «дали слабинку» и «не добавили контру». Он-то, разумеется, будет умнее и всех додавит, гайки докрутит и поляну заасфальтирует.

Беда в том, что именно в тот момент, когда хочется закрутить все гайки, их уже не так много осталось и крутить их особенно нечем. На пути выживания, которое является для неидеологизированного режима единственным смыслом и целью существования, ему придется преодолеть ряд противоречий. Напомним, что речь идет не о проблемах, стоящих перед обществом, экономикой или гражданами, а о тех задачах, которые должен решить политический режим ради самосохранения. Итак, четыре дилеммы режима на ближайший период:

1) **бюрократическая** – необходимость сохранить лояльность ближнего круга при сокращении расходов на него же. Властвующие кланы и акторы — основная и, со снижением общего уровня жизни граждан, в возрастающей степени единственная опора режима. При этом кормить их так, как они привыкли за последние 15 лет, режим больше не в состоянии. Именно они, а не граждане острее всего чувствуют ущерб от внешнеполитической изоляции. Как отвлечь высшую бюрократию — экономическую, силовую, пропагандистскую — от мысли обменять, скажем, голову своего начальника на снятие железного кольца санкций с собственной шеи? Выходом тут может стать усиление внутренней конкуренции, которое и так наступает вследствие истощения ресурсов. Иными словами, кланам будет предложено заняться борьбой за усыхающий пирог бюджетных доходов и административных привилегий. Временно выиграет тут тот, кто в отличие от бывшего главы РЖД уловит моду на новую российскую *austerity*: денег просить надо меньше, социально значимых услуг (типа ходящих электричек или не так стремительно дорожающего бензина) пытаться предоставлять больше и делать вид, что все это временно. Ведомственные и бюрократические кланы будут все громче заявлять о себе в публичном пространстве, внутриэлитные конфликты будут выноситься на публику. Малопривлекательную морковку будет оттенять все более реальный кнут: излюбленным методом бюрократической конкуренции в России является уголовное преследование или угроза его;

2) **силовая** – необходимость обеспечения собственной безопасности при снижении расходов на силовой аппарат и падении политической популяр-

ности. Как сократить штат МВД (сокращение на 100 000 планируется только в этом году) и при этом не остаться без охраны, когда благодарные граждане придут рассказать, что они думают о твоей экономической политике? Как продолжать пугать соседей собственной военной угрозой и при этом не надорваться под бременем военных расходов? Выходом тут может быть не отстройка репрессивного аппарата (на это нет ресурсов ни финансовых, ни человеческих), а проведение точечных репрессий, направленных на публично-политическую, гражданскую и гуманитарную сферу. Это те области, где у государства есть власть и возможности и где низка вероятность встретить организованное сопротивление. Поскольку объекты репрессий сами относятся к «говорящему классу» и являются объектами общественного внимания внутри страны и за ее пределами, такие акции при небольших затратах вызывают огромный резонанс и служат цели режима — минимальной ценой произвести парализующее впечатление «тоталитарности». Как показывает пример процесса Сенцова, «демосталинизм» позволяет, осудив одного обвиняемого под телекамерами, добиться почти того же терроризирующего эффекта, как от целого «дела Промпартии», по которому прошли тысячи человек;

3) **внешнеполитическая** – необходимость поддержания внешних контактов при невозможности прекратить антизападную риторику. Из всего арсенала пропаганды, в произвольном порядке сброшенной на головы населению за последние 1,5 года, наибольшим успехом среди потребителей и исполнителей пользовалась именно антизападная, еще точнее — антиамериканская. Для нынешнего поколения взрослых россиян она

звучит чем-то привычным и уютным из детства, работникам СМИ дает возможность пользоваться неисчерпаемыми запасами лексики, риторических приемов и кадров, сохранившихся с 70-х. С психологической точки зрения она эксплуатирует общечеловеческий страх перед Чужим, но без опасных последствий, которые могло бы иметь раскручивание, например, антимигрантской темы. При этом реальные политические шаги могут делаться в совершенно противоположном направлении: усиление изоляционистской риторики отлично сочетается с закулисными переговорами и негласными уступками;

4) **социальная** – необходимость извлекать дополнительные доходы из граждан при невозможности обеспечить им прежний уровень потребления и безопасности. Рост цен на продукты питания в России за январь — июль 2015 г. составил 10,6% (по данным Росстата), причем продуктовая инфляция опережает общий ее уровень. Инфляция и рост цен все 20 лет проведения соцопросов в России занимают первые места в списке проблем, которые людей волнуют. Одновременно растет — и будет расти дальше — число попыток собрать выпадающие бюджетные доходы, особенно местные, за счет торговых сборов, налогов на недвижимость, сборов за капремонт, налогообложения аренды и иными методами, затрагивающими интересы людей непосредственно (в отличие от НДС или социальных сборов, которые платит работодатель невидимо для работника). Эта проблема для власти стоит на последнем месте, поскольку, несмотря на разговоры об оранжевых революциях и необходимости предотвращения их за бюджетный счет, массовых волнений она не очень боится, реалистично оценивая

пассивность «телевизионного большинства». Гражданам, занятым поисками дешевой еды, будет не до протестов, методика подавления точечных возмущений типа бунтов в моногородах достаточно хорошо отработана, а остальными займется телепропаганда, объясняющая подорожание стирального порошка личными кознями Обамы.

Во всех описанных методах борьбы с реальностью есть нечто общее: каждый раз это продажа внешнему миру, собственной бюрократии или гражданам «минус-услуги» — неначало войны, невзятие Мариуполя, непоявление бандеровцев в Крыму и американских морских пехотинцев на Красной площади, незаведение уголовного дела, невозвращение 90-х. Насколько реальна была перспектива прихода того или иного апокалипсиса, становится неважным на фоне известного психологического эффекта «а мог бы и бритвой по глазам».

Следующую фазу применения того же метода мы увидим не в ближайшем, но в чуть более отдаленном будущем. Ее, по известной притче, можно обозначить как «увод козы» или даже «обещание увода козы». За последние несколько лет политической системой был накоплен значительный отрицательный политический капитал, ценность которого не стоит преуменьшать. Избыточные административные полномочия, вредные и трудноисполнимые законы, безумные «самосанкции», враждебные шаги на международной арене и даже политические заключенные — все это активы, которыми можно торговать как с внутренними аудиториями, так и с внешними контрагентами. В одной только законотворческой сфере действующий созыв Государственной думы понапринимал такого, что простой

отменой этого правового массива можно облагодетельствовать граждан России и улучшить свою международную репутацию без всяких дополнительных расходов. Кажется, что воспользоваться этим запасом сможет только новая власть, не несущая моральную ответственность за принудительный ввод козы в хату. Однако полагающие так недооценивают идеологическую гибкость гибридного режима и ту перверсивную «свободу слова», которой одарила нас информационная эпоха.

26.08.2015

ПАРАД НАСТУПАЮЩИХ

В конце 2015 г. незаметно для всех оказался снят один из основных запретов полуавтократий: запрет на разговор о будущем. Тоталитарные системы продают гражданину ускользящее светлое завтра, ради которого надо умирать и убивать, у демократий есть предвыборные программы и свобода слова для обсуждения всех аспектов бытия. Гибридные модели заиклены на прошлом, одновременно славном и трагическом, в котором мы были разом великими и обиженными. Рассуждать о будущем в таком режиме примерно так же прилично, как при живом дедушке спорить, что вы сделаете с его квартирой, когда она вам достанется.

Во второй половине 2015 г. планированием вдруг занялись все: политэмигранты, оппозиционеры, академические структуры, Аналитический центр при правительстве РФ. Кто пишет новую конституцию, кто стратегию реформы госуправления, кто схему санации действующего законодательства. В 2016-м эта планировочная активность усилится — программировать будущее станут все кому не лень. Подстегивает к этому выборная кампания, требующая каких-никаких, но программ, а главное — общее ощущение завершающегося политического цикла. Не будем уточнять, насколько это ощущение реалистично и насколько растяжимо во времени это завершение. Следует, однако, учитывать фактор «самосбывающегося пророчества»: то, о чем много говорят публично, особенно иерархически значимые фигуры, приобретает собственную субъектность и, в свою очередь, начинает влиять на реальность.

Более мрачной разновидностью самосбывающегося пророчества является принцип «кто чего боится, то с тем и случится». Он работает не потому, что судьба такая злодейка, а потому, что страхи наши часто небезосновательны. Невозвращение ужасных 90-х — важный для официальной пропаганды пункт в списке успехов действующей власти. Между тем многие элементы жизни в новых экономических условиях будут напоминать 90-е на другом техническом уровне:

— региональное разнообразие: бюджетная централизация, работавшая при высоком уровне доходов, при их снижении начинает оборачиваться против центра. Впечатление всеобщего единства достигалось большими расходами: если метрополия говорит регионам «выкручивайтесь сами, у нас денег нет», то это, в сущности, старое предложение брать столько суверенитета, сколько получится проглотить. В новом году различия между субъектами Федерации — как экономические, так и политические — станут более очевидными. Правовая база для этого есть — несмотря на все приложенные в начале 2000-х усилия по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, конституция Татарстана, например, по-прежнему предоставляет республике значительную самостоятельность, в том числе внешнеполитическую (что неожиданно для федералов обнаружилось после конфликта с Турцией);

— новый дефицит: падение платежеспособного спроса сокращает ассортимент и понижает качество товаров, и наличие денег само по себе не спасет вас от пальмового масла во всех видах. Нужны знания и связи — к счастью, в новых условиях их предоставляет интернет, сетевые знакомства и службы доставки;

— порожденный бедностью рост организованной и неорганизованной преступности (ее питательной средой будут безработные или недокормленные силовики и несметные полчища расплодившихся в сытые годы охранников);

— новая гласность. Вообще полуавторитарный режим обладает риторической свободой, недоступной ни связанному идеологическими ограничениями тоталитаризму, ни демократии, где все следят за всеми. Пока у государства достаточно денег, чтобы быть центральным и наиболее привлекательным элементом политической системы, оно одно этой риторической свободой и пользуется. Экономический кризис и выборная кампания создают условия для эрозии привычного порядка. Борьба кланов за бюджетный пирог, борьба привилегированного бизнеса за деньги граждан, конкуренция политиков за симпатии недовольных, помноженная на возможности информационного общества, где каждый сам себе СМИ, даст нам в 2016 г. оживленную медийную картину. Ведомственные пресс-релизы будут писаться чуть ли не матом, чиновники будут жаловаться друг на друга информационным агентствам, говорящие головы будут не моргнув глазом переходить из одного политического лагеря в другой. На этом фоне президент и пресс-секретарь, пророк его, будут выглядеть последними защитниками советских норм официального приличия от наползающего хаоса.

Главными словами 2016 г. будут платежи, тарифы, сборы, штрафы и пени. Легко предсказуемый разворот государственного интереса от снижающихся сырьевых доходов к тому, что можно извлечь из граждан, начался еще в 2014-м, стал очевиден всем в 2015-м, а в 2016-м станет основным сюжетом

внутренней политики. Творчество в этом направлении будет расцветать на всех уровнях власти — федеральном, региональном и муниципальном: мы увидим проекты введения сборов за пользование электросетями и туристического налога, региональные варианты «Платона» и его распространение на машины со все меньшей грузоподъемностью, новые платные дороги и расширение платной парковки до Полярного круга.

Хотя выглядит это все как судорожные попытки наполнить скудеющий бюджет, при ближайшем рассмотрении видно, что за каждым таким сбором стоит коммерческая компания-прокладка, которая и является основным бенефициаром схемы. Это открытие поразило общественность в случае с «Платоном»: последнее предложение отменить транспортный налог для большегрузов говорит как раз о том, что в бюджет не платить можно, а вот хозяевам компании — нельзя. В сфере ЖКХ давно известно, что, платя по квитанции, вы платите вовсе не государству. Таким образом политическая система кормит самое себя: тех акторов и группы интересов, из которых она состоит.

Одновременно государство будет пытаться сократить свои социальные обязательства путем того, что на бюрократическом языке называется «адресностью», что значит «дадим не всем». Бесплатное будет становиться платным, например в здравоохранении вызов «Скорой помощи» или врача на дом. Произойдет общее сокращение сектора бесплатных услуг и расцветет коммерческая медицина.

Принятый в декабре бюджет-2016 начнут редактировать сразу, как откроется весенняя сессия: правительству и депутатам придется придумать, как урезать расходы, не обидев тех, кого обижать страшно:

в первую очередь это госаппарат, органы безопасности, армия и ВПК.

Точечный протест будет приобретать черты политического. Вторым после интересов значимых для режима групп и акторов ограничителем для твердой руки государства, залезающей гражданину в карман, является протест этого гражданина или страх такого протеста, обостряющийся в предвыборный период. Незакончившаяся история с дальнобойщиками — образец новости-2016. Такого рода новостей мы будем видеть все больше: точечные, ситуативные протесты, вызванные конкретной обидой или несправедливостью, без политических требований (если под политическими понимать требования кадровые), но с политическим запросом на участие — на учет своих интересов при принятии решений.

Центральная власть будет пытаться спустить решение каждой конкретной проблемы на региональный и ведомственный уровень, чтобы потом выступить финальным исцелителем ран и раздавателем подарков. Беда в том, что региональная инициатива может принять непредсказуемые формы в зависимости от ряда местных факторов: какой в регионе губернатор и начальник полиции, каковы отношения между ними, в каком состоянии политическая элита, появился ли у местного протеста яркий лидер. Где-то может быть проявлена неадекватная жесткость, где-то — столь же неадекватная уступчивость.

В протестах будут задействованы и политические силы — прежде всего партии и политики, участвующие или стремящиеся участвовать в парламентских выборах. Весьма возможно, что основными выгодоприобретателями нового протестного движения станут левые — у них есть легальный статус, структура и готовый набор лозунгов, гармони-

рующих с экономическими и социальными запросами «новых недовольных».

Для нашей общей безопасности было бы лучше, если бы протестные настроения могли выразить себя в ходе выборной кампании, но для этого нужны достаточно свободные и конкурентные выборы, которые бы не воспринимались обществом как формальность. Организация таких выборов, однако, требует от режима определенного перерождения, которого он по своей природе стремится избежать.

К сожалению, в отсутствие свободы собраний, свободы слова и общественных объединений, предоставляющих мирные легальные методы выражения своего мнения, формы этого протеста могут оказаться довольно дикими — вроде поджога здания администрации в Дудинке или расстрела в Красногорске. Забастовки — это еще относительно безобидный вариант. Долго молчать, а потом счесть себя «доведенным до отчаяния» и явиться к обидчику с обрезом и канистрой — довольно типичная реакция гражданина несвободного общества.

26.01.2016

ЕСЛИ БЫ ТЕНДЕНЦИИ БЫЛИ НОВОСТЯМИ

Поскольку мозг наш склонен воспринимать привычное как вечное, то все трансформации наблюдаемой реальности он либо игнорирует, либо интерпретирует в русле уже привычного. Если вы привыкли всюду видеть авторитаризм, то любые изменения будут для вас «усилением авторитаризма», или «дальнейшей концентрацией власти», или «приближением к распаду». Вас не удивит, что концентрация власти приводит к появлению конкурирующих центров принятия решений, авторитарные тенденции совершенно там же, где были год и два года назад, интернет до сих пор не закрыли, а распад, коллапс и крах рубля все никак не наступают. Если вы придерживаетесь другого края публично-политической платформы, то у вас в новостной хронике будут нескончаемые победы России на внешнеполитических фронтах, усиление ее влияния в мире, тенденции к промышленному росту и успехи импортозамещения. То, что все внешнеполитические победы пока не принесли даже точечного ослабления санкционного режима, «пророссийские кандидаты», побеждающие на всех выборах, не проявляют свою русофилию ничем, кроме туманных разговоров в адаптированном переводе RT, усиление глобального влияния манифестируется в основном ростом расходов и дальнейшим списыванием долгов тем, кто вполне в состоянии их платить (последние примеры — Куба и Монголия), а промышленный рост удастся продемонстрировать, только сравнивая один месяц с другим, но никак не уходящий год с пре-

дыдущим, тоже никак не смутит вашего душевного покоя, потому что не влезет в вашу картину мира.

Если представить себе вселенную, где социально-политические тенденции были бы новостными заголовками, то в России главных новостей-2016 было бы две: для политической системы — снижение управляемости, для социума — изменение общественного запроса. Для Европы и США главная новость-2016 — демократизация, расширение политического участия за счет ранее искусственно маргинализовавшихся социальных страт и групп интересов и последующая мирная коррекция курса.

Снижение управляемости, которое можно еще назвать постепенной децентрализацией, было ожидаемым и неизбежным следствием сужения объемов той ренты, распределение которой есть базовый механизм функционирования режимов российского типа. В условиях обилия доходов, которые центральная власть распределяет, все конфликты внутри властвующей бюрократии легко разрешаемы. Как только ресурсная база оскудевает, наступает этап войны всех против всех, в которой функция верховной власти — поддерживать по мере сил хрупкий динамический баланс. И исполнение этой функции становится все сложнее и сложнее.

В уходящем году силовые кланы съедали друг друга и подвернувшихся под руку гражданских акторов, силовые ведомства боролись за выживание, статус и бюджеты, и все это происходило, как никогда, публично. Глава Следственного комитета публиковал в центральной печати программные статьи, боролся за сохранение своего ведомства, лишился своего главного герольда, глашатая и знаменосца и сам чудом удержался на посту. Как начало выясняться к концу года, одной из причин этого стала излиш-

няя публичность обысков у главы Федеральной таможенной службы, уважаемого, в сущности, человека, который, кажется, ни в чем не виноват. Новая силовая сверхструктура — национальная гвардия — формировалась *de jure* и испытывала большие трудности с формированием *de facto*. Департаменты ФСБ сражались между собой, обменивались руководителями и совместно побеждали конкурентов из МВД и СК. Государственные и окологосударственные коммерческие компании сошлись в смертельной схватке за актив, служба безопасности одной из них задержала федерального министра. В 90-е такие вещи назывались олигархическими войнами, но сейчас этот термин подзабыли, и во всем предлагается видеть — на выбор — усиление репрессий, войну с коррупцией или даже «переход от брежневских к сталинским методам кадровой политики» (*seriously?*).

За скудеющий бюджет боролись и субъекты Федерации — кто слезами, кто угрозами, кто митингами, кто постами в инстаграмме. Еще один яркий признак децентрализации — все более манифестные различия между регионами как в уровне доходов, так и в политической культуре. Выразительнее всего это проявилось в ходе парламентской избирательной кампании, когда часть субъектов — в основном среднерусские регионы и городские территории — послушались кремлевских установок на «прозрачную конкурентную кампанию», под которой подразумевалось «давайте проведем эти выборы с чуть большим внешним приличием, чем в 2011 г.», и получили сверхнизкую явку с низким результатом «Единой России», а другая часть — преимущественно национальные республики — решили эти московские разговоры проигнорировать, провели

кампанию привычными методами и получили в результате больше мандатов в новой Думе. Публично эта жутковатая для федерального центра ситуация («за нас не голосует Центральная Россия и города, зато нам рисуют явку и результаты те, кто потом дорого просит за свои услуги») интерпретировалась то как «убедительная победа «Единой России», то как «провал оппозиции» (какой оппозиции?). Много места занимали подсчеты «конституционного большинства», хотя опыт предыдущих созывов должен был убедить наблюдателей, что никакой связи между изменениями Конституции и наличием или отсутствием 300 голосов у любой из фракций не существует.

Сама новая Дума с первых дней своей работы стала демонстрировать повышенные амбиции и желание не быть объектом кремлевского кураторства, а курировать сама себя. Это довольно хорошо изученное политической наукой явление «спящих институтов» в имитационных автократиях: в условиях стабильности они охотно играют декоративную роль, но как только скелет режима начинает деформироваться, наливаются внезапной жизнью, пользуясь тем, что законные полномочия их обычно довольно обширны (они писались тогда, когда считалось, что это ничего не значит, а все решают понятия и обычаи — но понятия и обычаи меняются). Пока публичных интерпретаций происходящего слышно две: «новое руководство дисциплинирует депутатов» (говорят это обычно те же самые люди, которые называли все предыдущие созывы полностью подконтрольными) и «это просто новый спикер такой амбициозный». Как показывает политическая история, как только какому-либо институту или региону пришла пора усилиться, ему немедлен-

но находится амбициозный руководитель, даже если все предыдущие были совершенно неамбициозные и спали на ходу.

Но верно и обратное: кому время тлеть, а не цвести, у того начинаются необъяснимые странности с управлением. Со сменой руководства и перестройкой своего политического блока заметно ослабела администрация президента, которую долгие предыдущие годы привыкли считать воплощением всего земного могущества. Внутри нее идет конкуренция подразделений и заместителей за сферы влияния, а ее монополия на управление внутривнутриполитическим пространством теперь оспаривается и Думой, и Совбезом, и отдельными подразделениями ФСБ, и даже некоторыми экспертными центрами. Хочешь быть красивым — поступи в гусары, хочешь быть эффективным и загадочным политическим менеджером — займи административную должность в период высоких цен на нефть. При иной экономической конъюнктуре все управленческие задачи внезапно осложняются.

Экономическая конъюнктура, продолжающийся спад реальных располагаемых доходов граждан — тот фон, на котором разворачивается вторая скрытая драма последних лет, постепенная трансформация общественных настроений и изменение общественного запроса. Под псевдонимом «милитаристского угара» или «посткрымского консенсуса» (в зависимости от того, каких вкусов вы придерживаетесь) скрываются фиксируемые даже нашим несовершенным опросным инструментарием настроения, варьирующиеся от тревожных до депрессивных, глубокое разочарование в политических институтах и политических элитах и запрос на справедливость, не находящий выхода. Этот набор удивительно на-

поминает те социальные запросы, которые привели к Brexit, победе Трампа и высоким процентам изоляционистских партий с антиэлитистской повесткой в Европе. Только нашим гражданам недоступны ни выборы, ни референдумы. У нас слабо понимают, что выбрать из кандидатов двух системных партий одного и из двух представленных на референдуме вопросов один, а потом шумно и безопасно сокрушаться по поводу «революционных результатов» в легальной прессе — это и есть мир и стабильность, даруемые демократией.

В отсутствие таких стабилизирующих механизмов остается развлекаться деловой игрой для вице-губернаторов «как обеспечить 70%-ную явку избирателей, которые не хотят голосовать, и 70%-ный результат за кандидата, точного имени которого никто не знает». А в промежутках наблюдать бурную общественную реакцию на самовыдвижение другого кандидата, у которого нет никаких осязаемых шансов не то что выиграть выборы, но даже зарегистрироваться на них. Но подавленный запрос на альтернативное будущее — да вообще на любой сценарий будущего, кроме «день прошел, и к смерти ближе», — так велик, что люди готовы есть мел и штукатурку — причем даже воображаемый мел и гипотетическую штукатурку.

28.12.2016

РАЗВОРОТ-2016. ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВА К ВЛАСТИ?

*Сможет ли система перестроиться
в ответ на изменение
запроса в социуме*

Главный результат 2016 года для российского социума — трансформация общественных запросов и разворот интереса общества к внутренним социально-экономическим проблемам. Такие длительные процессы не укладываются в календарные рамки — эта трансформация началась не в 2016 году, и закончится не в 2016-м и не в 2017-м.

Разворот настроений, фиксируемый социологами, конечно, вызван кризисом и прежде всего новым для нас явлением — снижением реальных располагаемых доходов населения. Это действительно новость: мы привыкли говорить, что у нас много бедных, столько-то людей живет за чертой бедности. Но для настроений людей имеют значение не абсолютные цифры, кто сколько получает, а изменение тенденции. Ведь люди, во-первых, сравнивают себя с соседом, со своей референтной группой, во-вторых, сравнивают себя сегодняшних с собой вчерашними.

До этого в течение 15 лет у нас шел рост доходов (хотя из этого и не следует, что люди стали богаты). В этой тенденции была пауза в течение

2008–2009-го годов, потом рост возобновился. Его во многом съедала инфляция, но он все равно присутствовал. А начиная с конца 2014 года происходит снижение. Ставшее уже привычным ощущение, что есть какая-то позитивная динамика, сменилось ощущением динамики негативной, причем она длится уже два года и перспектив изменения тренда не видеть.

Из этого делали два противоположных вывода: либо что люди начнут возмущаться существующим политическим устройством и демонстрировать протестное поведение, либо что протестного поведения не будет демонстрировать никто, а люди адаптируются. На самом деле и то и другое — некоторое огрубление. Люди действительно адаптируются, и это разумная тактика в таком положении. Но общественный запрос меняется. Людей начинает все больше и больше интересовать то, что происходит в сфере, которая их непосредственно касается.

К чему это может привести? Когда дела в стране идут неплохо, естественно, что ответственность за эти дела, а значит и власть, делегируются тем, кто знает, как ими заниматься. Когда же дела очевидно идут нехорошо, в выгоде и пользе этого делегирования начинают сомневаться. Это видно даже из опросов. Растет число тех, кто на довольно туманный вопрос «считаете ли вы, что в стране все движется правильно?» (Левада-центр регулярно задает его именно в такой формулировке), отвечают: нет, неправильно, дела идут не так.

В этой связи стоит вспомнить прошлогоднюю статью, в которой Сергей Гуриев и Дэниел Трейсмэн объясняют, каким образом современные авто-

ритарные и полуавторитарные политические лидеры поддерживают свою легитимность. Там выдвигается теория достаточной компетентности. Что это такое?

Есть революционные лидеры, и их тип легитимации — революционный, или харизматический, по образцу Уго Чавеса или Кастро. Им для поддержания своей легитимности необходимо все время демонстрировать победы над врагами, реальными и воображаемыми, или успехи, реальные и воображаемые. Чтобы все время подтверждать вот эту свою харизматичную, революционную легитимность, они должны идти от победы к победе.

В новых формах смешанного полуавторитаризма, как утверждают Гуриев и Трейсман, для поддержания легитимности в глазах граждан уже не нужно показывать никаких побед, а нужно лишь поддерживать и создавать ощущение «достаточной компетентности». Граждане должны верить, что власть скорее справляется со своей работой, чем не справляется. Для этого никогда не скрываются трудности, наоборот, они подчеркиваются. То есть говорится: да, у нас кризис, да, санкции, нас окружили кольцом врагов, плохая внешнеэкономическая конъюнктура. Но смотрите, мы же не умерли с голоду, не развалились на части, мы как-то справляемся.

Это и есть та самая достаточная компетентность. Пока в головах людей она присутствует, у власти будет легитимность даже при плохих экономических результатах. Именно поэтому нет протестов, считают Гуриев и Трейсман. Не только из-за репрессивного законодательства и аппарата принуждения, хотя это тоже важно: повышение цены протеста — один из эффективных методов снижения протест-

ной активности. Но и из-за того, что люди считают: власти как-то работают, и вроде как ничего, справляются.

Когда осязаемая часть граждан начинает думать, что власть — это не решение, а проблема, что она не помогает им справиться с тяжелым кризисом, а углубляет его, тогда — а не просто от ухудшения уровня жизни — основание этой легитимности начинает проседать. Особенно это касается несвободных политических систем, где нет возможности трансформировать настроение в политическое действие (или это действие будет очень дорого тебе стоить). В таких системах прямой связи «стали хуже жить — разлюбили правительство» не наблюдается. Но сказать, что от экономических результатов мнение людей о власти вообще не зависит, тоже нельзя. Эта связь есть, просто она не такая линейная и растянута во времени.

Разочарование, уныние и депрессивно-апатичные настроения проявили себя очень ярко во время парламентской кампании. Они совершенно не были угаданы, судя по всему, нашим политическим менеджментом, который боялся слишком высокой явки недовольного электората и занимался усушкой этой явки. А оказалось, что бояться надо не этого — все городские территории, все среднерусские области просто не пришли. Эти настроения, выражаемые в отказе участвовать в выборах, на самом деле не так безобидны, как может показаться: они медленно подмывают эту базу легитимности, особенно на фоне желания продемонстрировать пост-крымский консенсус, чрезвычайное единство власти и народа. В условиях, когда люди никаким действием эту поддержку не выражают, а только отвечают в со-

цопросах так, как от них ожидают, демонстрировать это все труднее.

В результате итоги выборов были сделаны территориями, которые добиваются нужных цифр своими методами, без особенного участия избирателей. Это довольно опасная ситуация, она ставит федеральный центр в зависимость от этих территорий и перекашивает состав Государственной Думы, в которой эти регионы получили гораздо больше мандатов. И это ставит главную проблему-2018, потому что президентские выборы таким образом провести можно, но опасно. Думаю, что они их так и проведут, потому что ничего другого не придумают. И это будет проблема.

Вторая важная тема в развороте настроений — рост внимания к социально-экономической проблематике. Казалось бы, ничего нового тут нет: когда «Левада» или ВЦИОМ задают вопрос «Какие проблемы вас волнуют», все последние 20 лет первая тройка будет одинаковой: там будет инфляция, цены на еду и ЖКХ, и никогда не было и не будет величия Россия, приращения территорий, борьбы с внешними врагами. Тем не менее, сейчас видно, что людей не просто не очень сильно интересует внешнеполитическая повестка, а она, судя по всему, их раздражает. Не потому, что они не радуются величию России, они ему радуются, а потому, что для них приоритетными, насущными, не просто важными, а актуальными становятся другие проблемы, и они видят, что ресурсы расходуются не в соответствии с их расстановкой приоритетов.

Этот запрос, который в последнее время стали формулировать как запрос на справедливость,

включает в себя и запрос на справедливое распределение ресурсов. Идея, что у нас больницы закрывают, а мы в это время неизвестно где неизвестно кого бомбим, — она присутствует и вызывает глухое раздражение от видимой неадекватности руководства: мы тут про одно, а они совсем про другое.

Это очень похоже на американские и европейские настроения, которые привели к так называемым «неожиданным» результатам выборов этого года. Элиты — про Фому, а граждане — про Ерему. И им негде встретиться и поговорить друг с другом, потому что они друг друга совершенно не слышат. Если такое явление возможно в демократиях, то оно уж тем более характерно будет для закрытой политической системы, в которой аппарат управления намеренно изолируется от социума, воспринимает его как враждебный и не желает с ним никак особенно коммуницировать. Беда в том, что в открытых системах, где каналы обратной связи работают, эти настроения можно канализовать в мирное, легальное политическое действие — голосование на выборах. Этим результатам можно потом ужасаться сколько угодно, но это все равно мирный политический процесс, предполагающий коррекцию курса после прихода новой партии или нового лидера. Это мирная и даже не очень затратная трансформация.

У нас все сложнее. Но и у нас властная машина пытается слышать, что происходит у людей в головах. Она пытается узнать это разными методами — проводит секретные опросы, пытается использовать с этой целью «прямые линии». Очень характерной была фраза Пескова о том, что «прямая линия с Президентом — это лучший вид соцо-

проса». В этом высказывании, во-первых, слышно стремление иметь хоть какой-то соцопрос, а во-вторых — непонимание того, что в линии участвуют специально выбранные люди, выборка не репрезентативна, и это не соцопрос, а просто парад жалоб. Но им хочется иметь какой-то соцопрос, которому можно верить.

Как у нас происходит взаимная адаптация власти и социума? В демократиях это происходит после выборов: есть желания людей, они в соответствии с ними выбирают из предложенного ассортимента. Те, кто в результате получают мандаты, начинают проводить заказанную политику.

У нас все наоборот. До выборов, результат которых должен быть таким, как заказано, власть пытается заранее стать этим новым кандидатом и ответить на то, что людям надо. Поэтому коррекция курса происходит до выборов. Все упражнения нового руководства Администрации президента, вся проектная активность власти в целом, писание программ реформ — все это попытки скорректироваться до выборов, чтобы их результаты были такими, как надо.

Это лучше, чем ничего. Демократический способ лучше, дешевле и адекватнее, это гораздо более тонкая настройка на общественные запросы. Но наш метод лучше, чем вообще никакого. Что выйдет из попыток системы скорректироваться, это большой вопрос, потому что система может измениться только настолько, насколько она может. Она не может глубоко реформировать самое себя, отрезать сама себе важные части тела. И все же повестка-2017, хотя и не будет формулироваться в таком виде, по сути будет попыткой скорректироваться, оставшись по сути такой же, попыткой ответить на обществен-

ный запрос, не давая возможности ответить на него кому-то другому в условиях политической конкуренции.

Дальше начинаются сложности. Например, когда мы говорим о том, что хорошо бы притушить нашу внешнеполитическую активность, потому что денег нет, а людей это раздражает, мы должны учитывать, что эта активность не притушивается усилием воли — не стоит абсолютизировать ничью персональную политическую власть. Есть группы интересов, сидящие на соответствующих бюджетах, которые заинтересованы в продолжении «политики войны». Это могущественные члены нашей властвующей элиты — ВПК, Министерство обороны, члены Совета Безопасности. Сказать: «все, ребята, извините, мы сворачиваемся», не получится: им надо это чем-то компенсировать. Придумыванием выхода из этой ситуации и будет заполнен 2017 год.

Важной темой будущих двух лет будет все, что касается образования и здравоохранения. В этой области виден очень опасный, радикальный разрыв между властной и общественной повестками. Для людей это становится все более и более важным, во-первых, потому что население стареет (а для нас, учитывая низкую продолжительность жизни мужчин, это означает рост доли женщин), а во-вторых — из-за развившегося в последние годы культа детей и восприятия людьми своей родительской роли как социальной и даже частично политической. И одновременно именно в области образования и здравоохранения происходит массовый сброс государством своих обязательств. Более несчастливого совпадения невозможно себе представить, с рассогласованностью этих двух по-

весток что-то надо делать, потому что это людей очень сильно раздражает. Они не понимают, почему государство себя таким образом ведет. А государство ничего не объясняет, даже обещаний никаких не дает.

С одной стороны, вроде как повторяется ситуация 90-х на новом уровне: денег нет, занимайтесь сами, как хотите. С другой стороны, в 90-е государство не содержало эти сферы, но оно их и не контролировало. Тогда оно говорило: «Денег не дам, зарабатывай чем хочешь», а сейчас — «Денег не дам, но посажу». Образовательные и здравоохранительные учреждения находятся на очень плотном контроле следственных органов и прокуратуры, которые по любому поводу туда приходят. При этом денег не дают. Это невозможное положение. Оно должно будет каким-то образом измениться. Нельзя одновременно и не кормить, и на веревке держать. Один из возможных вариантов изменений — входящее в ряде окол властных реформаторских планов делегирование части государственных функций в социальной сфере бизнесу и «третьему сектору» — некоммерческим организациям. Но для этого правила в этой сфере должны быть очень сильно либерализованы. Это тоже трудно, потому что контроль, надзор и репрессии — это хлеб могущественной властной группы проверяющих, которых за последние годы расплодилось чрезвычайно много. Их надо будет на что-то перенаправить, а это не так просто

Системе очень трудно реформировать самое себя, но она вынуждена это будет делать, потому что ее ресурс сжимается, и потому что она вынуждена худо-бедно подстраиваться под запросы общества. Она могла бы быть автономна, если бы

у нее, как в 2000-е годы, были свои собственные источники доходов, но сейчас их уже нет. Если вы добываете деньги из граждан, а не из нефти, вы вынуждены с гражданами больше считаться. Система это еще очень плохо понимает, она не привыкла действовать в таком модусе, и не знает, что с этим делать. Следующие два года она будет пытаться этому учиться.

31.12.2016

ПОЧЕМУ ВОЙНЫ СИЛОВИКОВ — ЭТО НЕ ТО, ЧТО МЫ ДУМАЕМ

*Как понимать последние громкие
перестановки и уголовные дела*

Зачем вообще гражданину интересоваться перестановками в административных структурах и борьбой силовиков друг с другом, если он не работает в этих структурах и сам не силовик? В необходимости отличать Управление собственной безопасности ФСБ от департамента экономической безопасности той же службы, а Службу безопасности президента в частности от ФСО в целом, расшифровывать аббревиатуру ГУЭБиПК, а также уметь показывать на карте поселки Ящерово, Акулинино, Сосны и Озеро есть нечто довольно избыточное и унижительное.

Ненамного умнее выглядит выискивание «тенденций» и «трендов» в том сочетании разнонаправленных случайностей, которым заполнена ежедневная новостная лента. Постараемся сформулировать тот необходимый минимум понимания происходящего, который не включает запоминание сложных схем «такой-то — человек такого-то» и вообще не требует знания каких-либо фамилий.

То, что мы видим, — это не скоординированная кампания, не «война с коррупцией», не «чистки», а неизбежный ход вещей: обострение внутривидовой конкуренции на фоне сужения ресурсной базы. Это основная причина. Есть и несколько дополнительных, совпавших по времени.

Среди них наиболее значимая — естественная смена поколений («первые спутники» президента состарились, молодые силовики доросли до генеральских чинов и генеральских appetitов). В чем разница?

Антикоррупционная кампания от чисток отличается в общем-то только отношением употребляющего эти термины (операция «Чистые руки» — это вроде как хорошо, а истребление несогласных — плохо), но организационно они чрезвычайно схожи. Мировой опыт такого рода операций показывает, что для них характерно образование специального органа (чрезвычайной комиссии, специального подразделения прокуратуры, *Chambre ardente*, etc.), иногда принятие специального законодательства. Для кампании также необходимо идеологическое обоснование, продекларированное заранее (год великого перелома, огонь по штабам, национальное очищение), а не подбор медиасопровождения постфактум под каждую следующую жертву.

В нашем случае охота идет по логике «кто во что горазд», и неудачливым исполнителям никто не гарантирует безопасности — игра может перевернуться и загонщик стать добычей, как показало дело Сугрובה.

В этой новой войне снижается цена «личной лояльности президенту». Все лояльны примерно одинаково, в том смысле, что все говорят одинаковые слова. Никакого разнообразия взглядов или мнений по вопросам, считающимся значимыми, внутри правящей бюрократии уже довольно давно не существует. Проще говоря, если все патриоты и государственники, то конкурс на самого жаркого патриота и самого крепкого государственника боль-

ше не проводится. Уже давно выяснено опытным путем, что никаких «указаний из Кремля» в формализованном виде не существует, как не существует и единого «Кремля» — это коллективный актер. Уж тем более аппаратным мифом является «прямое указание президента» — если оно не выражено в форме публичного заявления или указа. Условный Кремль окружен бюрократическими кланами разной степени приближенности, каждый из которых пытается угадать, что именно у начальства на уме, и действовать соответственно.

Поскольку борьба идет за ресурсы административные и финансовые, то надо понимать, что борющиеся стороны представляют собой даже не кланы, а группы интересов. Границы групп не совпадают с границами ведомств, поэтому говорить о противостоянии ФСБ и ФСО или ФСБ и МВД не совсем правильно. Это примерно такой же этиологический миф, как популярные несколько лет назад «башни Кремля», которым приписывали даже какие-то идеологические различия — в одних сидели «либералы», в других — «ястребы».

Например, в каждом силовом ведомстве управление собственной безопасности обычно укомплектовано кадрами из ФСБ, а внутри самой ФСБ этот департамент тоже находится в конфликте с другими управлениями. Распространена ситуация, когда заместители начальника ведомства представляют разные группы, и отнюдь не все они являются креатурой самого руководителя. Дополнительно усложняет ситуацию то, что границы и состав самих групп текучи — сколько ни сравнивай российскую систему власти с мафией, устроена она все же по-другому и состоит не из отрядов, преданных своему патрону до самой смерти, а из оппортунистов с планомерно

возрастающими аппетитами. Объединяет их не идеология, не планы по реформированию России, не любовь к начальнику, а надежды на свою долю ресурсного пирога. Казавшиеся устойчивыми партии «старых друзей Путина» или «сослуживцев по ГДР» размываются, на смену кооперативу «Озеро» приходит поселок Ящерово.

Так как мы наблюдаем не кампанию по борьбе с коррупцией и не чистку, как ее понимали в советское время, то следует выделить несколько важных черт происходящего. Во-первых, нет головного ведомства — чистильщика, нет штаба кампании; каждый старается исходя из собственных представлений. Сейчас ФСБ выглядит ведущим исполнителем и «карающим мечом», но внутри самой службы происходит реформирование департамента экономической безопасности на фоне усиления службы собственной безопасности. Ослабление СКР может обозначать усиление Генпрокуратуры. Борьба за таможенную — источник крупнейших финансовых потоков — будет предметом жесткой конкуренции, в том числе и внутриведомственной.

Во-вторых, нет и финального победителя. Для того чтобы система сохранила себя в своем нынешнем виде, ей необходимо поддерживать неустойчивый баланс между ключевыми акторами — ни один из них не может победить всех остальных. И даже не может образоваться двух ключевых игроков, сражающихся друг с другом.

Примеры того, как система поддерживает это равновесие, мы могли наблюдать в истории с созданием Национальной гвардии. Это новое ведомство, сильное как численным составом (в нем предполагается до 400 тысяч не просто кадровых единиц, а ствол — вооруженных сотрудников), так и близостью

своего главы к президенту. Одновременно с выведением из МВД всей силовой части министерство усиливают вливанием ФМС и ФСКН. По новому закону Нацгвардии не дают оперативно-розыскных полномочий и ее руководитель становится членом «большого», но не «малого» Совбеза (не постоянным членом Совета). Одновременно с внесением пакета законов о создании Нацгвардии начинается переформатирование и усиление подразделений ФСБ, ответственных за борьбу с коррупцией и безопасность в экономической сфере. Одновременно несколько сотрудников Службы безопасности президента назначаются губернаторами. Так система пытается избежать перекоса.

В-третьих, заводимые уголовные дела не расширяются вниз и вглубь, как это бывает с процессами по очистке аппарата от чуждого элемента или с масштабными кампаниями по искоренению коррупции. И в том и в другом случае каждый фигурант тянет за собой концентрические круги своих сотрудников и знакомых, а в тяжелых случаях — родственников, соседей и всех, чьи имена он сумел вспомнить на допросе.

В новейшей истории России этому образцу соответствовало одно только дело ЮКОСа — и оно, хотя сильно ухудшило общественный климат и снизило стандарты работы судебной и правоохранительной машины, не стало сценарным образцом для последующих, а скорее закапсулировалось в теле системы как единичный случай — и не отторгнутый, и не интегрированный. «Наезды» же силовиков друг на друга носят точечный характер, пострадавших в них не так много, и целью часто бывает не посадка как таковая, а заключение в СИЗО (где с жертвой куда легче вести переговоры о передаче

нажитого и подконтрольного более достойным людям) или простое снятие с должности.

Разумеется, все это процесс эволюции системы — и тут отсутствие замысла и сценария, как ни странно, ведет скорее к общественному благу. Отсутствие массовых посадок и громко начавшиеся, но рассыпающиеся (не доходя до суда) дела против госслужащих не удовлетворяют массовое чувство справедливости (справедливость вообще, судя по всему, одна из уходящих «вещей века»). Но нельзя не признать, что сохранение более-менее вегетарианских внутриэлитных нравов является некоторым предохранителем от того сценария, который во всей красе можно наблюдать в Турции.

Ситуация, когда силовики вынуждены существовать в условиях дефицита кормов и постоянно бояться друг друга, является, разумеется, пародией на систему сдержек и общественного контроля, существующую в демократиях. Но это лучше, чем всевластие силовиков, не боящихся никого.

На такой войне, как та, которую мы наблюдаем, участники, во-первых, вынуждены демонстрировать минимальный служебный результат (грубо говоря, хотя бы показывать, что они делают свою работу — обеспечивают ход электричек или рост таможенных поступлений в бюджет). Во-вторых, все стороны конфликтов активно используют прессу. Мы привыкли называть это сливами и считать чем-то позорным для чести журналиста и издания. Но на самом деле такая публичность делает самих политических акторов зависимыми от общественного мнения — если всегда есть шанс, что твои коробки из-под обуви и картины покажут в выпуске криминальных новостей, поневоле задумаешься, не жить ли хотя бы внешне поскромнее, пока на должности,

отложив постройку дворца с голубыми башенками на время после отставки.

Но эти позитивные последствия могут наступить только в случае, если война силовиков не выявит явного победителя — если не образуется новое суперведомство-каратель, МГБ 2.0, которое зачистит всех остальных и само не будет никого опасаться. К счастью, интересы безопасности системы (а не воображаемой «государственной безопасности») требуют сохранения равновесия, которое достижимо только сохранением конкуренции. Именно наличие победителя, а не война всех против всех, способно привести к тому, о чем часто спрашивают наблюдателей — к внутриэлитному расколу и планам переворота.

Заговор имеет смысл затевать в условиях, когда риски от него ниже, чем риски от проигрыша во внутривластной конкуренции. Иными словами, если есть один абсолютный победитель, а все остальные проигравшие, эти проигравшие и будут сговариваться между собой — хуже им уже не будет. Если никто явно не победил и никакой раунд не последний, а всем участникам есть что терять — планы силового захвата власти теряют свое обаяние. Поэтому неопределенность исхода борьбы верховная власть будет поддерживать всеми силами.

29.07.2016

АТОМИЗАЦИЯ
И СОЛИДАРНОСТЬ:
К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ
И ЧЕГО БОЯТЬСЯ

НАЦИОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Для характеристики политической системы отсутствие каких-то элементов бывает не менее значимо, чем их присутствие, — но обычно, по понятным причинам, это привлекает меньше внимания. Например, почему в России армия не является политическим актором — министр обороны является, спецслужбы являются, а армия — нет? Или ясно, что в стране, большая часть населения которой — низкооплачиваемые наемные работники (а не, к примеру, индивидуальные предприниматели или рантье), самым влиятельным общественным движением должно быть профсоюзное, а самой популярной партией — левая, эксплуатирующая темы социальной справедливости и защиты трудовых прав. Однако в России и профсоюзы являются формальным придатком государства, и крупнейшая левая партия возглавляется двадцать лет одними и теми же людьми, которые видят свою задачу в удержании ее электоральных результатов в жестких границах, начертанных администрацией.

Не менее загадочно положение националистического движения в России — настолько привычное, что оно не удивляет ни наблюдателей, ни, судя по всему, самих участников. При том, что общественное внимание больше занято тем давлением, которое государственная машина оказывает на либеральный политический фланг, известно, что националистам живется не легче: обыски, выемки до-

кументов и техники, уголовные дела по ст 282 УК с вариациями случаются с деятелями националистического спектра довольно регулярно. Националистические и ультра-патриотические партии имеют практически те же проблемы с регистрацией и допуском своих списков и кандидатов на выборы, что и демократические «несистемные» участники.

Само по себе это объяснимо: авторитарный режим, построенный на гражданской пассивности (а не на мобилизации, как тоталитарный), равно враждебен самопроизвольной политической активности на любом фланге. Поэтому он выстраивает бесконечные имитации, а любые системные партии при таком режиме — фактически «спойлеры» (ведь и легальная КПРФ, по сути, — спойлер того левого движения, которое могло бы возникнуть в свободных условиях).

Однако обобщенно понимаемые либералы традиционно являются как оппонентами властной системы, так и ее частью. Если уж говорить о «традиционных скрепах», то одна из этих скреп в России — постоянное членство в политической системе фракции условных «западников» — они могут быть более или менее влиятельны, временами преследуемы и маргинализированы, но в той или иной форме всегда присутствуют.

У националистов своя традиционная скрепа, и выглядит она куда более зловеще. Называя вещи своими именами, националистическое движение в России со времен общества «Память» находится в странных симбиотических отношениях со спецслужбами и высшим политическим менеджментом, которые националистам покровительствуют, время от времени подкармливают, подращивают и так же регулярно сажают. Наиболее радикальный пример

этих противоестественных связей — история организации БОРН, но и других подобных сюжетов, без крайностей вроде заказных убийств, в политическом пространстве достаточно.

Причем отношения эти для самих националистов в высшей степени невыгодны: какова бы ни была поддержка «кураторов», какие бы иллюзии относительно идеологической близости с «настоящими русскими офицерами» и «патриотами во власти» не питали те или иные националистические интеллектуалы, вся эта идиллия не просто требует регулярных человеческих жертв в виде новых арестованных, но и лишает движение в целом всяких шансов на легализацию. А только легализация — присутствие в открытом политическом пространстве — дает свободу от «кураторов» и шансы на реальное политическое влияние (а не бесконечные ожидания, что не сегодня-завтра полковник Иван Иванович призовет вместе спасти Россию).

Почему организации и активисты, выражающие, если верить тому, что нам говорят, достаточно популярные общественные настроения, соглашались на роль овец при спецслужбах, которых сегодня постригут, а завтра зарежут? Возможно, востребованность идей этнического национализма в России не так велика, как внушают и сами его сторонники, проповедники тезиса «благословлять мы должны эту власть, которая одна своими штыками защищает нас от ярости народной» — в данном случае, от неудержимой волны «русского фашизма», остановить которую может только условный Путин. По крайней мере, в 2014 году, когда условия для этого были лучше, чем когда бы то ни было раньше, никакого роста влияния националистического сектора в политическом пространстве мы не наблюдали. Соответству-

ющие лозунги и лексика эксплуатировались теми же официальными и медийными лицами, которые за год до того говорили совсем другое, а еще через год скажут что-нибудь третье. Если бы украинские события действительно подняли пресловутую националистическую волну, она бы вынесла на поверхность каких-то новых акторов, и никакая степень властного контроля этому не помешала бы.

Напрашивающаяся причина — общая искаженность нашего политического пространства, его закрытость, несвобода и отсутствие конкуренции.

В интересах стабильности политической системы и общественной безопасности было бы появление легальных националистических партий, как в целом свобода политической конкуренции. Все, что загнано в подполье, склонно радикализироваться, всякий, чьи интересы не учитываются обществом, через некоторое время сочтет соблюдение закона для себя необязательным. Лучшие лекарства от экстремизма — легализация и открытое политическое участие, а не выращивание «управляемой бомбы» вне поля общественного внимания.

21.09.2015

ЕСЛИ БЫ РУССКИМ НАЦИОНАЛИСТОМ БЫЛ Я

*о русском национализме:
вы существуете
ровно настолько,
насколько вы кооптированы
в управленческие структуры*

Прочитала пылкое послание Федора Крашенинникова к националистам, так сказать, Западного Окна, то есть европейского выбора, и в одном месте он там, на мой взгляд, *makes a valid point*: «По сути, националисты попались на ту же путинскую удочку, на которую до них уже попадались очень многие люди. Например, когда Путин выпустил Медведева, государство также весело и азартно несколько лет каталось на милом электромобильчике „модернизации“, а условные Юргенс с Гонтмахером стояли у края дороги и восторженно махали платочками: ура, модернизация! Наконец-то государство становится таким, как мы хотели!»

Далее идут попреки, тоже резонные: «Скажите честно, господа националисты, — а как так получилось, что среди фактических лидеров „русской весны“ никого из вас не оказалось? Почему на этой теме бесконечно пиарятся вечный Проханов, прикормленный властью Дугин, дряхлеющий Жириновский, националистический спойлер из 90-х Рогозин, орденоносный теледиктор вашей любимой национальности Соловьев, а вы просто их добро-

вольные спичрайтеры и массовка при них, не более того?»

Если Дугин-2014 — это Юргенс-2008, то давайте вспомним, что осталось от медведевской модернизации. Немного, но кое-что осталось. Либерализация УК 2011 года, Открытое правительство и общая тенденция к транспарентности госорганов, электронные прибуды наподобие сайта госуслуг, кривое-косое, но введение норм ОРВ (оценка регулирующего воздействия), и напоследок — обещание вернуть одномандатников на думских выборах, которое тоже косо-криво, но было выполнено.

Что нам показывают эти примеры, товарищи? Что единственный способ наложить печать свою на государственную политику состоит в том, чтобы наприимать каких-нибудь законов. Ибо принимать их быстро, а отменять долгонько (хотя и это придется потом делать).

Государственное управление — это не в танчики играть, это скорее бумажки переключивать. Сколько законов вам удалось поменять — настолько вы закрепились в реальности. Да, это все скучные глупости, а также специальные буржуазные инструменты для отвлечения рабочего человека от борьбы за мировую революцию, или всемирный православный Сталинабад, или что там у вас на уме. Но единственное, что возможно, — это попытаться провести свою повестку посредством тех инструментов, какие есть (хорошо бы при этом еще остаться в живых, но это *optional*). Потому что революции, между нами говоря, ни завтра, ни послезавтра не планируется, хотя заря русского мира расцветает, само собой, на кровавых полях Новороссии, мы с вами живем в Российской Федерации и, что-то подсказывает, дальше

будем жить в ней же. Российская же государственная машина всегда занята одним — пролонгацией самой себя в будущее. Иными словами, пусть завтра будет как вчера, только денег чтоб побольше. Это что касается внутренней политики; что касается внешней, то и в 2008-м, и в 2014-м она имеет целью максимальную порчу отношений с соседями и создание для России враждебного окружения. Зачем это нужно — неизвестно, но есть подозрения, что это как-то связано с описанной выше основной задачей внутренней политики.

Что делает условный Юргенс, когда государственное солнце временно на него светит? Он осознает, что это временно и старается максимально использовать это внезапно открывшееся окно возможностей, чтобы внедрить свой взгляд на вещи. Проще говоря, он везде лезет. Участвует, где пригласили и не пригласили, сияет своим привлекательным лицом в разных президиумах, раздаёт интервью всем, кто попросит, и вообще мозолит глаза в официальной и неофициальной обстановке. Ибо государственная машина замечает только то, что находится в государственном контексте. Вы существуете ровно настолько, насколько вы кооптированы в управленческие структуры: прямо или косвенно.

Так что раз несет вас политическая волна — пользуйтесь, а то телевизор скоро выключат, и что у вас останется — лайки в Фейсбуке? Видео из Луганска с дымом и неразборчивыми матерными восклицаниями? У нас, между прочим, два единых дня голосования в году, и много кто много куда избирается. Пока все выглядит так, что весь профит с президентского рейтинга в 82% снимут толсто-мордые единороссы, которым что Путин, что Тох-

тамыш. Скачайте с сайта ЦИК график региональных и муниципальных выборов, сделайте себе на лбу татуировку #РОССИЯВСЕХПОРВЕТ и баллотируйтесь на каждой сельской ярмарке. Объясняйте избирателям про солнцеликого Путина, мирового вождя всех русских, и про восстановление империи в границах Золотой Орды. Машите при этом флагом РФ и ЛНР. Авось местная администрация заботится такого и не станет разгонять ваше несанкционированное собрание. А то где, спрашивается, националистические кандидаты на выборах в Мосгордуму? Там опять одни члены ЕР в легком макияже да директора богоугодных заведений. Не пускают, не дают подписи собирать, все равно не регистрируют? Вера Кичанова, девочка в очках, не боится, а у вас-то в составе все больше дядей пост-призывного возраста весом в центнер. Стыдно бояться. Чахлые либералы вон даже в жалкую Общественную палату и то баллотируются, а когда не пускают, то хоть шум поднимают на весь крещеный и некрещеный мир.

Или вот депутат Елена Борисовна Мизулина заявляет, что надо чем-нибудь поддержать наших дорогих донецких ополченцев. Позвоните ей и набейтесь на встречу: скажите, что вы сами в душе донецкий ополченец и уже послали туда вагон влажных салфеток в виде гумпомощи, а наилучшая помощь русскому миру прямшас заключается в законодательном запрещении закрывать роддома в сельской местности. Или в увеличении объемов материнского капитала для среднерусских областей по сравнению с национальными республиками. Или что там вашей душе близко — хоть измерение черепов при приеме на службу в полицию и прокуратуру. И да, никак нельзя защитить права русских на исконно

русской земле, разрешив им хотя бы выбирать своих мэров? Люди ужас как любят Путина, так пусть у них будет возможность чаще проявлять свою любовь, а то президентские выборы так редко бывают, м? В Думе много проходит интересных мероприятий: вот, скажем, депутат Железняк представляет книгу об украинском неонацизме. Интересно же? Ходите туда, хоть интеллектуальное лицо ваше промелькнет, а там, глядишь, и выступите. А то весна-весна, а личики все те же, округло-центристские, только сбоку георгиевский бантик. Вы что думаете, депутат Железняк сильно озабочен судьбою русского народа? Или, может, товарищ Неверов у нас знамя интеллектуального национализма?

Или, скажем, вы двадцать лет доказывали, что этруски суть русские, они же спустившаяся с гор ветвь ариев, а вас никто не слушал, а теперь внезапно пригласили в наблюдательный совет при роно. Идите. А не пригласили — так напишите им письмо: как можно в наш век напряженной геополитической борьбы не уделять должного внимания патриотическому воспитанию молодежи? Укажите, что у вас есть научные публикации в международном признанном издании «Дурак красному рад», и пускай вас включат в экспертный совет, а также наблюдательный, и чтоб перед школьниками выступать. Вон Дугин аж целый профессор, и аспиранты у него защищаются по теме крымского патриотического самосознания — плохо ли! Идите все преподавать высшие учебные заведения — там водится нежная податливая молодежь, которой можно вовремя впрыснуть свою идеологическую сыворотку. А потом пропагандистский дискурс сменится — а вы уже уважаемый человек, преподаватель, труды имеете, а поди вас выкинь. Преподавательская среда

неохотно сдает своих, и даже прямому психопату там удержаться легче, чем где бы то ни было.

Зачем это все нужно? Затем, что либеральный рай — не там, где правят либералы, а остальных гуманно усыпили хлороформом (вопреки распространённому представлению). Он там, где граждане как-то сами участвуют в своей жизни, а не только смотрят телевизор и производят разные восклицания по этому поводу. Телевизор — зло. Гражданское участие — благо. *Go and get a life.*

18.06.2014

КРИВАЯ СКРЕПА: О ТЩЕТЕ РУССКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

*о том, почему из традиционных
ценностей россиян
не получится сделать
новый Иран*

На прошлой неделе депутат Евгений Федоров взволновал медиапространство сообщением, что правительство поддержало его законопроект о запрете аборт, кроме как в случаях, угрожающих жизни матери, и о введении за них уголовной ответственности. При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что никакого законопроекта в Думу не внесено, а предварительно полученное автором заключение правительства — отрицательное. Единственное, что в этом протопроекте могло иметь шансы на воплощение в реальность, — ограничение оплаты аборт по ОМС. Действительно, тезис «верующие своими налогами оплачивают аборт» звучал из уст патриарха Кирилла во время его выступления в Госдуме 22 января. РПЦ продвигает эту идею, и она вписывается в общий тренд экономии бюджетных средств. Однако 24 апреля проект Самарской губернской думы именно такого содержания был отклонен в первом чтении. Антиабортное законодательство не пользуется успехом в Думе всех созывов. Ни одна подобная инициатива пока не прошла дальше первого чтения — все они либо отклонены, либо возвращены инициатору, либо отозваны им.

В нынешней России борьба за нравственные скрепы в самом серьезном случае представлена переусердствовавшими чиновниками, а на общественном фронте — мелкими, откровенно пародийными организациями, чье руководство хочется ненаучно назвать фриками. «Партия серых пиджаков» «Единая Россия», олицетворяющая стабильность и соборность, может позволить себе в лице своих членов сколь угодно сексистские или традиционалистские публичные высказывания, но официально лозунгом *Kinder Küche Kirche* размахивать избегает: достаточно послушать, например, выступления Ольги Баталиной по той же теме абортот. Почему России невозможно вообразить политически влиятельные организации, борющиеся с абортами, общей распущенностью по образцу многочисленных структур, входящих в орбиту республиканской партии США или католической церкви в странах южной Европы? Для любителей более драматического сценария: чем Россия не Иран и не Афганистан, где, согласно популярным в сети фотоколлажам, в 1960-е гг. тоже бегали девушки в мини-юбках, а потом случилась фундаменталистская революция и тотальное одичание?

«Русский фундаментализм» и степень его существования в реальности, а не в пространстве пропаганды — занятая тема. Понятно, кто заинтересован в распространении мифа об обобщенном «правительстве как первом европейце в России». Цивилизованный мир воспринимает такой дискурс с доверием: русские начальники, может, и циничные коррупционеры, но они хоть в костюмах ходят и на людей похожи, а за спинами их — мужики с путающимися в бородах топорами.

На самом деле про российское общество еще с большим основанием, чем про политическую систему, можно сказать то, что Борхес о Вселенной: единственное, что мы о ней знаем — она бесконечно сложна. В России функционирует трудноописуемый «низовой матриархат», который не делает жизнь женщин ни богаче, ни защищённее (хотя известна поразительная разница в средней ожидаемой продолжительности жизни между полами — 77,2 года для женщин, 65,6 лет для мужчин). Постепенное исчезновение ненуклеарной семьи сочетается с культом детей, крайне своеобразным по своим последствиям: в России ради детей и разводятся, и аборты делают, и сдают их в детские дома (логика «потом здорового родите» или «за ним там лучше уход будет»). Гомосексуализм понимается не как «ориентация» (личностная характеристика), а как социальная стигма, что связано с повсеместным принятием уголовного этоса. Поэтому люди, которые посылают малограмотные лучи ненависти руководителю организации по работе с ЛГБТ-подростками, видят в ней вредителя, навязывающего детям статус, с которым они не смогут безопасно жить в обществе.

Все эти вещи, интуитивно понятные каждому, кто погружен в русский социум, плохо переводятся на язык социальных наук. Наши ценности определялись отсутствием Реформации — нравственно-религиозного бунта низов против верхов — и, следовательно, несуществованием «русских пуритан» и соответствующей моральной системы. От Петра I нам досталось подчинение церкви государству, из-за чего религиозные деятели влиятельны ровно настолько, насколько они близки к правящей бюрократии, а не наоборот. В ценностном пейзаже до-

минирует наследство советской власти: атомизация, распад семейных связей, секулярность, тотальное вовлечение женщин в рынок труда и гиперурбанизация (или, в более романтических терминах, смерть аграрного общества и его уклада).

По классификации World Values Survey и исследованиям профессора Инглхарта, российское общество сочетает светски-рациональные ценности с высоким приоритетом ценностей выживания. В дихотомии «выживание или развитие» оно, безусловно, выбирает выживание — такие результаты демонстрируют страны Африки, Ирак и Пакистан. При этом по степени отрыва от традиционализма Россия далеко ушла не только от всех исламских и латиноамериканских стран и южной католической Европы, но и от большинства англоязычных стран — Канады, Великобритании и США. Что дает такое сочетание? В России мало кого волнуют нравственные проблемы как таковые — и всех волнует безопасность. Преследователи новороссийских танцовщиц, ненавистники «Детей-404» и инициаторы антиабортного законодательства не хотят стать праведниками, выполнить свой моральный долг или попасть в рай. Они не испытывают праведного гнева — они его имитируют. Их волнует не мораль, а выживание любой ценой — иными словами, нечто идеологически противоположное любому моральному кодексу, традиционалистскому или либеральному.

Есть в этом положительная сторона? Разумеется. В Центральной России маловероятно появление пламенных мулл-проповедников и их готовой на все фанатичной паствы. Нам вряд ли грозят «убийства чести», социальная дискриминация неверных жен и незаконнорожденных, иные прелести традицио-

нализма. Но нравственная перmissивность (терпимость ко злу) в сочетании с перманентным страхом за свою жизнь и благополучие блокируют развитие как общества, так и индивидуума. Чувства базовой безопасности, которое, говорят психологи, должно сформироваться в ребенке на первом году жизни, чтобы он имел силы расти, рисковать и узнавать новое, российское общество по вполне резонным причинам не испытывает.

28.04.2015

КАК БОРОТЬСЯ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

*о том, что лучшей профилактикой
массовых беспорядков является свободная
публичная политическая жизнь*

Администрация президента собирается заплатить 4,3 млн руб. за разработку «методики квалификации враждебного использования информационно-коммуникационных технологий и модели межгосударственной системы мониторинга угроз в области международной информационной безопасности», судя по заказу, опубликованному на сайте zakupki.ru.

Ранее стало известно, что МО заказывает научное исследование методов борьбы с «цветными революциями». Подобное стремление — вещь вполне понятная: действующий министр обороны — фигура политически значимая, и значимость эта будет возрастать с ростом военных расходов федерального бюджета (которые в 2015 г. должны достигнуть 5,34% ВВП — больше, чем в любой момент после 1992 г.). Поэтому Минобороны будет заниматься тем, чем раньше не занималось: среди прочего использовать актуальный политический тренд — борьбу с «цветными революциями» — и завоевывать себе место в этом тренде.

Само существование «цветных революций» как единого политико-исторического процесса — большой вопрос. Введение этого понятия было в свое время (выразимся в терминах, понятных руководству Министерства обороны) значительным успехом американской внешнеполитической пропаган-

ды. При ближайшем рассмотрении происходящего в каждой отдельной стране Ближнего Востока и постсоветского пространства выясняется, что события эти вызывались внутренними причинами и шли по индивидуальной траектории, проложенной, в свою очередь, состоянием общества, зрелостью его институтов, уровнем экономического развития и демографической структурой. Уж если руководство наше не может мыслить вне конспирологических сюжетов, предложим такой: есть большое подозрение, не является ли фантом «цветных революций» новой СОИ — воображаемой угрозой, в борьбе с которой противник должен надорваться насмерть, только чтобы потом обнаружить, что все межзвездные ракеты были картонными, а все сообщения о них — поддельными.

Универсальная подозрительность плоха не тем, что рисует конспирологу слишком пессимистическую картину мира, а тем, что отвлекает его на борьбу с соседями, облучающими радиацией через розетку, от очень реальной трещины, расползающейся по его собственной несущей стене. Понятно, что проповедовать борьбу с воображаемыми оранжевыми революционерами куда проще и безопаснее, чем выявлять и обезвреживать сети вербовщиков ИГИЛ, которые, судя по всему, небезуспешно действуют в студенческой среде. Любая бюрократическая структура хочет искать не там, где пропало, а под фонарем, где светло, и ловить не тех, кто опасен, а тех, кто не сопротивляется. По той же причине ФСКН преследует не драгдилеров, а кондитеров и онкологов: настоящих наркоторговцев, как настоящих экстремистов, ловить опасно и хлопотно, и можно ненароком подорвать собственную же кормовую базу.

Тем не менее экстремисты (как и драгдилеры) существуют в реальности и представляют значительную общественную опасность. Плохи они не тем, что проводят чью-то враждебную волю, а тем, что организуют теракты, убивают людей и распространяют в социуме атмосферу тотального одичания.

Борьба с экстремизмом — забота всех государств мира, и политической наукой тема активно изучается. Единого рецепта решения проблемы раз и навсегда, разумеется, не существует: как и в борьбе с преступностью в целом, какая-то часть социума всегда будет поглощена криминальной средой, но здоровое общество в состоянии эти потери пережить и компенсировать. Соответственно, противодействие экстремизму в политической системе сводится к двум направлениям: предотвращению радикализации политическими методами и наказанию за совершенные преступления методами пенитенциарными.

Все, что мы знаем о политических группах, говорит, что, будучи изолированы от легального политического процесса, они склонны радикализироваться (McCauley, C. Moskalkenko, S. Friction: How Radicalization Happens to Them and Us. 2009, исследования International Centre for the Study of Radicalisation, King's College <http://icsr.info>). Закрытая группа неизбежно становится сектой: сперва от нее отпадают умеренные, одновременно лидер окружает себя наиболее отчаянными сторонниками, затем члены группы перестают считать закон обязательным для себя, потому что он их не защищает и не отражает их интересы. Тот, кто чувствует себя изгоем, неизбежно через какое-то время приходит к выводу, что закон ему не писан — это общее правило для всех. Поэтому лекарство от экстремизма — то, что в педагогике называется инклюзией:

включение, или интеграция, в открытую политическую систему.

Радикализация происходит там, где отсутствуют инструменты легального политического участия. Поэтому лучшая профилактика массовых беспорядков — развитая свободная публичная политическая жизнь: открытые выборы всех уровней, разнообразные СМИ, свободная деятельность общественных организаций, реализуемое право граждан собираться мирно, без оружия. Лекарство от революций (уж если мы считаем нужным бороться с революциями) — включение всех политически активных сил в законный и ненасильственный политический процесс. Те немногие (а их будет не много — люди редко добровольно выбирают жизнь вне закона), кто продолжает политическую борьбу уголовными способами, нейтрализуются стандартными полицейскими методами — тут тоже особой науки не нужно.

Авторитарные режимы обычно считают иначе: весь опыт потрясений прошлого сводится для них к незамысловатому выводу «не додали». Они всегда считают себя умнее предшественников, не проявивших в нужный момент должной жесткости: мы-то докрутим гайку до упора, зальем все щели бетоном, загерметизируемся досуха и будем наслаждаться стабильностью. Увлеченно преследуя людей, которые выходят на митинги или выражают свою позицию публично, режим неизменно упускает из виду тех, кто тихо сидит в своем подполье, собирая бомбу из уксуса и соды по рецепту, вычитанному в интернете. Это, увы, стандартный политический механизм — всякий авторитарный режим посредством репрессий и подавления гражданской активности сам выращивает своих революционеров.

14.07.2015

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Нет ничего проще и приятнее, чем быть пророком социально-политического апокалипсиса: чую ледяное дыхание тотального коллапса, предвижу его неизбежное приближение! В любом стандартном тексте о грядущей катастрофе ключевое слово — «неизбежность». Если какие-то рецепты спасения и сообщаются, то они или носят индивидуальный характер (типа «валите» — понятно, что вся страна не может сняться и уехать), или, что еще глупее, сводятся к пересказу своими словами бессмертной формулы Михаила Гершензона: «Благословлять мы должны эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Рецепт «давайте оставим все, как есть, и постараемся не дышать, чтобы ничего не обвалилось» сочетает в себе фантастическое представление об одновременном могуществе и хрупкости того режима, который призван защитить грамотную часть общества от ярости народной (не важно, русской народной или исламской экстремистской), а также детскую веру в возможность остановить время. С тем же успехом можно надеяться, что наступит ночь, если мы спрячем голову в подушку.

Чем отличаются страны, в которых трансформация режима проходит мирно, от тех, где она сопровождается массовым насилием и территориальной эрозией? Проще говоря, есть ли способ предохраниться от гражданской войны? В этом году Нобелевскую премию мира получил так называемый Тунисский квартет — четыре общественные организации,

ставшие гарантами и модераторами процесса демократического транзита в Тунисе после жасминовой революции 2011 г. Тунисский транзит не был ни быстрым, ни гладким: переговоры между основными политическими силами под эгидой «четверки» начались только в 2013 г., после победы на парламентских выборах исламистской партии, череды убийств оппозиционеров и новой волны массовых протестов. Однако Тунису удалось выработать приемлемый для всех заинтересованных сторон проект конституции, провести свободные выборы осенью 2014 г. и удержать гражданский мир, несмотря даже на теракты на курортах, которые случились этим летом.

Транзит и насилие

В соседних с Тунисом арабских странах авторитарные режимы тоже содержали дорогостоящие спецслужбы с широкими полномочиями, и много тратили на армию, и боролись — по крайней мере, риторическими методами — с тлетворным американским влиянием, и принудительно исключали из политической жизни исламистов — очевидный экстремистский элемент. Однако это не помогло ни самим диктаторам прожить вечно, ни их народам перейти к следующей фазе общественного развития без массовых человеческих жертв и разрухи. Почему-то в решающий момент ни всесильные спецслужбы, ни неутомимая пропаганда, ни бодрые проправительственные организации никого не спасают.

Четыре организации-лауреаты Нобелевской премии мира — это тунисский профсоюз, Конфедерация промышленности, торговли и ремесел, Лига прав человека и Тунисский союз юристов. То есть, переводя на наши реалии, гарантом того, что дого-

варивающиеся власть и оппозиция не обманут и не поубивают друг друга, стали ФНПР, РСПП, Хельсинкская группа и, скажем, Ассоциация юристов России. Важно, что это не «власти» и «оппозиционеры», а третья сторона, которой доверяют все договаривающиеся.

В Тунисе не оказалось ни одной политической силы, которая сочла бы себя достаточно могущественной, чтобы пренебречь интересами всех остальных. Вопреки обыденному представлению о том, как хорошо, когда находится кто-то, «готовый взять на себя ответственность за страну», на самом деле необходимость договариваться всем со всеми спасает от войны всех против всех.

Отсюда следует второй значимый элемент тунисской режимной трансформации, отличающий ее от соседних стран. Члены Конституционного собрания, писавшие закон о новых выборах, проголосовали против запрета на участие в выборах для членов прежнего правительства президента Бен Али и его правящей партии. Проще говоря, решили обойтись без люстрации и поражения кого бы то ни было в избирательных правах.

Существует прямая корреляция между объемом насилия, понадобившимся для смены режима, и последующими шансами на демократизацию: чем больше крови в начале, тем ниже шанс на мир и демократию в будущем. Иными словами, в интересах правящего режима, чтобы трансформация была демократической — это увеличивает шансы правителя умереть своей смертью и на свободе (см. таблицу). Тунисская революция вообще была не кровожадная: сам экс-диктатор получил убежище в Саудовской Аравии, а на родине был приговорен к пожизненному заключению за убийства демонстрантов, но заочно.

Демократическая трансформация продлевает жизнь диктаторам

СУДЬБА ЛИДЕРА ПОСЛЕ УТРАТЫ ВЛАСТИ	ПОСЛЕ ТРАНЗИТА	
	К АВТОКРАТИИ	К ДЕМОКРАТИИ
Смерть	14	6
Тюрьма	22	11
Изгнание	38	23
Отсутствие наказания или смерть по естественным причинам	27	60

ИСТОЧНИК: БАРБАРА ГЕДЕДС, ДЖОЗЕФ РАЙТ, ЭРИКА ФРАНЦ. РАСПАД АВТОКРАТИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМОВ
(BARBARA GEDDES, JOSEPH WRIGHT, ERICA FRANTZ. NEW DATA SET: AUTOCRATIC BREAKDOWN AND REGIME TRANSITIONS, 2012).

По иронии судьбы автократы обычно видят опасность для своей власти именно в тех социальных институтах, которые потом спасают их от тюрьмы и виселицы: общественных организациях, свободной прессе, всяком открытом и гласном взаимодействии граждан. Опираясь же они предпочитают на армию и спецслужбы, которые в нужный момент или возглавят заговор, или, в лучшем случае, останутся равнодушны к судьбе бывшего начальника, руководствуясь фольклорным лозунгом «Что, новый хозяин, надо?».

Транзит и кооптация

Со своей стороны потенциальным трансформаторам режима надо помнить, что лишать прав других в ответ на то, что вчера лишали прав вас самих, — это путь не к демократии, а к продолжительному массовому мордобою. Люстрации — своеобразный политико-юридический инструмент, и в политической науке нет единого мнения относительно его эффективности для дальнейшего построения правового государства. При всех очевидных нравственных соображениях, побуждающих исключить клеветов свергнутого режима из строительства прекрасной новой жизни, амораль-

ная наука говорит, что рецепт прочного гражданского мира — не эксклюзивность, а кооптация. Те группы, интересы которых представлял прежний режим, имеют точно такие же права, как и все остальные, — весь вопрос в пропорции. Проблема автократий не в том, что там у власти какие-то особенно плохие люди (дурнеют они большей частью в процессе многолетнего пребывания в закрытой властной системе), а в том, что они находятся у власти за счет всех остальных.

Для политической системы гораздо полезнее люстраций и целенаправленного изготовления социальной категории «лишенцы» создание такой избирательной системы, которая препятствует образованию консолидированного парламентского большинства. На первых свободных выборах лучший результат неизменно показывают те, кто при прежнем режиме был принудительно исключен из легального политического оборота. Если выборный закон написан по принципу «победитель получает все», то дальнейшее развитие событий будет оправдывать популярный тезис «дай народу волю, они всяких фашистов навывбирают».

В написании новой конституции — как и в законотворческом процессе в целом — обсуждение важнее конечного результата, поскольку плодом деятельности конституционного совещания должны быть не слова на бумаге, а общественное согласие. В основном же законе нужны не декларации, объявляющие ту или иную территорию социальным или светским государством или землей всеобщего благоденствия, а прописанный механизм сдержек и противовесов, который потом помешает любой политической силе переписать конституцию в свою пользу. В тунисской конституции сказано, что на-

циональной религией является ислам — это декларация. А одновременно есть статья конституции, запрещающая преимущества или ущемления в правах по признаку любой религии или ее отсутствия, и статья эта не подлежит изменению, т. е. поменять или отменить ее можно только в результате изменения конституционного строя. Это механизм.

12.10.2015

ВОЙНА ЭПОХИ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

*Почему у нас наступило
позднее Средневековье*

Все, вероятно, уже слышали о нелинейной, или гибридной, войне, теория которой изложена, среди прочего, в «доктрине Герасимова» — докладе начальника российского Генштаба, опубликованном в 2013 году в малоизвестном журнале «Военно-промышленный курьер». Обнаружил этот документ корреспондент «Радио Свобода» Роберт Коулсон, писал о нем ведущий мировой эксперт по российским силовым структурам профессор Марк Галеотти. Недавно написал о нем Леонид Бершидский.

Плохая новость: в отличие от старой доброй фронтальной войны с дипломатической нотой в начале и мирным договором в конце гибридная война никогда не начинается и никогда не заканчивается.

Хорошая новость: гибридная война — в своем роде кривое дитя прогресса нравов. Цель гибридной войны — не столько подавить противника живой силой, сколько произвести впечатление на его политическое руководство и мировое общественное мнение. Подлая сторона тут в том, что максимальное воздействие оказывают именно жертвы среди мирного населения. Но гибридная война — это не такая оптовая смерть, как война традиционная, в которой мирное население гибнет в качестве collateral damage, но уже в гораздо больших количествах.

Фронтальная война XIX—XX веков состояла на 80% из насилия и на 20% — из пропаганды. Новая война на 90% состоит из пропаганды и на 10% — из насилия. «Война Запада против России» в изложении Герасимова идет не то с 1991 года, не то с Ледового побоища, в ней участвуют СМИ, бизнес, деятели культуры, общественные организации, социальные сети и нерожденные дети. Но война эта происходит в значительной степени в воображении г-на Герасимова и иных последователей этой доктрины, включая Верховного главнокомандующего. Если вы отказываетесь в это верить, то вы в этом не участвуете — за исключением тех случаев, когда указанные 10% насилия падают непосредственно вам на голову. Тогда, значит, не повезло. Тем сильнее не повезло, что никакой внятной линии фронта у гибридной войны нет и эвакуироваться от нее некуда. Сегодня ваш город мирный, а завтра к нему подошли «силы ополченцев» или «антитеррористические формирования» — или война встретила вас у подъезда, как встретила она Льва Шлосберга. Но надо помнить, что столкновения регулярных войск — это совсем другие цифры по сравнению с теми, которые мы до сих пор видели. Только государства обладают всем необходимым инструментарием для быстрого и массового убийства.

Гибридность, печать века сего, в политическом ли режиме или в манере ведения войн — это сочетание старых элементов в новое целое. Характернейший признак всего гибридного — возрождение архаики на новом технологическом уровне. Гибридная война удивительно напоминает войны позднего феодализма: амальгамация народных ополчений, кондотьеров и мародеров, слет диких гусей войны на запах потенциальной прибыли. Полный интер-

национализм со всех сторон — родственники воюют друг против друга, нет никакой связи между национальностью, подданством и занятой стороной. Долгие осады мелких населенных пунктов, прекращение всех враждебных действий с наступлением холодов. Проблемы первого ряда: отношения с местным населением и подвоз припасов. Военные хитрости — переоделись в чужой мундир и ночью захватили крепость или притворились крестьянами и убили посла, а потом отнекивались.

Еще одно хорошо забытое свойство войны нового типа — персонализация. Это война Карла V против своего соперника Франциска I, обиженного Евгения Савойского против Людовика XIV, который не принял его во французскую армию, Елизаветы Петровны против Фридриха II, который ей не нравился. Со сменой суверена немедленно меняется и вся внешняя политика: русские войска отзываются от Берлина, наследник французского престола заключает мир с Габсбургами, династический брак, неурожай или усталость прекращают наступательную кампанию.

Объясняется это тем, что, сколько ни придумывай исторических и мистических обоснований, у старой-новой комбинированной войны нет особенных объективных причин. Феодалные государства Европы воевали, потому что отъем земли у соседа был одним из базовых способов хозяйствования. Кроме того, весь правящий класс был воспитан на войне и для войны и не очень представлял себе альтернативные способы провести время.

Ресурсные государства современности воюют, потому что им достается много денег небольшими усилиями (за счет продажи ресурсов). В отсутствие контроля со стороны общества авторитарное и по-

луавторитарное государство всегда будет тратить деньги на само себя: на чиновников, армию и спецслужбы. Через некоторое время наступает стадия «раззудись, плечо»: куплено столько красивых новых штучек, как же ими не повоевать. Как ни обидно, формула «обожрались и перебесились» куда точнее описывает гибридную войну нового типа, чем «цивилизационный конфликт» или «фундаментальное противоречие интересов». Последнее относится скорее к разряду подведения интеллектуальной базы задним числом.

05.09.2014

ПРОСТО И ПРИМИТИВНО

*Учение Маркса, Энгельса и Ленина
о головах российских политиков*

Выступая на съезде Российского союза ректоров, Владимир Путин ответил на вопрос о мировых рейтингах вузов и месте в них российских учебных заведений: «Да все просто и примитивно. Эти рейтинги — один из инструментов конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг. Кто будет этот инструмент использовать себе во вред и в нашу с вами пользу?» Что интересно в этом высказывании? Своеобразное понимание термина «конкурентная борьба». Обычно конкурентная борьба предполагает, что участники выполняют схожую работу и тот, кто сделает ее лучше, выиграет. То, что тут описано, — не конкуренция, а применение административного ресурса: у меня есть возможность безнаказанно подкрутить рейтинг в пользу своего вуза (подразумеваются, плохого), и я это делаю.

Откуда исходит это удивительное представление о конкуренции не как о соревновании равных, а как заведомо преступной деятельности? А вот откуда: «Конкуренция при таком капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, nepотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы». Это работа Ленина «Как организовать соревнование», в ней рассказывается, что порочная

буржуазная конкуренция должна быть заменена социалистическим соревнованием, раскрывающим творческий потенциал сознательных трудящихся.

Поколение, которое сейчас находится у власти, — 55-летние и старше — было самым советским из всех, выращенных после 1917 г. Они родились после войны, отрезавшей навсегда память о прежней России вместе со всеми, кто еще мог ее помнить. Они прошли полный курс идеологической индоктринации — успели побывать и октябрятами, и пионерами, и комсомольцами, и коммунистами. Им преподавали марксистско-ленинскую философию и политэкономию в вузах, наиболее энергичные и способные сдавали ее и в аспирантурах. Не стоит думать, что на наше мировоззрение влияет только то, с чем мы согласны. Интоксикация мозга спорами марксизма-ленинизма не имеет ничего общего с левизной в политическом смысле, планами строительства социализма или даже мечтой о восстановлении СССР. Легко избавиться от веры в силу соцсоревнования, даже если она когда-то у вас и была. Но это не спасет вас от убеждения, что буржуазная конкуренция есть финансовое мошенничество, буржуазный суд служит интересам правящих классов, пресса продажна, деньги всевластны и нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал за 300% прибыли.

Реформаторы 90-х считали, что переход экономики «на рыночные рельсы» сам собой выстроит вокруг себя демократическую политическую систему, потому что в умах их был тезис про «базис и надстройку». Когда очередной государственный менеджер объясняет публике, что владелец СМИ имеет право уволить любого журналиста, потому что у кого собственность — тот и прав, а закон —

это формальность, он воображает, что раскрывает нам страшную правду о рынке. На самом деле его представления о рыночной экономике заимствованы из тезисов, выученных перед сдачей кандидатского минимума по философии.

Этот взгляд на мир плох не тем, что он безнравствен, а тем, что примитивен. Капитал не идет на «любое преступление» ни за 100%, ни за 300% прибыли не потому, что капиталиста сдерживают его персональные духовные скрепы, а потому, что эта прибыль существует не в вакууме, а в социуме, который не поощряет криминальное поведение. Большинство людей инстинктивно понимают, что быть социопатом менее выгодно, чем кооперироваться с ближним в совместной деятельности.

Мистическое видение вселенной как «игры с нулевой суммой», где сменяющиеся акторы вечно бьются за неизменный пирог «ресурсов», также накладывается вульгаризованным положением марксизма с его мировой конкуренцией империалистических держав (а конкуренция, напомним, — это когда я тебя бью палкой по голове и мне за это ничего не будет). Идея, что ресурс не богоданное внешнее благо, а плод совместной работы людей, не приходит в головы постсоветских геополитиков. Также им забыли рассказать, что социал-дарвинизм и иные изводы английской политэкономии XIX в. уже не передовой край научной мысли. Советская интерпретация марксистской философии рисовала мрачную картину мира, где новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, человек эксплуатирует человека — и нет ни суда, ни правды, ни добродетели. Мрачность эта компенсировалась перспективой грядущей победы коммунизма, которая навсегда оставит все эти безобразия в прошлом.

Хотя об этой победе говорилось в эсхатологических тонах, как о втором пришествии, все же советская религия была прогрессистской и проповедовала совершенствование человечества на пути от первобытной общинности к победе коммунистического труда. Постсоветские люди легко отвергли эту позитивную часть — к концу 80-х верить в такое было уже затруднительно. Однако отрицательная часть осталась не подвергнутой сомнению.

Много было шуток, что в постсоветской России выстроили капитализм в точности по «Незнайке на Луне» и карикатурам в «Крокодиле»: толстый биржевик в цилиндре, эвфемистическая сигара, веер купюр, коктейли, канкан и на переднем плане — изможденный трудящийся, лишенный медицинской помощи: в шахтерском поселке закрыли фельдшерский пункт.

Но это та Луна, на которую никогда не прилетят прогрессивные коротышки с семенами гигантских растений. Какой прогресс может быть во вселенной, где «либо мы, либо нас»? Никакого. Интернет возник как проект ЦРУ и так и развивается, и всегда будет проектом ЦРУ. Государства вечно будут сражаться за углеводороды, внутреннее недовольство всегда будет инспирировано извне, закон — это формальность, устав — бумажка, справедливости не существует. Учение Маркса всеильно для тех, кто в него верит.

10.11.2014

ЛЮДИ СТАНОВЯТСЯ БЛИЖЕ

*о том, как социальная сеть
снижает нужность
государства
для граждан*

Опубликованное Центром социологии РАНХиГС исследование «Евробарометр-2014» основано на опросе 6000 человек, представляющих 10 регионов (по 600 человек из каждого). Социальные и материальные характеристики опрашиваемых соответствуют тем пропорциям, которые выводит Роскомстат для российского общества в целом. Таким образом, можно сказать, что эта группа из 6000 человек представляет собой некую Россию в миниатюре.

Наименее ценная часть исследования — его политический блок. Он изобилует любимыми российской социологией вопросами: «Доверяете ли вы включенному телевизору больше, чем выключенному?», «Вы за материализм или за эмпириокритицизм?». И главный, без которого не обходится ни один допрос уклончивого русского респондента: «Девочка, ты хочешь ехать на дачу или чтобы тебе оторвали голову?».

Пересказ телеэффира своими словами лишен ценности не потому, что по телевизору «говорят неправду», а потому, что содержит понятия, не имеющие отношения к жизни опрашиваемых и, соответственно, не наполненные для них никакими реальными смыслами.

Важно знать мнение людей о том, что касается их собственной жизни — того, что они при желании могут изменить. Исходя из этих данных, можно хотя бы попытаться судить о направлениях, которыми развивается загадочное российское общество — смутно сознающее самое себя и плохо поддающееся линейным исследовательским методам. Поэтому самая любопытная часть исследования касается динамики социального капитала — роста так называемых сильных и слабых социальных связей. Упрощая, можно сказать, что под «сильными связями» в рамках исследования понимаются «те, у кого могу попросить займы или вместе поехать в отпуск», под слабыми — «те, кому могу позвонить с просьбой о рекомендации на работу или для ребенка в школу».

Трудно сказать, насколько реалистично граждане оценивают силу своих связей и их объем и насколько соответствуют действительности их представления о том, какую сумму денег они при необходимости соберут за три дня. Важно другое: по сравнению с результатами 2012 г., по мнению самих опрошенных, число их сильных социальных связей выросло вдвое, слабых — в 1,5 раза.

Значение этого факта для социального и экономического самоощущения людей огромно. Авторы исследования отмечают корреляцию между ростом числа связей и тем, что они называют «политическим оптимизмом». На самом деле ничего политического в этом оптимизме нет: дело не в том, что более общительные люди лучшего мнения о руководстве страны. Люди, ощущающие себя частью социальной сети, считают, что могут обойтись и без государства, — у них растет чувство субъективного благополучия не потому, что

ими хорошо руководят, а потому, что они становятся более уверенными в себе. Это та же связь, что и между ростом связей и убеждением, что вместо старой работы при необходимости найдется новая не хуже, или более высокой готовностью брать кредиты.

Этим объясняется и другая корреляция: между ростом числа связей и снижением доверия к государственным институтам. Это снижение проявляется не только в ответе на прямые вопросы типа «Доверяете ли вы полиции?» (44% москвичей, 34% дагестанцев и 27% жителей Ленинградской области ответили, что полицейские представляют для них угрозу), но и косвенным образом — в готовности искать пути неуплаты налогов или отказе обращаться к официальной медицине в случае болезни. Причина такого стремительного роста связей — не государственная политика (государство, уничтожая всякую возможность легальной политической общественной активности, скорее пытается этому процессу препятствовать). Это результат совокупного действия относительного материального благополучия последних 10–12 лет и соответственного роста трудовой и жилищной мобильности и новых информационных технологий: мобильных телефонов, великого объединителя семей Skype, социальных сетей.

Если речь идет действительно о преодолении социальной атомизации — базового наследия советской власти, — то значение этой тенденции трудно переоценить. Постсоветские граждане, подобно выпускникам детских домов и тюрем, знали много такого, чего человеку знать не следует: как изготовить заточку из алюминиевой ложки или добыть спирт из намазанного на хлеб гуталина. На этом основа-

нии они были склонны считать себя тертыми калачами, приспособленными к «реальной жизни», — в отличие от расслабленных обитателей цивилизованного мира. Но у них отсутствовали базовые навыки общественной жизни, которая строится не на борьбе всех против всех и священном принципе «умри ты сегодня, а я завтра», а на взаимопомощи, обмене услугами и доверии. Если в самом деле в России происходит наращивание горизонтальных связей, то это именно тот субстрат, из которого вырастает гражданское общество (а не из «правильных ценностей» или демократических убеждений — они вторичны).

Тут возникает парадокс, с которым сталкиваются все политические режимы полуавторитарного типа. Чувство общности делает людей одновременно смелее и счастливее: поэтому опрашиваемые разом одобряют все, что в стране происходит или будет происходить, и выражают уверенность, что в их силах изменить политическую ситуацию в стране (число таких выросло втрое по сравнению с результатами 2012 г.). В российском публичном пространстве популярен заимствованный из вульгаризованного марксизма миф, что протестуют только «люди, доведенные до отчаяния». На самом деле для протеста нужен ресурс: голодные не участвуют в политической жизни, а ищут еду. С ростом числа «сильных связей» возрастает готовность принять участие в массовой политической акции — причем как в оппозиционной, так и в провластной, хотя в оппозиционной больше. Но политический режим не предусматривает никаких легальных механизмов гражданской активности: ни протестной, ни лоялистской. Именно поэтому пер-

вую он подавляет, а вторую имитирует, хотя мог бы инкорпорировать и ту и другую, будь он хоть немного более открыт и демократичен. Как отвечать на новый общественный запрос? Каждый гибрид ищет свои методы, но сводятся они все равно к двум стратегиям: сопротивляться и развалиться или приспособиться и демократизироваться.

16.06.2015

ПОЧЕМУ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВСЕ СТАЛИ ГРУБЫМИ И ЗЛЫМИ

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

Новая транспарентность (открытость) и глобальное информационное пространство, которое мгновенно доносит до нас происходящее во всех концах Земли, стали требовать от человека и совершенно новых стандартов эмпатии. Моральные требования изменились. Мы очень слабо понимаем, что такого рода происшествия, как те, о которых сейчас ведутся споры в соцсетях, для человека предыдущей эпохи были только новостями. А тогда новости, грубо говоря, являлись предметом развлечения. Например, если человек того времени видел заголовки «В Лиссабоне землетрясение», «В Китае моровая язва», для него это были просто истории про людей с песьими головами. Иными словами, такие сообщения в газетах не имели к обывателю того времени никакого отношения, он не видел этих людей. Индивид прошлой эпохи вообще не видел никаких людей, кроме тех, с которыми он непосредственно физически общался — его родных, близких и знакомых. Поэтому требования по эмпатии и сочувствию распространялись только на этот круг людей.

142

Однако еще в XX, и теперь уже в XXI веке обшее информационное пространство изменило эту ситуацию. Мы видим всех пострадавших от всех несчастий во всем мире. И сталкиваемся мы с ними как со своими знакомыми: видим их лица, читаем то, что они сами пишут, слышим и читаем все то, что пишут и говорят их родственники и близкие.

В этой ситуации от нас требуется, чтобы мы им сочувствовали. А это говорит о том, что необходимый уровень эмпатии должен быть в наше время гораздо выше. Одновременно эти новые требования для многих людей оказываются невыносимыми и вызывают у них ответное отторжение. Желание сказать: «Мне все равно», «Я ничего не чувствую», «Я не могу оплакать все погосты в мире». Это первая, базовая вещь, которую нужно понимать, когда мы говорим о подобных дискуссиях в информационном пространстве.

Второй момент, о котором нужно сказать, касается конкретно случившейся катастрофы. Дело в том, что люди в принципе плохо понимают, что их лента в социальной сети — это их собственное рукотворное произведение. Казалось бы, пользователи знают (если их спросить), что формируют они эту ленту сами, однако она начинает восприниматься ими как объективная реальность. Логика такая: «Вокруг меня, в ленте происходит то-то, значит, в мире происходит то-то. Мои знакомые говорят что-то, и это значит, что все люди так считают». Это неизбежная абберрация мышления, но она довольно опасна в условиях новой информационной реальности. И стоит подчеркнуть, что эта информационная реальность — новейшая, в ней еще никто не жил. Несмотря на то, что XX век своей глобализацией информационного пространства нас немножко к ней подготовил, это были только «цветочки». А вот сейчас идут «ягодки» — никто в этой новой реальности жить пока не умеет — ни власти, ни граждане, ни медиа.

Третий момент, на которой стоит обратить внимание, состоит в том, что некое сознательное манипулирование этим самым информационным пространством, без сомнения, происходит. Катастрофа,

о которой мы говорим сейчас, — многоаспектная. Большим количеством вопросов можно задаться в связи со случившемся: к примеру, почему самолет все же упал, был ли это теракт или причина в технической неисправности? Можно также спросить, зачем летели эти люди в Сирию, нужно ли им было там находиться, если бы катастрофы не было и новогодний концерт состоялся, как бы это выглядело — хорошо или плохо? И что мы вообще делаем в этом регионе, что там происходит на самом деле?

Кроме того, можно задаться вопросом о пределах благотворительности — это тоже всегда очень болезненная дискуссия, — о его сотрудничестве с государством, о том, насколько святая цель оправдывает средства, и что вообще такое цель и средство в такой деятельности. Все вышеперечисленное — проблематика, о которой можно думать. А на самом деле, мы вторые сутки обсуждаем две мифические сущности: первая — каких-то злорадствующих либералов, а вторая — каких-то злорадствующих украинцев. У меня есть очень сильное подозрение, что ни первого, ни второго не существует. В частности, тексты, которые больше всего цитируются — пост Божены Рынски (он был удален автором после начала бурной дискуссии в соцсетях и СМИ — прим.), а также пост журналиста Аркадия Бабченко. Но если посмотреть в ленту этих людей, то можно понять, что они являются постоянными поставщиками подобного рода скандалов. Они работают на этой энергии, это их специфическая функция в публичном пространстве.

Однако на этот раз они дали на самом деле очень мало материала. Ни у Рынской, ни у Бабченко никакого особенного злорадства в постах не было. В частности, Бабченко сказал ровно то, о чем

я рассуждала выше: у него закончилась эмпатия, он не может сочувствовать. А Рынска же, как обычно, в своей малоприятной манере пишет, что людей жалко, а вот сотрудников телеканала НТВ — не жалко (у нее персональная особая история с ними). Если же говорить о загадочных украинцах, то ведь мы все прекрасно знаем, какие удивительные вещи происходят у нас в социальных сетях: про фабрики троллей — знаем, про Ольгино — знаем, и про товарища Пригожина — слышали.

Кроме того, я вижу два типа украинских комментариев. Первый — «не ожидайте от нас сочувствия». Логика такая: вы нас убиваете, вы с нами воюете и нам вас в ответ не жалко. За этим типом реакции, в общем, видятся живые люди, понять такой тип мышления неприятно, но можно. А вот второй тип — это так называемое злорадство, шутки, картинки и прочее анонимное веселье. Тот факт, что идет систематический нажим на очень конкретные триггеры, подводит к мысли, что это некая кампания. Произошедшая катастрофа — это история о войне, а не о том, что кто-то кому-то неправильно посочувствовал. Но вместо этого мы вторые сутки обсуждаем плохую Рынску и воображаемого злого украинца. Любопытно также, что когда начинается форсирование какого-то «не-события» (а то, о чем мы говорим — это как раз то самое «не-событие»), то к дискуссии внезапно подключаются и официальные лица. Возникает вопрос: почему это вообще должно быть предметом их внимания?

Подводя итог, стоит сказать, что социальные сети сближают людей и в хорошем, и в плохом. Преимущественно в хорошем. Социальные сети и информационная открытость повышают этические стандарты. Признак такого повышения — это само-

произвольная выработка новых ритуалов публичной скорби. Иными словами, сейчас от людей требуется не просто сочувствовать, но и что-то сделать, как-то выразить себя, объединиться в этом чувстве. Например, массово приносить свечи и цветы к посольству или к какому-то еще месту — это совершенно новое явление. Сейчас это уже делается рутинно — всякий раз, когда случается беда, люди идут со свечами и цветами. А это говорит о том, что в России спонтанно формируется новая ритуальность. Ритуалы крайне важны, это очень значимый социальный конструкт. Во-первых, они закрепляются в обществе, во-вторых, они объединяют людей. К процессу формирования новой ритуальности в социуме относятся и ритуалы горевания в социальных сетях: смена аватаров, черно-белые картинки и свечки в ленте и так далее. Каждый чувствует, что должен у себя что-то написать. Несмотря на все разговоры о том, что самое время помолчать, присутствие в информационном пространстве накладывает на человека обязанность как-то выступить. И нас всех в той или иной степени это делает публичными фигурами. Теперь каждый гражданин, который зарегистрирован где бы то ни было, несет те обязанности, которые раньше были присущи только послам, главам государств и лидерам религиозных конфессий. Ведь в прошлом только они могли публично высказываться о каком-то значимом событии. Сейчас люди становятся послами от самих себя.

НАВЯЗАННАЯ ЛЮБОВЬ

Рассматривая те акции, мероприятия, публичные проявления, которые можно назвать признаками ползучей ресталинизации, реабилитации Сталина, его появления в публичном пространстве с публичным одобрением, мы увидим, что каждый такой случай очевидным образом будет прямой или опосредованной государственной, а не частной инициативой.

Памятники, которые появляются последнее время и число которых действительно растет, обычно устанавливаются под эгидой местных отделений КПРФ. Это ни в коей мере не делает их народными или гражданскими инициативами. Что такое сеть региональных отделений КПРФ и что такое вообще наши парламентские партии, какова степень их лояльности и насколько они согласовывают любой свой шаг с местной и федеральной властью, думаю, известно всем.

Даже хорошо

Еще в 2002 году в одном из дагестанских городов по инициативе мэра появился проспект Сталина. Это тоже не потому, что граждане пришли, окружили мэрию и грозились ее сжечь, если он не согласится на это требование.

В 2009 году, в другую политическую эпоху, при президенте Медведеве в московском метро на станции «Курская» были восстановлены слова гимна: «Нас вырастил Сталин на верность народу». И на возмущение, которое тогда было высказано, был от-

вет от официальных властей, что это историческая правда, что они просто восстанавливают в первоначальном виде то, что здесь было.

С тех пор московское метро, как известно, сделалось могучим инструментом просоветской и сталинистской пропаганды: поезда, в которых встречаются портреты Сталина, акции типа акции этого года «Времена и эпохи». Иногда это происходит под предлогом того, что это кадры из фильма, иногда — что это исторические воспоминания. Но, как вы понимаете, это все тоже идет не снизу, это все тоже идет отнюдь не от народа, а от администрации метрополитена и от московского и федерального политического менеджмента.

В Марий Эл памятник Сталину в полный рост, один из немногих — обычно все-таки ставят бюсты — установлен на территории местного мясокомбината. То есть градообразующее предприятие, местный крупный бизнес, который, естественно, не может себе позволить быть оппозиционным, предоставляет площадку для этого.

В 2015 году создана изба-музей Сталина в деревне Хорошево — довольно шумная история, под эгидой Министерства культуры, с личного одобрения министра культуры.

В Псковской области — установка бюста Сталина в 2016 году, тоже с ведома и по одобрению местных властей.

Художественные выставки, на которых были изображения Сталина, живопись той эпохи, прославляющая вождей, открывались в Москве в 2014, 2015, 2016 году. Например, выставка придворного живописца Герасимова, автора известной картины «Два вождя после дождя». Всё это культурное богатство выставлялось в Третьяковской галерее отнюдь

не по требованию художественной общественности или музейных работников.

Важно понимать следующее. Из того, что мною перечислено, не следует, что нет людей, которые по собственной инициативе ставят у себя на дачном участке бюст Сталина или даже готовы сдавать деньги на восстановление какого-то ему памятника. Из того, что те люди, которых нам показывали в Севастополе, хлопают и встают при исполнении какой-то песни, которую поет человек в белых штанах, отнюдь не следует, что они все присланы местной администрацией.

В чем функция государственной пропаганды? Ее функция состоит в том, что она, выступая с иерархически верхних позиций, задает некую норму. Она рассказывает аудитории, что правильно, что нормально, что вообще можно. Она создает тот фон, на котором люди понимают, что ходить с плакатом с изображением Сталина как минимум безопасно, если вообще не похвально. Что многочисленная реабилитирующая его литература, которая лежит в книжных магазинах всех городов России, не будет признана экстремистской, что не заведут дело по ст. 282 УК, как по поводу какой-нибудь другой литературы, которую кто-нибудь вздумает выложить в магазине на видном месте. Что это нормально, что это не наказуемо, а возможно и поощряемо.

Когда из телевизора, с государственных трибун раздаются слова о том, что «не надо никого демонизировать, давайте посмотрим с одной и с другой стороны, а вот войну же выиграли» — это посылает некий сигнал, на фоне которого те, кто действительно испытывает позитивные чувства по этому поводу, или те, кто не испытывал ника-

ких чувств, вдруг их испытали, те, у кого не было мнения, вдруг его приобрели, потому что им рассказали, что теперь так можно, что это нормально и даже хорошо.

«Они хотят своего Сталина»

В принципе, конформизм — это психологическая норма. Можно печалиться по этому поводу, но тем не менее это правда. Человеку свойственно примыкать к большинству. Человеку свойственно сверять свое мнение с мнением, как ему кажется, общепринятым. Еще раз повторю: может быть, это не самое благородное проявление нашей натуры, но это признак психического здоровья. Для своей безопасности, для успешной социализации мы, люди, мы, социальные существа, поступаем именно таким образом. И это создает ответственность тех, кто говорит от имени государства, от имени обобщенной власти. А федеральный телевизор воспринимается у нас не как источник информации, не как источник новостей, а как голос власти. Люди слушают его именно так.

Напомню, что такая невинная и милая вещь, как проект «Старые песни о главном», была впервые нам с вами показана на 1996 год. Первая их серия как раз имитировала фильм «Кубанские казаки». Это была та рамка, в которой они там пели и плясали. Напомню, наступал 1996 год, год президентских выборов. Даже опасность конкуренции с коммунистами на тогда еще достаточно свободных выборах не напугала наших с вами идеологов и сценаристов. Это не остановило их от того, чтобы устроить такую вот красивую, веселую ползучую реабилитацию одного из самых страшных периодов страшной советской

власти. Это именно то, что называется нормализацией: смотрите, это не страшно, это даже приятно. Над этим можно пошутить и по-доброму улыбнуться. Вот когда начался этот процесс.

Напомню еще одну из ранних публичных акций этого рода. В 2008 году — опять же, казалось бы, совершенно в другую политическую эпоху — был такой телевизионный проект — «Имя Россия», 100 величайших россиян. Идея была заимствована у проекта BBC «Hundred Greatest Britons», 100 самых великих британцев, но сделано все было на свой манер. Телезрителю предлагалось выбрать 100 самых выдающихся исторических деятелей, из них потом должен был остаться один финалист. Напомню, какими большими усилиями и как упорно создавалось представление о том, что «на самом деле» в народном голосовании победил Сталин, но поскольку это было бы безобразие и нехорошо, то что-то подкрутили на «Первом канале», и победил Александр Невский.

Как на самом деле шло это голосование? Теперь, с накопленными с той поры опытом и знаниями, мы приблизительно себе представляем, как происходит так называемое народное волеизъявление, особенно в телевизоре. Но тут мы увидели, может быть, впервые наиболее выпукло эту самую модель: «Они хотят своего Сталина, а мы, власть, еще как-то потихоньку отгораживаемся от этого. Мы еще их как-то слегка успокаиваем».

Довольно похожая история с якобы массовыми голосованиями была в 2013-м, когда на канале ВГТРК нужно было выбрать 10 видов России, 10 картинок, пейзажей, исторических зданий, которые должны были ее характеризовать. Тогда, как мы помним, амбициозный региональный лидер организовал

такое голосование, что должна была победить мечеть «Сердце Чечни». И тут уже федеральные власти обнаружили себя в этом положении, и пришлось опять что-то подкручивать, чтобы победил Коломенский кремль. Тогда амбициозный региональный лидер обиделся на операторов связи «Билайн» и «Мегафон», в республике их отключили и даже офис яйцами закидывали, большое возмущение было по этому поводу. Это к вопросу о том, как такого рода вещи организуются и для чего это на самом деле делается.

Мы с вами должны смотреть правде в глаза и осознать, что мы имеем дело с государственной пропагандой и с государственным навязыванием определенных представлений о нормальном, приемлемом, хорошем, славном, великом и выдающемся. Эти представления находят отклик, поскольку они высказываются от имени власти и поскольку они опираются на некие действительно существующие запросы.

Всенародной потребности в авторитаризме не наблюдается

Как можно сформулировать эти запросы — ту реальность, которая лежит под «рейтингом Сталина»? Впервые этот вопрос мне задали на одном из мероприятий Фонда Бёлля в Берлине: «Как у вас народ может любить Сталина?» Когда такой вопрос перед тобой ставится прямо, то начинаешь понимать этот низовой запрос на специфически понимаемую справедливость, этого парадоксального антиэлитного Сталина, которого имеют в виду те, кто говорят: «Сталина на вас нет». Сталин как бич номенклатуры, Сталин как борец с сильными и богатыми за бедных и простых людей. Мы сейчас не говорим о том, на-

сколько это представление является мифологизированным и диким, но тем не менее оно есть. Многие люди, которые говорят это, имеют в виду именно апелляцию к строгому закону, порядку, равенству, к некой первобытной апостольской простоте.

Грех, особенно ученым, цитировать разговоры с таксистами, но мне тоже приходилось слышать, что у Сталина была одна шинель, одни сапоги, а нынешние вон как живут, вон что себе позволяют. То есть этот антиэлитный запрос здесь явно заложен. Но само представление о том, что в принципе есть к чему апеллировать, что это можно, нормально и безопасно, задан, конечно же, машиной государственной пропаганды.

Давайте посмотрим, насколько многодесятилетняя работа этой государственной пропагандистской машины имеет успех. Вот самый простой, базовый вопрос от «Левады»: «Как вы лично относитесь к Сталину?» Посмотрите, как идет динамика с 2001 по 2015 год. Сказать, что произошли какие-то радикальные изменения, резкий рост уважения, восхищения, симпатии нельзя — не видно этого.

Чего стало меньше? Неприязни и раздражения. В рамках той же тенденции стало резко больше относящихся безразлично. Что это такое? Это естественный ход времени. Действительно, эта фигура уже очень сильно мифологизирована. Когда нам говорят, что «деды воевали», надо понимать, что у поколения нынешних 30–40-летних уже никакие деды не воевали, их деды и бабушки были детьми в войну, то есть для ныне активного населения это очень и очень давно. Эта фигура постепенно уходит в тот пантеон исторических личностей, где Наполеон — это скорее торт, чем император французов, а Гитлер — это мем из смешных картинок «ВКонтакте».

Не говоря сейчас о том, насколько это нравственно и хорошо, признаём, что это неизбежно, потому что живая историческая память постепенно уходит, а остается поле символического. Итак, мы видим, что всенародной любви, роста этой любви, потребности восхищаться и симпатизировать нет. Говорить, что народ обожает Сталина всё сильнее и сильнее, нельзя. Это просто неправда.

Как молодежь оценивает эти далекие от нее исторические времена? Вот опрос об исторических событиях, которыми следует гордиться или которых следует стыдиться, проведенный среди российских и американских студентов в 2015 году.

Корреляция между первым поводом для гордости — победой в Великой Отечественной войне — и первым поводом для стыда — сталинскими репрессиями — дает нам картину той амбивалентности, за которую неизменно зацепляются попытки тотальной десталинизации, невозможной, пока существует связка «Сталин — Победа». Тем не менее мы видим, что нравственные ориентиры молодых людей расположены вполне здоровым образом.

Давайте посмотрим на чуть более реалистичный вопрос: не как вы лично относитесь к человеку, которого вы никогда не видели, которого и деды-то ваши не видели, — а в какое время вам было бы лучше жить.

Тут на самом деле интересные результаты. Почему-то после 2014 года резко упала популярность ответа, что лучше всего жилось до революции 1917 года. Я не знаю, по какой причине, но почему-то удивительный эффект крымского консенсуса состоял в том, что вот это вот счастливое время «добезцаря», как принято выражаться, почему-то потеряло популярность. Эпоху Сталина, как видим, мало кто называет, и никакой динамики тут нет: как

было, так и осталось. То есть уважать, может, и уважают, а жить в этом времени что-то никто особенно не рвется.

Брежневская эра воспринимается более или менее как комфортное, спокойное, тихое время, но мы видим снижение динамики. Перестройку никто не любит, Ельцина тоже не особенно. В основном затрудняются ответить, и поскольку от 1994 до 2017 года довольно большой временной провал, то люди считают, что из вот этого небогатого ассортимента наше время, может, выглядит даже и ничего себе.

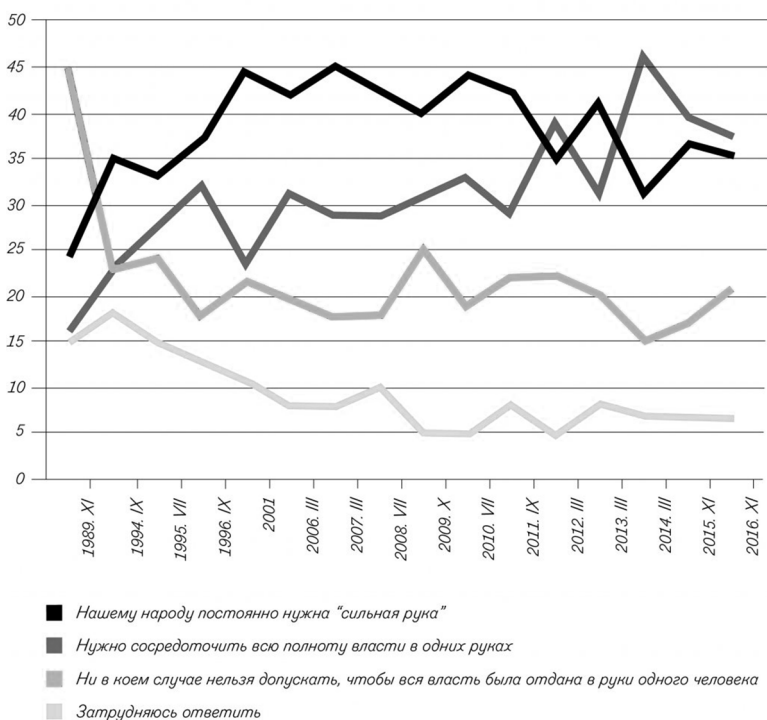
Как соотносятся эти цифры, это отношение к Сталину и к его времени — что, как мы видим, совсем не одно и то же — с общими социально-политическими взглядами людей? Данные заимствованы из исследования Кирилла Рогова «Протопартийные группы в российском обществе. 2000–2010-е годы», за что я ему выражаю свою большую признательность. Это результат так называемого метаопроса, то есть обсчета соцопросов, которые на протяжении последних 18 лет проводит «Левада-центр».

Вот опрос на тему, которая наиболее близко связана с фигурой Сталина: «Нужна ли нам сильная рука?».

Посмотрите на самую темную линию, которая соответствует числу ответов о том, что «постоянно нужна». Вторая линия — «иногда бывает нужна, но вообще-то не всегда». И — «нет, не нужна ни в коем случае». Посмотрите на правую часть графика. Тут мы тоже наблюдаем вот этот очень странный, думаю, еще наукой не объясненный поворот, который произошел после 2014 года. Может быть, через 5 или 7 лет мы еще скажем, что эффект нашего 2014 года, его влияние на общественное мнение были совсем

«Сильная рука»: авторитарная «лидерская» модель

Бывают ли такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «Сильная рука»

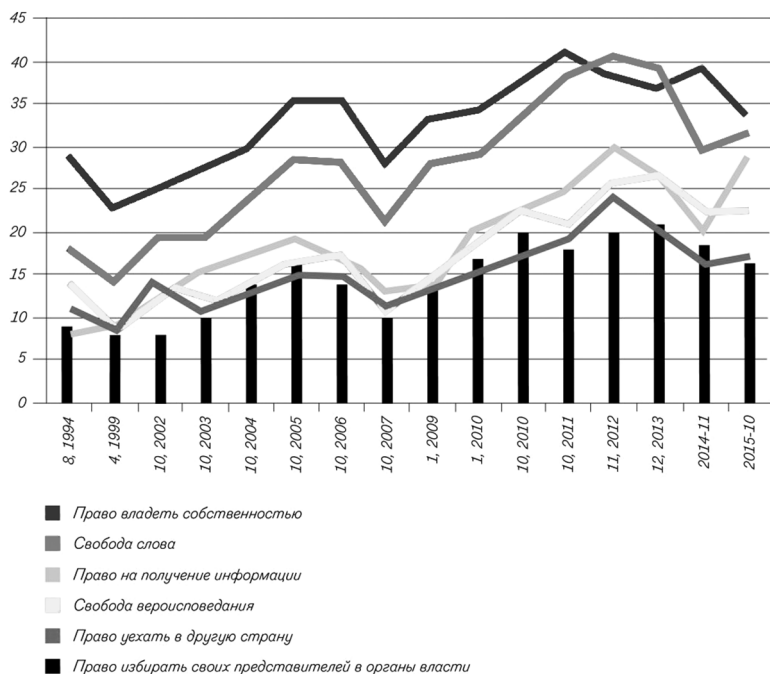

не тем, о чем нам рассказывали по телевизору. Посмотрите на рост третьей линии — после 2014 года вдруг люди стали говорить, что ни в коем случае нельзя отдавать всю власть одному человеку. Вторая линия резко пошла вниз — «Иногда можно, но вообще не очень хорошо». Верхняя линия шла вниз, а начиная с 2011 года пошла немного вверх и опять пошла вниз после 2013 года, с некоторым устойчивым и недолгим повышением в 2014 году.

Какие права для россиян являются наиболее ценными? Посмотрим на динамику последних лет.

Здесь мы тоже видим этот загадочный контринтуитивный «посткрымский эффект». когда после

Накие права ценят россияне

2014 года граждане резко заценили право на получение информации и свободу слова, при этом несколько разочаровавшись в праве собственности.

Вот такие вот интересные выводы делают у нас граждане из того, что они наблюдают. Из этого графика, как его ни рассматривай, совершенно очевидно следует, что всенародной потребности в авторитаризме, мечты о сильной руке тоже не наблюдается. То есть мы имеем дело с навязанным обществу представлением о том, каково оно. Зачем это делается, зачем нужно говорить людям, что они на самом деле мечтают о возвращении смертной казни, хотя они не особенно об этом мечтают, что они прямо всем народом хотят воскресить Сталина, что их радуют массовые репрессии?

Европейские, но слабенькие

Политический режим, который хочет, с одной стороны, концентрировать власть и ресурсы в своих руках, оставаться у власти и при этом не является полноценной автократией, не располагает развитым репрессивным механизмом, не располагает правящей идеологией и возможностью ее навязывания и не хочет подвергаться процедурам демократической ротации, находится на самом деле в довольно сложной ситуации.

Он удерживается у власти целым рядом, набором довольно хитрых инструментов. Значительная часть этих инструментов относится к сфере пропаганды и представляет собой различного рода имитационные модели и схемы. Имитируются демократические институты и процессы — например, выборы, партийность, разнообразие СМИ, которые при всем своем разнообразии все рассказывают одно и то же. Выборы вроде бы проходят, но власть на них не меняется. Партии вроде бы есть, но никто никому не оппонирует (к вопросу о КПРФ и других так называемых системных, они же парламентские, партиях). Это с одной стороны.

С другой стороны, необходимо имитировать исторические инструменты автократии. То есть, грубо говоря, пытаться предстать в публичном пространстве страшнее, чем ты есть. Во-вторых, необходимо — и это тонкий момент, который часто не до конца понимают, — представлять себя не страшным диктатором, не кровавым тираном, а, наоборот, некой цивилизующей и сдерживающей силой, которая вынуждена, правя таким диким, с такими авторитарными тенденциями народом, как-то его все время придерживать, как-то все время модерировать его жажду крови.

То есть необходимо посылать такого рода двусмысленные сигналы, как «давайте не будем демонизировать, но давайте рассматривать всё с разных сторон». Необходимо делать вид, что ты уступаешь, и одновременно противостоять постоянному общественному давлению, требующему архаизации, ужесточения, огня и крови. А если бы ты не противостоял, то у нас бы тут уже на всех столбах всех, наверное, перевешали. При этом ты и есть тот самый властный актер, который создал этот запрос. Ты организатор этой самой нормализации, на которую ты потом как бы нехотя отвечаешь.

Для чего нужно создавать своему народу такую ужасную репутацию? Для того чтобы иметь оправдание тому ограничению политических, прежде всего избирательных прав, которое ты постоянно проводишь. Если люди — дикие кровожадные варвары, то понятно, что нельзя позволять им выбирать себе власть на выборах. Пока еще ты у них сидишь, более или менее цивилизованный европеец, а если им самим дать волю, тут-то они выберут: кто говорит «Гитлера» — это пугалка националистического характера, кто говорит «Сталина» — это пугалка левоэтанатистского направления. И то, и другое одинаково является аргументом в пользу того, чтобы ограничивать права граждан на самостоятельное определение своей жизни. Вот для чего нужен высокий рейтинг Сталина.

В чем мой научный тезис? Внушение обществу ложных представлений о самом себе имеет целью представить правительство единственным европейцем в России. В нынешней социальной реальности это, мягко говоря, уже давно неправда. Нет, не существует и никакой реальностью не подтверждается, никакими инструментами не за-

меряется дихотомия «цивилизованная власть против дикого общества».

Наше общество, наш социум сложен, многоуложен и разнообразен. Если пытаться выделить некое общественное мнение, некое общее представление о ценностях, разделяемых жителями России — и этому тоже есть многочисленные подтверждения в исследовательских работах, — мы увидим приблизительно следующую картину. Мы увидим социум, разделяющий те ценности, которые принято называть европейскими. Мы увидим социум индивидуалистический, консьюмеристский, во многом атомизированный, очень малорелигиозный, преимущественно секулярный, с довольно-таки низкой толерантностью к государственному насилию — опять же вопреки тому, что обычно говорят. Еще точнее будет сказать, что те, у кого толерантность к государственному насилию низкая, гораздо лучше объединяются, гораздо активнее себя выражают, чем те, кто относится к этому терпимо.

Мы увидим общество с теми ценностями, которые обычно исследователями характеризуются как «европейские, но слабенькие». Мы увидим общество, в общем, конформное, довольно пассивное, не очень готовое выразить свое мнение, склонное раскручивать ту спираль молчания, которая состоит в том, что люди говорят то, что, как они думают, от них ожидают. Но тем не менее не агрессивное, не кровожадное и совершенно не стремящееся и не мечтающее об установлении в России авторитарного правления.

Для того, чтобы таким социумом управлять демократическими методами, конечно, нужно представлять его в ложном виде, конечно, нужно ввинчивать ему в голову этот флажок со Сталиным, чтобы

потом показывать на него же пальцем и говорить: «Смотрите, какие они».

Я призываю всех не ввязываться в эту игру и не подыгрывать тем, кто ведет ее гораздо более сознательно, чем мы с вами, потому что эти представления о диком и страшном народе, во-первых, не отражают всю полноту и сложность нашей реальности, во-вторых, мешают нам, блокируют нас на пути к прогрессу и развитию.

27.07.2017

ИГРА С ШУЛЕРОМ, ИЛИ ЛЯГУШКА В МОЛОКЕ

Что такое политическое участие

Тотальные безобразия, сопровождающие региональные кампании в Калуге, Новосибирске и Костроме, оживили дискуссию «участвовать ли в заведомо несправедливых выборах?». Этот вопрос будет становиться только актуальнее в предстоящие три года, и писать и говорить о нем будут много. Чаще всего приходится слышать две метафоры: сторонники политической абстиненции говорят, что участвовать в выборах на условиях власти — значит садиться играть в карты с шулером. Как бы ни был ты внимателен и искусен, все равно проиграешь, разумнее всего воздержаться. Сторонники участия вспоминают двух лягушек в крынке с молоком: одна сложила лапки и утонула, другая барахталась, пока не сбила из молока масло.

Вопрос «зачем участвовать в выборах, которые невозможно выиграть?» кажется резонным, однако за ним стоит ложное представление о том, кто, собственно, играет и во что. Напомним базовое свойство гибридного авторитаризма: он имитирует как диктатуру, которой по сути не является, так и демократию, чьи институты в нем полноценно не функционируют. У гибридов нет репрессивного аппарата и целостной идеологии тоталитаризма, отсутствует в них и сменяемость власти посредством открытой законной процедуры.

Большого ума не надо, чтобы догадаться, что выборы в режимах этого типа не являются ни свободными, ни прозрачными, ни законными, ни де-

мократическими. Дойдя до этого очевидного заключения, граждане и аналитики склонны делать вывод, что выборы являются «фикцией» и «формальностью» и участвовать в этом бессмысленно. Это логическая ошибка, причина которой — непонимание того, что такое выборы в недемократической системе.

Из того, что выборы недемократичны, не следует, что это формальное мероприятие. Напротив, это значимый политический процесс. В научных терминах, в электоральный период в авторитарной системе региональная власть демонстрирует верность власти центральной, а высший политический менеджмент доказывает свою способность контролировать ситуацию как в центре, так и на местах. Иными словами, выборы мыслятся как массовый праздник вроде елки, когда на управляемой территории все должно быть особенно тихо и благостно. В этот период каждый элемент политической системы уязвим, поскольку происходит разбалансировка интересов властных групп и акторов — проще говоря, война всех против всех в рамках тотального карнавала лояльности.

Но наиболее опасен для гибридного режима, который, казалось бы, «все контролирует», не выборный период, а поствыборный.

В демократической системе непредсказуем результат выборов, но предсказуемы их последствия. При демократии никто не знает заранее, сколько процентов наберет та или иная партия и кто именно из кандидатов станет мэром или президентом. Однако количество вариантов ограничено, и последствия каждого из них легко просчитываются: партия N будет вносить законопроекты X, Y, Z, президент A назначит премьер-министром гражданина B и бу-

дет реализовывать положения своей предвыборной программы.

В авторитарной и смешанной системе результат выборов предсказуем, а последствия непредсказуемы. Причем непредсказуемость постэлекторального этапа приходит с двух сторон: со стороны избранных и со стороны избирателей. Да, действующий глава государства переизберется на новый срок, а партия X получит большинство в парламенте. А дальше что? Никакой содержательной программы у партий и кандидатов нет, а те обещания, которые выносятся на публику, исполнять никто не собирается и никто их исполнения не ожидает (см. судьбу майских указов 2012 г.). Ни в какой программе не было сказано, что получившая большинство партия будет принимать пакеты репрессивных законов, а избранный президент — конфликтовать с соседями из-за спорных территорий.

Со своей стороны граждане полуавторитарных режимов, которые еще вчера были всем довольны и на все согласны, увидев наяву давно предсказуемый результат выборов, склонны внезапно возмущаться. Большая часть потрясений, случившихся в полудиктатурах арабского мира или постсоветского пространства в последние годы, началась как раз по окончании выборных кампаний, результаты которых эти режимы полностью контролировали.

Что это значит для тех, кто хочет перемен мирным путем, находясь в условиях несвободного политического режима? Известное исследование Мэттью Френкеля из Института Брукингса, проанализировавшего более 100 кампаний электорального бойкота с 1990 по 2010 гг., называется «Угрожай, но участвуй». Он выяснил, что игнорирование выборов оппозицией эффективно, только если оппози-

ция достаточно влиятельна, чтобы своим неучастием сорвать выборы. В российских условиях ставка на снижение явки путем бойкота особенно абсурдна, потому что этим занимается сама государственная власть. Конечной целью всех электоральных маневров — от недопущения любых кандидатов или партий, имеющих шанс заинтересовать кого бы то ни было, до сокрытия от граждан адресов избирательных участков — является исключение из выборного процесса не оппозиции (в эксклюзивной политической системе этот термин мало что значит), а избирателей.

Во всех остальных случаях путь к смене или качественному изменению режима — не бойкот, а участие. Смысл участия не в победе на выборах (ее не будет) и не в получении некоторого количества мандатов. Более того, необязательно даже быть обозначенным в избирательном бюллетене: охранительные режимы любят отлавливать кандидатов, которые кажутся им опасными, на дальних подступах к кабине голосования.

Френкель формулирует три признака успешной политической кампании:

- широкое участие: проще говоря, баллотируйтесь во все, что избирается;
- публичность: все, что вы делаете, должно быть гласным и прозрачным;
- своевременность действий: если вы будете копить силы, дожидаясь часа X, то он настанет без вас.

Надо помнить: условием существования в политической системе является политическое участие. Политическое участие осуществляется посредством политической организации: единицей процесса является не личность, а группа. Под организацией не обязательно понимать нечто вроде партии больше-

виков или профсоюза горняков: в постмассовом обществе наиболее эффективны структуры не вертикальные, а сетевые. Группу делает группой не наличие членских билетов и руководства, а совместное действие.

Именно этим объясняется известный социальный парадокс «в политике меньшинство существует, а большинства не существует» (он работает и на выборах, и в законодательном лоббизме, и в культурном пространстве). Большинство объединено по принципу пассивности, т. е. с практической точки зрения не объединено вовсе. Организованное же меньшинство имеет внятные цели и интересы и способно на коллективное действие. Цинично выражаясь, если вы хотите иметь сторонников, заставьте людей что-то вместе делать — результат не важен. В момент совместного действия и рождается политическое движение.

05.08.2015

ПОЛ ВЛАСТИ: ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ЖЕНЩИН- ПОЛИТИКОВ

Женское представительство в органах власти и управления считается само по себе благом и признаком развитости той страны, где оно выше. Правовые реформы, которые разными темпами провели в XX веке почти все страны цивилизованного мира, сняли неравенство полов перед законом и открыли женщинам дорогу как к выборным постам, так и к оплачиваемой карьере в целом. Заслугу этой глобальной эмансипации по справедливости делят между собой первая волна феминизма (посвященная борьбе за равенство полов перед законом) и две мировые войны с сопутствующей им урбанизацией, сделавшие женский труд необходимым. Сегодня женщины составляют примерно такой же процент мировой рабочей силы, как процент населения — немногим больше половины. По последним данным ВТО, около трети всех мировых бизнес-структур принадлежит женщинам или управляется ими.

Вот четыре государства с самыми высокими показателями в этом отношении: Ямайка (60%), Колумбия (53%), Сент-Люсия (52,3%) — островное государство в Вест-Индии, член Британского содружества, и Филиппины (48%). США на 15-м месте, Канада на 43-м, Великобритания на 49-м. Насколько велика ценность этих данных, малопонятно: скептический российский читатель немедленно подумает, что 60% ямайских бизнес-леди, не говоря уж о

Сент-Люсии, — это чьи-то тещи, жены и бабушки, на которых переписывают компании из соображений финансовой безопасности.

Но если владение бизнесом может быть формальным, то на работу в органы власти надо являться самолично (если вы не додумались сдать карточку для голосований координатору фракции и на этом счесть свой депутатский долг выполненным). Посмотрим на представительство женщин в парламентах (для унификации результатов будем учитывать только нижнюю палату, поскольку не во всех странах парламент двухпалатный). По данным Межпарламентского союза (IPU), первые пять мест в этом рейтинге распределяются так: Руанда (63,8% женщин-депутатов), Боливия (53,1%), Андорра (50,0%), Куба (48,9%) и Швеция (44,7%). Россия на 103-м месте (13,6%, уступает Азербайджану с его пятнадцатью с лишним процентами). Великобритания на 60-м (22,6%, уступает Киргизии). США делят 75-е место с Панамой — по 19,3%.

По исполнительной власти внятных данных нет.

Обычно международные исследования в этой сфере с гордостью приводят примеры разных скандинавских стран, где женщины занимают первые посты в правительствах и министерствах (хотя интереснее было бы посмотреть, каков гендерный состав низового уровня исполнительной власти — того, с которым граждане сталкиваются непосредственно).

В местном самоуправлении, как считается, женщины представлены лучше, чем на национальном уровне: по данным международной организации «Объединенные города и местное самоуправление» (UCLG), в 2003 году женщин в местных советах было примерно 15%. В странах Латинской Америки

5% всех мэров городов — женщины, и это по мировым меркам высокий уровень.

Как видим, никакой корреляции между женским представительством в органах власти и уровнем жизни или даже демократических свобод в стране не наблюдается. Единственное, что можно утверждать определенно, — в любых такого рода списках на последних позициях будут исламские страны.

Жизнь людей вообще куда значительно более детерминирована не гендером, а имущественным положением и социальной принадлежностью. Классики феминизма всегда понимали эту специфику своей паствы: «Жены буржуа солидарны с буржуа, а не с женами пролетариев; белые женщины — с белыми мужчинами, а не с черными женщинами» (Симона де Бовуар, «Второй пол»). Говоря об общем женском интересе и общей женской политической повестке, феминизм оперирует в некотором роде ложным множеством: «всех женщин» (как и «всех мужчин») как политического актора не существует.

Женщин слишком много, они слишком разные, чтобы вычислить их общую политическую детерминанту. «Жить хорошо» и «быть счастливыми» — это не политический интерес.

При этом феминистское движение — очевидный благодетель человечества. В исторически короткие сроки ему удалось добиться устранения институциональных, прописанных в законе несправедливостей — не воображаемых несчастий типа обычая помочь даме открыть дверь или снять пальто (борьбу с этим обыденное сознание у нас ассоциируется с феминизмом), а реального поражения в избирательных, имущественных, семейных, трудовых правах. И плоды этих побед принесли пользу именно «всем женщинам» — вне зависимости от того, вос-

пользовались ли они ими лично.

Аналогично обстоит дело и с женским политическим представительством. Наивно думать, что женщины принесут в органы власти какие-то специфические женские добродетели. Этого не произойдет, потому что таких добродетелей (как и таких пороков) не существует. Качество депутата и администратора определяется в первую очередь качеством института, в который он встроен, а во вторую (с большим отрывом) — его индивидуальными умственными способностями, образованием и нравственными свойствами. Никакого особого женского политического или административного поведения не существует.

Все разговоры о том, что женщины «склонны к компромиссам» и «менее конфликтны», — сексистские сказки, не подтверждаемые ни историей, ни современной практикой.

Поразительно, что эти разговоры ведут те же самые люди, которые одновременно говорят, что не хотели бы работать с начальником-женщиной, потому что с ней «трудно ужиться». И те же люди хорошо или плохо работают с любым начальником в зависимости от того, каковы его менеджерские способности, а не половая принадлежность.

Женщина-политик не будет «отстаивать интересы женщин», потому что таковые интересы могут быть интерпретированы как угодно — настолько неопределенно само это понятие. Те темы, которые считаются «женскими», — репродуктивные права, здравоохранение, школьное образование — в равной степени являются предметом внимания и мужчин-политиков. Кроме того, женщина — председатель Центробанка или глава парламентского комитета по безопасности — ими заниматься не будет,

а будет озабочена валютной политикой и обороной рубежей от вредных иностранцев (что вроде бы считается мужским делом).

При этом сам процесс постепенного увеличения процента женщин в органах власти — несомненный знак прогресса цивилизации. Чем объясняется это кажущееся противоречие? В политической системе значение имеют не личности, но институты — не события, но процессы. Парламент Руанды не станет работать эффективнее парламента Великобритании оттого, что процент женщин в нем выше.

Но тот факт, что в Руанде в парламенте оказалось некоторое количество женщин, говорит о том, что в этой стране, с трудом выползающей из последствий страшного геноцида, пытаются заработать базовые демократические механизмы. Неважно, насколько хорош и прекрасен тот или иной избранный кандидат, — важно, насколько законно он избран, насколько равный доступ к выборам имели все желающие в них поучаствовать.

Неважно, займет должность женщина или мужчина, блондин, брюнет или гражданин с избыточным весом, важно, чтобы все категории граждан имели равные права на занятие этой должности.

Поскольку женщины были поражены в правах еще совсем недавно, рост их представительства продолжает быть позитивной политической тенденцией — по этой причине. А не потому, что женщины как-то особо хороши сами по себе.

19.03.2015

ДЕМОГРАФИЯ ПРОТЕСТА

Внезапное появление большого количества молодых (и очень молодых) людей на акциях протеста 26 марта породило новую волну интереса к youth studies разного рода — от популярного жанра «мне рассказал один знакомый» или «а вот я давеча проходил мимо школы» до излюбленного орудия философствующего дурака — исторических параллелей (пока в чести 1968 год, но и вспомнившие хунвейбинов постепенно подтягиваются).

Прежде всего хотелось бы предостеречь от того, чтобы рассматривать протест 26 марта как некий «крестовый поход детей». Это явно не был выход на улицу школьников или студенческий бунт, как в Европе 1968 года. К сожалению, у нас нет никаких внятных данных даже о числе протестовавших, не говоря уж об их возрастном и социальном составе. Но судя по свидетельствам (фотографиям, видео, составе задержанных), которые мы имеем, это был в целом взрослый протест, в котором присутствовала значительная молодежная компонента. Она очень сильно привлекает внимание именно потому, что раньше этих людей не было на протестных акциях — или не было в таких количествах. Традиционно молодые люди мало ходят на митинги и совсем не ходят голосовать. Молодежь — это отсутствующая социологическая страта в нашем политическом процессе.

Что мы на самом деле знаем о наших соотечественниках моложе 25 лет? Прежде всего то, что их немного. Посмотрите на демографическую пи-

раמידу России-2016. Ниже возрастной страты 25–29 лет виден провал — это относительно малочисленное поколение, рожденное в первую половину 90-х. Следующая страта 15–19 еще меньше — продолжение низкой рождаемости второй половины 90-х — начала 2000-х. Начиная с 2002 года рождаемость постепенно растет, и в основании нашей пирамиды мы видим два приличного размера кирпичика — тех, кому сейчас 10 лет и меньше. Но их участие в политическом процессе еще впереди.

Медианный возраст гражданина России — 39 лет (а в 1917 году средний возраст жителя Петрограда был 19 лет). Мы достаточно пожилое и стареющее общество, с преобладанием женщин в каждой следующей по возрасту страте (это объясняется разницей в средней ожидаемой продолжительности жизни между полами — мужчины рано умирают, ярко выраженное гендерное неравенство начинается после 55 лет). Тем не менее, демографическая картина влияет на политические процессы, но не полностью определяет их (иначе страны с похожими пирамидами вели бы себя одинаково, но ничего подобного не происходит). Для стимуляции перемен не нужно ангажировать «большинство», которого с точки зрения политической вообще не существует (субъектностью и бытием в пространстве политического обладает не индивидуум, а структура, организация) — необходимо активное меньшинство, готовое на действие.

Не углубляясь сейчас в вопрос, действительно ли молодежь станет таким драйвером протестной активности, заметим лишь, что любое участие молодых и очень молодых людей в политической акции повышает ее ценность медийную и публичную (наша культура рассматривает «молодое» как

«хорошее» и «перспективное») и до определенной степени связывает руки репрессивному аппарату, поскольку «воевать с детьми» социально непрестижно и политически невыгодно.

Большинство исследований «поколения Z» делаются с маркетинговыми целями — чтобы понять, как продавать этим людям товары и услуги. Но политическую составляющую из них тоже можно извлечь. Недавнее исследование компании VALIDATA было проведено по заказу Сбербанка и ставило целью определить общие черты россиян от восьми до 25 лет методами фокус-групп, анализа социальных сетей и экспертных опросов. Аналогичное исследование было недавно опубликовано и американской компанией Sparks&Honey. Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора» РАНХиГС изучает сетевое поведение молодежи и подростков и проводит интервью на протестных акциях.

Полученные данные и по отдельности, и в сравнении в высшей степени поучительны. Из того, что удалось выяснить о российской молодежи, политически значимы несколько факторов: их хорошие (и высоко ценимые) социальные навыки, стремление к совместному действию и похвале, высокий статус нравственных ценностей («честности», «справедливости»), стремление к самовыражению и самореализации («быть собой», «сделать правильный выбор»), отсутствие конфликта поколений и теплые, доверительные отношения с родителями. При этом и дети, и родители считают окружающую действительность хаотичной и мало предсказуемой и не верят в долгосрочное планирование. У детей это выражается в отсутствии стремления к постоянной «на всю жизнь» профессии, у родителей — в не-

желании активно влиять на выбор детей, потому что они сами «не знают, как надо». И для детей, и для родителей семья — это первая ценность, создание семьи рассматривается как жизненный успех, более важный, чем построение карьеры или зарабатывание денег.

Что из этого следует? Отсутствие межпоколенческого напряжения — интересная особенность нового времени. Люди, которым сейчас 35 и больше, гораздо чаще имеют плохие отношения с родителями и находятся с ними в остром или вялотекущем конфликте. Если нынешняя молодежь и выходит на улицу, то выходит она не «против старших», а за них — дети и родители разделяют ценности обобщенно понимаемой «справедливости» (эта базовая русская добродетель иногда обозначает честность, иногда — равенство, а иногда — возмездие). Их возмущает одна и та же несправедливость, но реагируют они на нее по-разному — дети более активно, родители более пассивно.

Судя по тому, как высока ценность детей для родителей, они будут бояться за них, но не осуждать их и не отдавать на растерзание государственной машине. Обратите внимание, что популяризироваться будут именно единичные противоположные случаи (как было с историей Варвары Карауловой, которую, насколько можно понять, по правовой неграмотности сдал спецслужбам собственный отец): туманные высказывания типа: «Мы его ничему такому не учили» будут интерпретироваться СМИ как «родители отрекаются от своего ребенка». Это вписывается в общую картину «народа-гитлера», которая как навязывается всеми силами государственной пропаганды (поскольку воображаемое народное варварство есть лучшее оправдание для ограничения

гражданских прав), так и добровольно распространяется социальными медиа, ибо «ужасы нашего городка» — это кликбейт, и ничто так хорошо не продается в России, как русофобия.

С точки зрения политической очевидно, что молодые люди нуждаются в образе будущего, во внятных перспективах, в правилах игры, которые они воспримут как справедливые, и в социальных лифтах.

Они их сейчас не только не видят, об этом с ними даже никто не говорит. Они слышат вокруг себя бесконечное обсуждение различных сортов вчерашнего дня — советского, досоветского, 90-х, ранних путинских — и сравнительных достоинств разных покойников — Сталина, Брежнева, Грозного, Николая II. Легко представить, насколько молодого человека должно от этого тошнить (зато самые живые и остроумные исторические ресурсы в социальных сетях — Страдающее Средневековье и Личка императора — созданы студентами!)

25-летние и моложе — люди, выросшие и живущие в сети. Они не то чтобы не смотрят ТВ — они смотрят его иначе. Смотрят отдельные программы, находя их в YouTube. Для развлечения используют YouTube, для новостей и общения — социальные сети. Соответственно, ТВ-пропаганда идет мимо них. Даже если они слушают, они не понимают того, что им говорят, потому что весь строй нашей пропаганды рассчитан на советского человека. Целью ее является активация советских центров в мозгу. А если у вас нет этих центров в мозгу, если вам их не имплантировали при рождении, то это все будет проходить мимо вашей головы.

Еще одна недооцененная добродетель, объединяющая условное поколение детей и родителей — то, что при более здоровом политическом режиме можно было бы назвать законопослушностью, а в «политическом режиме курильщика» становится протестным инструментом. Это стремление соблюдать правила и желание, чтобы их соблюдали другие.

Обратите внимание, что ни протесты 2011–12 годов, ни события 26 марта 2017 года не были в полном смысле «стихийным выходом людей на улицу». Это всегда были акции с организаторами и повесткой, с попытками — успешными или безуспешными — получить разрешение, и без проявлений агрессии. Это не бунты и даже не протесты против существующего порядка вещей в целом — бывает протест типа «долой» и «аристократов на фонарь», но это не наш случай (по крайней мере, пока). Происходящее у нас описывается термином «легалистский протест», то есть протест в рамках закона, методами закона и против нарушения закона — выборных фальсификаций или коррупции. Люди требуют соблюдения закона, и, видимо, это ощущение дает им чувство собственной правоты, которое позволяет пренебрегать высокими рисками протеста.

Для людей моложе 25 крайне важно социальное взаимодействие и ощущение своей связи с другими людьми. Это поколение преодоленной советской социальной атомизации. Следовательно, на их последующее политическое поведение будет влиять то, почувствуют ли они связь с другими людьми и их поддержку (вспомним ожидание «похвалы за каждое действие») или одиночество и брошенность. Всех нас пугает разъединенность, но моло-

дым людям особенно важно не ощущать себя изгоями. Есть вероятность, что, если они осознают себя не маргиналами и отщепенцами, а частью сети, то будут продолжать свою социально-политическую активность — тем более, что, по имеющимся данным, у значительной части молодого поколения есть опыт волонтерской и благотворительной работы. По этому параметру видно сходство американского Gen Z и молодых россиян. А нравственно значимая совместная деятельность — лучшее лекарство от страха.

30.03.2017

БАБУШКИ РУЛЯТ

*Как демография в России
будет влиять на ее политику*

Исторические параллели — проклятие нашего времени, поскольку они мешают рациональному анализу социальных и политических процессов. Когда кто-то начинает говорить, что 2014 год — это тот же самый 1914-й или что какой-то политический режим стремится напрямик к новому нацизму, — значит пора прекращать слушать. То же самое лучше сделать, когда вам советуют почитать Достоевского, чтобы по-настоящему понять «русскую душу».

Пора перестать принимать всерьез шутку Карла Маркса: история не повторяется дважды — ни как трагедия, ни как фарс. Поскольку исторических фактов бессчетное множество, то поразительные сходства между событиями прошлых лет и сегодняшним днем основаны либо на магии чисел — 1914/2014, — либо на акцентировании одних явлений и игнорировании других.

Главный грех исторического параллелизма в том, что он отрицает развитие. Этот тип мышления оперирует средневековым понятием «колеса фортуны» — символа повторяемости и неизменности.

Тот тип мышления, который отрицает течение времени, фетишизирует пространство и считает географию неизбежным предопределением судьбы.

Люди, которых возмущает сравнение политических систем России и Венесуэлы, при этом рады сравнить современную Россию с Россией Ивана Грозного, Николая II или Сталина — эпохами, ко-

торые не имеют ничего общего с нашим временем ни экономически, ни культурно, ни социально.

Так как же быть с нынешней столетней годовщиной революции, уничтоживших Российскую империю, и модным поиском ключей к разгадке современной России? Чтобы распутать эти исторические параллели, имеет смысл исследовать базовый состав российского общества тогда и сейчас через анализ демографических тенденций — помня при этом, что демография влияет, но не определяет политические процессы.

Сравнивая демографические данные России 2016 года и российских территорий империи в 1917-м, мы видим два основных тренда, сформировавших XX век: старение населения и урбанизацию.

Средний возраст российского гражданина сегодня — 39 лет. В 1917 году средний возраст жителя Петрограда составлял 19 лет. В 1885 году в России насчитывалось 11,6 млн жителей городов, и за 30 лет — к 1914 году — эта цифра удвоилась и составила 23,2 млн. В 1940 году городское население СССР составляло уже 60,6 млн человек, а в 1956 году — 87 млн. То есть за 40 лет 54 млн человек переехали из деревни в город. К концу 1950-х городское население сравнялось с сельским.

Урбанизация была отличительной чертой эпохи, превратившей аграрные социумы в современные индустриальные. Мрачным сопровождением этого процесса стали мировые войны невиданного доселе размаха и свойства. В них соединилось стремление к геноциду в духе Чингисхана и новинки военной индустрии, способные уничтожить миллионы жизней. Молодые люди, которые хотели подняться по социальной лестнице, переехав из деревни в город, могли играть две роли: как двигателей прогресса, так

и шестеренок тоталитарных машин репрессий, как это было в России и Китае.

В современной российской демографической пирамиде видны впадины, которые повторяются каждые 20–25 лет. Это следы того кошмара, которым был для России XX век. Это прежде всего человеческие потери Второй мировой, но также и Гражданская война, коллективизация, многочисленные волны геноцида и организованного голода. Если сравнить современные демографические пирамиды бывших советских республик, вы увидите картину, похожую на российскую пирамиду, но с немного сглаженными краями.

Согласно Росстату, российской статистической службе, сегодня 74,4% россиян живут в городах. Сельская Россия, Россия крестьянства, стала достоянием фольклора.

Учитывая состояние транспорта и дорожной инфраструктуры, логично утверждать, что страна сегодня состоит из 15 городов и их агломераций, между которыми более или менее пустые пространства.

Но есть два исключения: сельскохозяйственные регионы юга России и национальные республики Северного Кавказа. Любопытно, что эти регионы также отличаются особой политической культурой и электоральным поведением, отличающимся от центральной и северной России, а также Сибири.

С точки зрения этнического состава, если мы сравним результаты переписи населения РСФСР (так Россия официально называлась в советские времена) 1991 года и последнюю перепись РФ 2010 года, то увидим постепенную консолидацию русского этноса. Нерусские иудео-христианские этнические группы численно снижаются или исчезают. Российских евреев, немцев, даже украинцев и бело-

русов стало гораздо меньше в 2010 году, чем в было 1991-м. Единственное исключение — армяне.

В то же время налицо заметный прирост этнических групп, которые можно обобщенно определить как мусульманские: азербайджанцев, татар, кавказских народов. Сильно огрубляя, можно сказать, что в современной России есть две группы населения неравного размера, при этом с разной демографической динамикой: это обобщенный русский и обобщенный исламский народы.

При этом важно помнить, что эти условные «народы» не являются ни «сообществами», ни даже «этническими группами»: между казанскими татарами и чеченцами мало общего, да и «русские» россияне чрезвычайно разнообразны.

Разумеется, эти статистические данные — легкая пища для разного рода политического катастрофизма. Они могут быть использованы в целях националистической пропаганды типа «Давайте провозгласим мононациональное государство, пока еще не поздно» или «Русские вымирают, а вместо них будут одни кавказцы».

На самом деле Россия никак особенно заметно не вымирает, уровень рождаемости остается умеренно низким, но сравнимым со средним уровнем других стран, схожих по экономическому развитию и социальной структуре.

Изучая демографическую пирамиду 2016 года, мы видим не просто старое, а стареющее население с возрастающим преобладанием женщин по мере продвижения вверх по возрастной шкале. Дело в различии средней ожидаемой продолжительности жизни между полами: мужчины умирают раньше, и, начиная с 55 лет, гендерное неравенство становится все более очевидным. Последние 15 лет про-

должительность жизни медленно росла. Тем не менее, согласно данным Росстата от 2016 года, средняя ожидаемая продолжительность жизни российских мужчин все еще шокирующе низкая — 66,5 года. Тот же показатель для российских женщин — почти пристойные 77 лет.

Настоящая демографическая проблема России — не низкая рождаемость, а ранняя смертность, особенно среди мужского населения.

Она практически полностью вызвана преодолемыми социальными причинами: это алкоголизм, ДТП, насильственные преступления, обширное тюремное население, а также излечимые заболевания, прежде всего сердечно-сосудистые.

В современной России нет и намека на явление, которое демографы называют «молодежный навес» — диспропорционально большая численность людей 15–25 лет в демографической пирамиде. Этот «молодежный навес» был очень заметен в демографической пирамиде Германии 1933 года, когда Гитлер был назначен канцлером. В России этот «бугор» был заметен, пусть и в более умеренной форме, в 1927 году.

Вместо этого сегодня мы видим то, что можно назвать «молодежным провалом»: группы населения моложе страты 25–29 лет явно малочисленны, что объясняется демографической ямой начала 90-х. Последующая страта 15–19-летних еще меньше. Это следствие низкой рождаемости второй половины 90-х и начала нулевых годов.

С 2002 года уровень рождаемости постепенно растет, и в основании нашей пирамиды мы видим два «кирпича» приличного размера — россияне 10-летнего возраста и младше. Их участие в политической жизни еще впереди.

Что означает такая демографическая картина для политического развития страны? Помня, что демография влияет, но не определяет политические процессы, представляется возможным выявить некоторые тенденции.

Женщины 45 лет и старше становятся преобладающей социальной группой в России, и это создает импульс для переключения политической повестки на социальные ценности — здравоохранение, образование, комфортная среда. Это заметно контрастирует с приоритетами официального бюджета, сфокусированного на безопасности, вооруженных силах и дорогостоящих внешнеполитических включениях.

Принимающая решения правящая бюрократия в России состоит преимущественно из мужчин в возрасте 60 лет и старше, происходящих из военных и правоохранительных структур и спецслужб. Их ценности и интересы вовсе не так, как им самим кажется, схожи с целями и интересами большинства российских граждан.

Демография — важный фактор, влияющий на вероятность авторитарного тренда. Плохая демография — не приговор, но вместе с тем «молодежный навес» коррелируется с предрасположенностью социума к насилию.

Когда большинству населения страны за 40, протесты с большей вероятностью будут мирными и легальными. В то же время стареющее население никак не влияет на риск военного переворота — другое проклятие полуавторитарных режимов без рабочего механизма передачи власти.

Пока молодые люди ходят на демонстрации, люди постарше идут на выборы. Голосуя, пожилое население дает властям необходимые результаты,

а также соглашается признавать эти результаты легитимными.

Последнее важно для политической системы, существенно зависящей от фальсификаций и использования «административного ресурса» в деле увеличения явки и достижения желаемых результатов голосования. Если молодые россияне не голосуют и не интересуются предвыборной кампанией и ее результатами, это размывает легитимность выборов, делая протестную активность более привлекательным вариантом.

Грядущая поколенческая яма, происходящая из-за сравнительно небольшого количества родившихся в 90-е и ранние нулевые, которые сейчас вступают в фертильный возраст, поддерживает необходимость замещать дефицит рабочей силы мигрантами. Это неизбежно сформирует основу для продолжающегося политического напряжения на следующие 15–20 лет.

В долгосрочной перспективе продолжается процесс ультраурбанизации, которая приближает Россию к вышеописанной картине «15 больших городов с пустотой между ними». Эти города — Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж и Волгоград. Их догоняют также Краснодар, Саратов и Тюмень.

Города индустриальной Сибири — Тюмень, Красноярск, Томск, Новосибирск — и города юга России и Северного Кавказа — Махачкала, Краснодар, Ростов-на-Дону — показывают самый стабильный рост населения в последние годы как за счет роста рождаемости, так и миграции.

Эти 15–18 городов и прилегающие территории, обслуживающие их, неизбежно будут бороться за то,

чтобы быть и источниками, и центрами политической власти. Это прямо противоречит сложившейся политической системе, в которой почти полностью отменены прямые выборы мэров, разрушены права и финансовая независимость муниципалитетов и которая борется за поддержание хотя бы видимости «вертикали власти», опирающейся всей своей тяжестью на региональные власти. Тех, в свою очередь, держит под контролем централизованная бюджетная система и угроза уголовного преследования.

Изменчивая демографическая динамика и уровень миграции вместе усилят различия в национальном составе между разными регионами России, а также между малыми городами и мегаполисами. Центральные русские территории становятся все более этнически русскими (причем местные города демонстрируют спад населения), в то время как большие города представляют знакомую всему миру картину национального и религиозного разнообразия.

По сравнению с Нью-Йорком или Лондоном даже Москва пока выглядит как почти мононациональный и однозначно монорасовый город.

Но эта ситуация будет меняться в ближайшие десятилетия. Уже сегодня тот факт, что мэр Москвы родом с Крайнего Севера, а его заместитель — из Татарстана, является причиной для определенного политического недовольства. А в будущем мы увидим людей из Казахстана, Киргизии и других частей Центральной Азии, которые будут стремиться строить административную и политическую карьеру в Москве.

Сегодняшнее социальное напряжение часто вызвано недоверием среднего россиянина как к гастарбайтерам в городах, так и к представителям нерус-

ского населения, работающим в администрациях, судах и полиции.

В обозримом будущем описанные этнические сдвиги повысят это напряжение до опасных уровней, если только оно не будет поглощено и кооптировано работающими политическими институтами, осмысленной публичной политикой и плюралистическими СМИ — а не обострено и эксплуатировано близорукой пропагандой государственных медиа, а также монополистической правящей элитой, которая противостоит попыткам молодых поколений, стремящихся к власти, прийти ей на смену.

09.08.2017

РЕЙТИНГ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: ГДЕ Я НЕ БУДУ НИКОГДА

Однажды рыбаки на острове Кос вытащили из моря великолепный золотой треножник. Оракул велел отдать его самому мудрому человеку в Греции. Его отнесли Фалесу. Фалес сказал: «Я не самый мудрый» — и отослал треножник Бианту в Приену. Биант переслал его Питтаку, Питтак — Клеобулу, Клеобул — Периандру, Периандр — Хилону, Хилон — Солону, Солон — обратно Фалесу. Тогда Фалес отослал его в Дельфы с надписью: «Аполлону посвящает этот треножник Фалес, дважды признанный мудрейшим среди эллинов».

Так был создан первый рейтинг влиятельных публичных интеллектуалов.

Что интересно, он обладал всеми признаками тех рейтингов, которые вывешиваются к концу года авторитетнейшими изданиями современного мира: участник должен быть жив, активен в своей специфической сфере деятельности и при этом иметь влияние за пределами этой сферы — то есть быть известен кому-то, кроме своих непосредственных коллег. Принцип отбора тоже являет сочетание двух механизмов, применяемых в рейтингах такого рода сейчас: опрос широких масс (простые косские рыбаки) и *peer review*, мнение равных (другие греческие мудрецы).

Первые сетевые

Первый заметный рейтинг интеллектуалов новой интернет-эпохи, когда сбор и анализ информации стал таким удобным, а соблазн спросить публику, что она-то думает, — непреодолимым, был создан британским журналом *Prospect* в 2004 году. Список претендентов редакция составляла сама (как водится, «консультируясь с широким кругом экспертов» *etc.*), а читатели должны были присылать голоса поддержки по электронной почте.

Успех британского рейтинга (или зависть) уже в 2005 году сподвиг американский журнал *Foreign Policy* (который у нас любят воспринимать как прямой голос Вашингтонского обкома — может, и не без основания) на составление совместного с *Prospect* рейтинга *Top 100 Global Thinkers*.

При этом *Prospect* продолжает с тех пор делать свой отдельный британский рейтинг, но *FP Top 100 Global Thinkers* считается главным в мире упражнением в жанре ранжирования значимых интеллектуалов по росту, весу и индексу цитирования.

Вопросы методологии

В 2004-м, когда журнал *Prospect* выпустил свой первый рейтинг, еще было ощущение, что доступ в интернет и способность написать письмо по электронной почте сами по себе составляют некую форму ценза — так что о степени интеллектуальности интеллектуалов судят люди, не совсем уж неграмотные.

При этом с накрутками в их первоначальной наивной форме — посылкой нескольких писем

в поддержку определенной кандидатуры с одного и того же адреса — пришлось столкнуться уже в 2004 году. Первые «набросы» принадлежали к тому разряду, который по-русски можно было бы назвать «случаем Дани Шаповалова». Это невинное сетевое баловство, имеющее целью не столько прославить конкретного кандидата, сколько явить карнавальную сущность сетевой жизни на скучном взрослом мероприятии. Тут актором выступает не какая-то группа в интернете, а, если можно так выразиться, сам интернет в вечной своей неутомимой юности. Похожий кейс — вопросы о гигантских человекоподобных роботах и пробуждении Ктулху, поступившие от русскоязычных интернет-пользователей к конференции Владимира Путина в 2006 году.

По итогам борьбы с хулиганствующими массами в 2005 году список *FP-Prospect* уже составлялся по методу, употребляемому сейчас Кольтой: мы вам 100 имен, отобранных редакцией, а вы за них голосуете, а также можете добавлять тех, кого, по вашему мнению, обошли.

А в 2008 году с рейтингом глобальных мыслителей *FP* случилась история, теплой радостью узнавания отзывающаяся в сердце каждого россиянина.

В начале мая 2008 года популярная турецкая ежедневная газета «Заман» опубликовала на первой полосе познавательную статью о том, что есть на свете такой глобальный рейтинг мировых мыслителей. Газета связана с группой последователей турецкого религиозного философа Фетхуллаха Гюлена. Мусульманская община, имеющая доступ к интернету, решила заявить о себе — в результате в рейтинге 2008 года первые 10 (!) позиций

оказались заняты различными исламскими проповедниками, религиозными деятелями и писателями. На 11-м месте недоуменно стоял Ноам Хомски — № 1 2005 года. Редакция предупредила удивительные итоги смущенным разъяснением, но вмешиваться в результаты прямой демократии не стала.

С тех пор *FP* предпочитает выбирать финалистов самостоятельно, без интернет-голосований.

Появление 10 исламских мудрецов в рейтинге 2008 года относится к принципиально новому по сравнению с первобытным сетевым хулиганством разряду явлений. Некая многочисленная, единая в своих стремлениях группа, считающая себя (не без оснований) несправедливо вытесненной из поля общественного внимания — и не просто общественного внимания, а внимания Больших Белых Людей, — массово голосует с целью быть замеченной. Эту группу не волнуют символическая нагрузка выборов, понятие публичной интеллектуальности, авторитетность и самый смысл того соревнования, в котором она участвует. Будь ли это конкурс по сбору фантиков или борьба за звание самого высокого здания в мире — группа хочет победить, просто чтобы заявить о себе. Нас много, мы едины, мы вас всех завалим своими эсэмэсками, мы победим в любом забеге, нам неважно, куда бежать

Как писал в свое время Виктор Олегович Пелевин, «*message* очевиден даже идиоту».

Немецкий путь

Чтобы избежать, с одной стороны, волюнтаризма «выбора редакции», а с другой, эксцессов

волеизъявления зрительской массы, немецкий политический журнал *Cicero*, каждые пять лет публикующий рейтинг национальных 500 мыслителей, передоверил всю процедуру интернет-эксперту из Берлина Максу Хёферу. Он опирается как на индекс цитирования имен в ведущих 83 журналах и газетах и в блогосфере, так и на данные библиографического института «Мунцигер-Архив», занимающегося по своим методикам тем же самым. В результате двойной дистилляции дважды лидером предсказуемо становился Гюнтер Грасс, регулярно ворошащий немецкую общественность размышлениями о войне. Его смог потеснить только папа римский Бенедикт XVI (Йозеф Ратцингер), но лишь на время своего пребывания на должности. Корректность подсчета настолько точна и ожидаема, что в некотором роде лишает индекс «Цицерона» какого бы то ни было саспенса. Если результаты основаны на объективных данных, велика вероятность, что их легко будет предсказать и безо всяких данных.

Не стоит село без интеллектуала

Сам термин «публичный интеллектуал» на русский слух звучит несколько смешно. Русские люди вообще считают себя авторами непереводаемого ни на какой язык термина *intelligentsia*, при попытке выработать дефиницию которого между любыми двумя русскими людьми случаются столкновения на межнациональной почве. На самом деле интеллектуалов как социальный слой понимают в любой постэллинистической культуре — со всеми теми же нравственными отягощениями, социальными обязанностями и смутно вмененной оппозиционно-

стью вкупе с долгом принимать участие в государственных делах, хотя бы в качестве критика.

Следует, однако, отметить разницу в подходе к этой самой больной совести нации в континентальной и американской традициях.

Американский общественно значимый умственный работник — он же глобальный мыслитель (*global thinker*), он же влиятельный интеллеktуал (*intellectual influencer*) — скорее деятель. От него ожидается, что он будет возглавлять какую-нибудь общественную организацию или движение, выступать в парламенте или на площади и вообще стремиться проводить свои идеи в жизнь. Специфический вид крайне почитаемого американского мыслящего активиста — *whistleblower*, разоблачитель. *Whistleblower* — антипод стукача. Если последний доносит государству (влиятельной организации) на гражданина, то разоблачитель открывает грехи государства (организованной структуры) обществу. Таковы были авторы Уотергейта — одного из нациеобразующих, как нынче выражаются, эпизодов современной американской истории. В чистом виде к этому типу относится Эдвард Сноуден. Но еще в 2002 году журнал *Time* назвал коллективным человеком года трех «сигнальщиц», раскрывших публике махинации компаний *Enron* и *WorldCom*. Третьей героиней, кстати, была агент ФБР из Миннеаполиса, которая едва не арестовала одного из участников теракта 11 сентября за три недели до 11 сентября, но начальство не дало ей разрешения обыскать его компьютер.

Континентальный же властитель дум обязан писать стихи или романы, а лучше и то и другое вместе. Россия традиционно принадлежит к континентальной традиции. Мы — нация литературоцен-

трическая, писатели у нас трудятся общенародными святыми, как и во Франции и Германии.

Британский подход можно назвать промежуточным между континентальным почитанием художественного слова и американским уважением к гражданскому активизму. Герой английского народа — тот, кого по-русски можно было бы назвать просветителем. Это ученый-популяризатор, одновременно совершающий ценные научные открытия и спасающий сограждан от тьмы невежества. Он пишет научно-популярные книжки и выступает с лекциями. Если русский публичный интеллект укоряет ближнего в первую очередь в безнравственности разных модификаций, то британский — в суеверии, интеллектуальной лени и преданности предрассуждениям. Идеальный пример попадания в образ — Ричард Докинз, британский интеллект № 1 2004 года, он же — 2013-го (постоянство завидное!). Британский список влиятельных мыслителей 2004 г. радует русский глаз обилием пишущей публики — беллетристов, эссеистов и иных авторов, работающих на грани *fiction* и *non-fiction*. Но к 2013 году можно заметить уменьшение доли литераторов за счет прибавления общественных деятелей, в чем можно при желании увидеть конвергенцию с американской парадигмой, а можно — мировой рост общественной активности как таковой.

2013-й: мыслители и деятели

Рейтинг *FP*, самый известный на данный момент, можно назвать не столь интеллектуальным, сколь политизированным. В 2013 году редакция честно предуведомляет читателя, что список участ-

ников они составляют сами на основании собственных результатов анализа большого объема международной прессы за год. Следов прямой демократии в виде читательских голосований в формировании списка уже не видно.

В том, что американцы, известные изоляционисты, внешним миром мало интересующиеся и надписать страны на карте Европы неспособные, предпочитают составлять рейтинг мировых мыслителей, а не своих собственных, можно при желании усмотреть признак претензий на статус сверхдержавы. А можно — признание того факта, что с автохтонными интеллектуалами в США не очень. Правда, второй версии противоречит то, что в среднем 40% участников рейтинга родились в США и Канаде, 25% — в Европе, 22% — на Среднем и Ближнем Востоке.

В 2013 году, понимая натяжение между двумя частями термина — влиятельностью и интеллектуальностью, составители разделили номинантов на группы по роду занятий. Это новация — в 2012 году и всех предыдущих мыслители шли единым списком, безо всяких подразделений. Новый метод позволяет уйти от присуждения призовых мест и показать более толерантную картину интеллектуального разнообразия, где мыслящий агнец возлежит рядом с деятельным львом.

Проблема понятна всякому, кто читал комментарии к любым попыткам ранжирования российских общественных мыслителей. Средний культурный читатель склонен понимать термин «интеллектуал» как «хороший, умный человек, вроде меня», а «влиятельный» — «какая-то сволочь из телевизора». Совмещение этих двух понятий вызывает некоторый слом в голове, плодом чего являются мнения типа

«тоже мне интеллектуалы, вы только поглядите на это чучело» (см. ниже случай с мексиканским президентом) или «интеллектуалы у нас вообще не влиятельны» (а кто ж тогда наговорил все эти слова, среди которых мы живем?).

В рейтинге 2013 года выделены следующие группы: руководители (*decision-makers*), борцы (*challengers*), экологи (*naturals*), инноваторы (*innovators*), правозащитники (*advocates*), летописцы (*chroniclers*), целители (*healers*), художники (*artists*), магнаты (*moguls*). И отдельная группа — государственный надзор (*surveillance state*): Эдвард Сноуден и его друзья в количестве семи человек (так сказать, коллективный Сноуден). В той же группе, отдавая должное объективности составителей, — и Кейт Александер, директор NSA.

Всего в списке 2013 года 134 человека — в положенные рамки 100 кандидатур мыслящее человечество не уместилось.

Читатель ждет уж рифмы «Путин»? Есть там Путин вместе с Лавровым — в полагающемся им разделе десижнмейкеров, за «восстановление России в качестве глобальной державы». Подразумеваются участие в разрешении сирийской дилеммы, тегеранские переговоры и предоставление убежища Эдварду Сноудену — который, видимо, является в этом году глобальным мыслителем № 1 по мысли FP (хотя благодаря отсутствию единого списка и разделению всех мыслителей на группы формального первого места в этом году никому не присуждается).

При этом Обамы в списке 2013 года нет — Америку представляет Джон Керри («за предоставление шансов миру на Ближнем Востоке»).

Судя по странице *Foreign Policy* в Фейсбуке, из всей политической части списка максимальное

возмущение публики вызвал не присутствующий Путин или отсутствующий Обама, а почему-то мексиканский президент Энрике Пенья Ньето («за то, что дал встряску полумертвым мексиканским институтам» — что бы это ни значило). Возмущение мексиканских (судя по именам и типу английского языка) пользователей выглядит очень знакомо для читателя комментариев под рейтингом Кольты: да какой он мыслитель, он в жизни ни одной книжки не прочитал. Национальная интеллигенция авторитарных стран склонна рассматривать всякое позитивное упоминание правителя как личное оскорбление. Надо признать, основания у этой позиции есть, даже если в конкретном случае возмущение несколько не к месту — премируют Ньето (как и Путина с Лавровым) не за прочитанные книжки, а за достижения на основном месте работы.

В разделе «Борцы» имеются двое русских: Тамара Морщакова («за то, что настояла на своем против Кремля») и Алексей Навальный («за вызов, брошенный черному сердцу российского государства» — поэтично как!). В разделе «Защитники» — коллективный приз двум ЛГБТ-активистам: умершему этой осенью Алексею Давыдову и председателю Российской ЛГБТ-сети Игорю Кочеткову «за сражение с российской гомофобией, поддерживаемой государством».

Увы, ни изобретателей, ни художников, ни борцов с бедностью и болезнями среди русских не нашлось. Как общественная, так и интеллектуальная жизнь в России — это «государство и его враги», казаки и присущие им разбойники, начальники и их оппоненты. Россия — это по-прежнему только государство Российское; служишь ли ты ему или бо-

решься с ним, оно продолжает быть центром твоей вселенной. По крайней мере, так думает мир Больших Белых Людей в лице журналов *Foreign Policy Prospect*. Видеть это довольно обидно русскому читателю, для которого в «черном сердце государства» — даже не коррупция, а разобщение и бесчеловечность, а заслуга Навального — не в разоблачении незаконных дач, а в создании горизонтальной сетевой структуры, дающей людям шанс на осмысленную совместную деятельность.

17.12.2013

БУДУЩЕЕ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Думский комитет по труду и социальной политике в лице его председателя Андрея Исаева выразил 7 октября готовность обсудить предложения Международной организации труда (МОТ) по переходу на четырехдневную рабочую неделю. Правда, быстро выяснилось, что никакого предложения МОТ не было, а был пост в блоге организации, написанный Джоном Мессенджером, экспертом по вопросам рабочего времени. Текст с тех пор с сайта МОТ удалили, но Google помнит все. Так что мы можем узнать, какие именно пять причин должны побудить нас ввести четырехдневную рабочую неделю или сократить общее рабочее время до 36 часов.

Во-первых, много работать вредно для здоровья. Во-вторых, сокращение рабочих часов увеличит количество рабочих мест: где раньше работал один, будут двое. В-третьих, чем меньше мы работаем, тем производительнее оставшиеся часы. В-четвертых, сокращение рабочего времени сокращает и нагрузку на окружающую среду: меньше расход энергии и выбросы углекислого газа в атмосферу. В-пятых, сокращение времени, проводимого на работе, ведет к улучшению семейной жизни и росту субъективного ощущения счастья.

Со всеми этими тезисами можно спорить. Четвертый тезис противоречит второму, а пятый и первый повторяют друг друга. Но ясно, что автор приводит нарочито сентиментальные аргументы, призванные дойти до сердца гуманной западной публики, дабы не сказать суровую постколониаль-

ную правду: в условиях, когда промышленное производство и сельское хозяйство механизированы или перенесены в третий мир, в первом мире возникает проблема лишних рабочих рук. И возникает она не по предсказанию Мальтуса — больше ртов, чем еды, — а совершенно обратным образом. Чтобы быть хорошим гражданином, в новом мире нужно не производить (этим ты только увеличиваешь нагрузку на природу), а потреблять (тогда ты гонишь кровь по жилам экономики и способствуешь росту всеобщего счастья). При этом потребляющие граждане должны быть заняты, довольны и чувствовать себя достойными членами общества, а не дармоедами. Вот бы им и перейти на четырехдневную рабочую неделю, а в остальное время заниматься пилатесом, йогой и самосовершенствованием.

О грядущей *post-work*, она же *post-scarcity* эсопому — экономике с минимизированным участием человеческого труда, преодолевшей проблему дефицита товаров силами технического прогресса, — уже многое написано. Футурология — опасный жанр: в прогнозировании всегда будет элемент шарлатанства. Тем не менее и экономическая, и политическая наука пытается понять, как может выглядеть общество в условиях этого нежданно надвигающегося коммунизма, где, по Чехову, «все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно».

Просторы для научного и околонучного фантазирования открываются очень большие: тут и возможная деурбанизация (те, кому не нужно ходить каждый день на работу, покидают неволю душных городов ради комфортной жизни в сабурбии), и новая социальность (постмассовое общество отказывается от общенациональных идеологизированных

партий в пользу локальных объединений «по делу»), и новая война (в которой, как рассказывает в недавней лекции бывший член британского парламента лорд Роберт Скидельский, роботы убивают людей, а потом роботы убивают роботов). Можно вообразить мир под властью бессмертных старцев с заменяемыми органами или попытаться представить последствия всего этого для государственных институтов — все интересно.

Где же мы на этом празднике жизни? Историческое время течет для всех, и на свой манер Россия тоже столкнулась в уходящем нефтяном десятилетии с ситуацией, когда деньги доставались почти даром. Как мы распорядились этим историческим подарком, более-менее понятно: государство решило, что все добро от природных ресурсов, а гражданам только под ногами путаются, и отстранило их от политической жизни и участия в принятии решений. Проблема скрытой безработицы остроумно решалась путем чудовищного увеличения, во-первых, числа чиновников, во-вторых, работников, необходимых для обороны от чиновников и исполнения функций, которые не исполняет государство (охранники вместо полиции, корпоративные юристы вместо независимых судей, бухгалтеры вместо налоговой службы). Следовать путем технического прогресса мы посчитали излишним — зачем что-то изобретать, когда можно дорого продавать непеработанные углеводороды.

Комментируя идею с четырехдневной рабочей неделей, вице-премьер Ольга Голодец резонно заметила, что для России это недостижимая мечта, поскольку у нас слишком низкая производительность труда. А еще у нас крайне высокая административная нагрузка на экономику, доля госрасходов и вес

государственных и псевдочастных (а по сути — государственных) инфраструктурных проектов. При этом граждане в России, как и в Европе, не очень хотят работать на производстве или в сельском хозяйстве, предпочитая офисы и госслужбу.

Как эта схема будет работать по окончании периода легких денег? Если вслед за футурологией впасть разом в два следующих по тяжести интеллектуальных греха — конспирологию и геополитику, то можно подумать, что какие-то злокозненные Ротшильды Рокфеллеровичи начали активно стлавить в архаику тех, кого не хотят пускать в светлое будущее. Им предлагается повоевать с соседом за кусок земли, начать резать друг друга на религиозной почве, глубоко задуматься, не обидел ли их кто в историческом прошлом, или любым другим способом воткнуть себе в нужное место духовную скрепу. Далее любители антиутопий могут вообразить охраняемую дронами-беспилотниками невидимую стену между миром изобилия, где вышеупомянутые долгожители предаются культурному досугу, и миром традиционных ценностей, где актуальные исторические и нравственные вопросы решаются посредством взрывчатки и ножа.

10.10.2014

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВА БУДУЩЕГО

*О наступлении
эпохи постэтатизма*

На рынке предсказаний будущего государства сейчас лучше всего представлены два направления мысли. Есть представление о грядущем государстве-сервисе, которое соединяет производителя и потребителя услуги, а само при этом минимизируется или автоматизируется едва ли не полностью. Это сетевое государство, государство-Uber, не «вертикаль власти», а координатор горизонтальных структур гражданского самоуправления и самообслуживания. В этом сценарии либертарианской мечты за государством остаются только функции легитимного насилия (охрана границ, армия, полиция, пенитенциарная система) — хотя и тут фронтальные армии и линейные войны оказываются заменены частными военными компаниями — операторами дронов и беспилотников и гибридными конфликтами, в которых главное — не прямое насилие, а пропаганда и медиаэффект. Даже фискальные функции максимально приближаются к земле — к конкретному налогоплательщику, он же потребитель госуслуги.

В таком взгляде есть резон: новые технологии способны сильно индивидуализировать гражданское бытие как посредством возвращения элементов прямой демократии (перманентный референдум через сетевые ресурсы), так и техническими средства-

ми. Например, истинной «властной вертикалью» больших городов является труба центрального отопления. Если тепло и энергию в каждый дом будет поставлять индивидуальный источник энергии, это изменит и систему городского управления, и гражданское сознание.

Другой популярный сценарий выглядит направленным прямо в противоположную сторону, но, возможно, не так уж сильно отличается от первого, а вписывается в него (или поглощает его — в зависимости от точки зрения). Речь идет о так называемом «новом социализме» — порядке, при котором граждане развитых стран получают прямой денежный доход за сам факт своего гражданства. Заинтересовавшая многих россиян новость из Финляндии — правительство решило выплачивать каждому гражданину 550 евро в месяц — пока представляет собой на самом деле вариант знакомой нам монетизации льгот: замены социальных гарантий денежными выплатами. Референдум по аналогичному предложению состоится в июне 2016 г. в Швейцарии: предлагается выплачивать каждому жителю страны, включая несовершеннолетних, гражданский доход «на уровне человеческого достоинства». С января этого года «безусловный основной доход» начали получать жители голландского города Утрехта.

Обращают на себя внимание участившиеся в последнее время публикации социологических и политологических исследований, доказывающих, что старый трюизм насчет рыбы и удочки неверен: наилучшие результаты в борьбе с бедностью показывают не социальные программы (требующие дорогого и многочисленного аппарата учета и контроля), а прямая раздача денег домохозяйствам. Обь-

ясняется это обычно гуманистическими аргументами: богатые считали, что бедные бедны из-за своей собственной лени и порочности, потому обставляли получение помощи сложными и унижительными условиями, полагая, что иначе реципиенты все пропьют и прогуляют. А оказалось, что бедные бедны потому, что их несправедливо исключили из глобальной системы распределения благ, и если просто дать им денег, то потратят они их как все нормальные люди — на дополнительную еду и на вещи для детей.

Но если оставить в стороне моральные соображения, становится видно, к чему сводится эта политика: к прямой стимуляции потребительского спроса. Автоматизация и роботизация производства, повышение его эффективности и производительности труда одновременно сделают общества первого мира более богатыми и уничтожат миллионы рабочих мест. В экономике постдефицита (*post-scarcity economy*) первым долгом гражданина становится не производство, а потребление — участие в консюмеристской цепи, запускающей движение крови по сосудам экономики. Она и есть та «общественная система распределения», из которой принудительно исключены бедные. Именно об этом говорил недавно один из самых успешных инвесторов в мире Рэй Далио, глава Bridgewater, рассуждая о «вертолетных деньгах» — прямых выплатах домохозяйствам как инструменте стимулирования спроса.

Для России это звучит, с одной стороны, как сказки о коммунистическом будущем, где «от каждого по способностям, каждому по потребностям», с другой — подозрительно знакомо. В некотором роде мы уже показали всей планете, как выглядит

государство — распределитель ренты (только не высокотехнологической, а сырьевой), правящее армией пенсионеров, бюджетников и псевдозанятых — работников многочисленных инспекций, контрольных, проверяющих и специальных служб. В этой системе первая добродетель гражданина тоже никак не высокая производительность труда — его труд никому не нужен, — а лояльность, выражающаяся в пассивности. Закат эпохи углеводородов принудительно изгоняет Россию из радужного нефтяного рая в реальность, где ножки протягивают по одежке, а не наоборот. Не успела ли она показать, как не раз в истории уже было, бюрократизирующейся и одержимой традиционными левыми симпатиями Европе, «как не надо»?

Интересно, что в обоих сценариях становится видно, что централизованное государство растворяется, уступая, с одной стороны, системе все более и более мелкого местного самоуправления, с другой — наднациональным образованиям, экономическим и политическим межгосударственным союзам. Это больше всего напоминает ситуацию зрелого Средневековья до наступления эры абсолютизма: вольные города, мелкие княжества и графства в составе структур вроде Священной Римской империи (глава которой избирался) или Ганзейского союза, а над всем этим — объединяющее представление о Christendom, крещеном мире (со сходной идеей, что его ценности надо прозелитически распространять среди пока еще не просвещенных народов).

Интересная повторяющаяся деталь в любых прогнозируемых сценариях: признаком будущего все чаще оказывается повторение средневековых практик на новом техническом уровне. Культ руч-

ного труда, мейкерство и ремесленничество, работа из дома (компьютер как новая прялка), саморегулируемые организации — новые цеха и даже новые частно-государственные сервисы, подозрительно напоминающие старые добрые откупы (возможно, российский проклинаемый всеми «Платон» потом покажется непонятым предвестником новой эры). С другой стороны, все, что напоминает о «большом государстве» XIX–XX в., оказывается ведущим к отсталости и проигрышу в глобальном соревновании: большие армии, финансируемые государством производства, иерархическая бюрократия и унитаризм.

Мы не до конца отдаем себе отчет, до какой степени наши недекларируемые, но подразумеваемые представления о государстве и гражданском бытии сформированы эпохой абсолютизма. Идеи националистического патриотизма, мечты о просвещенной монархии (выступающей в наше время под псевдонимом «авторитарной модернизации»), ассоциирование централизации и эффективности, зачарованность масштабом — все это этика и эстетика абсолютистских европейских монархий и их наследниц — национальных промышленных держав.

Поэтому все сценарии среднесрочного будущего можно прочесть как единый сценарий перехода в эпоху постэтатизма. Будет ли новое государство невидимым, или всепроникающим, или и тем и другим одновременно? Ведь понятно, что тотальная транспарентность, электронный документооборот, все вариации на тему «открытого правительства» и пресловутый «Большой брат», всевидящее око государства, — это на самом деле одно и то же. Государство будущего станет прозрачным — но и гражд-

данин будущего станет абсолютно пронцаем. Каждый миг его жизни будет запечатлен многочисленными службами видеонаблюдения, но и описан им же самим совершенно добровольно на страницах социальных сетей — новых аренах гражданского бытия, где, возможно, мы вскоре будем и баллотироваться, и голосовать, и заявлять протесты, и потреблять госуслуги.

23.02.2016

ЗОМБИ- ГОСУДАРСТВЕННИК

Для меня зомби-идеи — это не совсем заблуждения. В них есть элементы заблуждения, но речь идет о комплексе понятий, представлений и ценностей, которые были когда-то живыми и которые сейчас продолжают вести псевдожизнь. В этом и заключается их опасность.

Мы часто слышим, что от государства исходят порядок, просвещение и прогресс. Народ является темной массой, которая, с одной стороны, получатель этого просвещения, а с другой стороны — источник постоянной опасности, который государство должно держать в рамках. Если немного дать слабину, то начинается безобразия. Этот клубок представлений можно разделить на два основных направления.

Первое — это представление о благе, исходящем от государства. В наше время это направление представлено в основном авторитарной модернизацией — реформами, проводимыми сверху. Есть хаос, и есть реформатор, наделенный властью, который прорубает топором окно в порядок, строит дороги, проводит электричество. Как принято говорить, он причиняет добро. Чтобы он мог успешно осуществлять функции культурного героя, ему нужно не мешать, не связывать системой сдержек и противовесов. Тогда он максимально успешно нанесет свое «благо с топором».

Эти представления распространены и в наши дни. К несчастью, они популярны именно в тех странах, где приносят наибольший вред. Если мы

мечтаем о радикальных реформах, то осознаём, что дела у нас идут не очень хорошо. Одновременно мы хотим, чтобы преобразования осуществил кто-то без нашего участия, а за это мы готовы делегировать ему свои права и свободы. Этот стереотип живет благодаря историческим примерам. Его основа уходит корнями в эпоху просвещенного абсолютизма. Этот период воспринимался многими современниками и особенно потомками как золотой век. Век условного Людовика XIV— победителя Фронды, спасшего Францию от развала. Все всегда спасают свою страну от развала. Пришел просвещенный монарх и всех победил. Он же и просветитель, он же и «король-солнце», покровитель искусств и наук. На него пытались ориентироваться и другие европейские монархи. Во времена просвещенного абсолютизма концентрация власти давала возможность странам, в которых она осуществлялась, сделать очень большой шаг вперед.

Вторая волна популярности идей авторитарной модернизации пришла на XX век. Тут все уже более мрачно. Все тоталитарные проекты XX века были модернизационными и прогрессистскими. Все они поклонялись индустрии, промышленности, науке (в той степени, в какой они ее понимали и в какой степени она отвечала их интересам). Все они выступали за быстрый прогресс, ради которого мы сейчас должны принести некоторые жертвы, ограничить свои свободы, избавиться от тех, кто нам мешает: лишних классов, лишних наций, больных, ущербных, неправильных людей.

Тоталитарные проекты наследовали футуристическим и авангардистским движениям в искусстве. Именно поэтому идеи крайней левизны или край-

ней правизны в своем государственнымическом исполнении завлекали души многих культурных, образованных и талантливых людей: все хотят попасть в будущее, особенно если оно светлое.

Это был второй сеанс государственнымического прогрессизма.

Казалось бы, опыты первой половины XX века должны были положить конец идее, что мощное и не связанное демократическими издержками и противовесами государство всех приведет к немедленному счастью. Но нет! Идея реформаторства с авторитарной компонентой пережила страшные опыты первой половины XX века и даже обрела новых последователей.

Из примеров успешной авторитарной модернизации обычно называют Чили при Пиночете и Сингапур при Ли Куан Ю.

Первый был кумиром реформаторов 1990-х. Но слава Пиночета померкла, потому что методы были слишком радикальными. Когда об этом стало известно, вспоминать чилийского диктатора стали гораздо реже.

Второй пример — Сингапур. Он чуть менее радикален. В этой стране была выстроена система, которая и сейчас сохраняет авторитарные черты. Там есть многопартийные выборы, но на самом деле несколько десятков лет одна партия получает подавляющее большинство в парламенте. Сингапур также унаследовал от викторианской Англии чрезвычайно жестокое уголовное законодательство.

Пример Ли Куан Ю хорош тем, что из него обычно цитируют такие безобидные и греющие сердце русского человека фразы, как «Посади десять своих ближайших друзей и дальше уже начинай ре-

формы». Это, конечно, приятно слышать. Но в чем здесь ловушка?

Проблема с авторитарной модернизацией двоякая. Первая — трудности с перенесением этого опыта на другие страны. На одного Ли Куан Ю приходится несколько десятков Мобуту. Мобуту — это африканский диктатор. Все хотят быть диктаторами, но никто не хочет проводить реформы. Тем более мало кому удастся проводить успешные реформы.

Мы чрезвычайно сильно рискуем, отдавая в руки предполагаемому реформатору демократические права и свободы. Может быть, он окажется великим отцом экономического чуда. Но гораздо выше вероятность, что он окажется диктатором, наживающимся за счет подведомственного ему населения.

Вторая проблема более глобальная. Модернизационные проекты XX века имели дело со специфической волной индустриализации. Ее иногда называют третьей, имея в виду, что сейчас появляется четвертая. Тогда речь шла о создании больших промышленных комплексов и о возникновении массовых обществ, то есть городов и социумов, концентрирующихся вокруг этих производств.

Такого рода скачок действительно можно совершить насильственными методами. И в этом соревновании авторитарное или тоталитарное государство во многом проявляет себя успешно.

Мы помним, что в течение первых и многих последующих пятилеток Советский Союз по темпам роста опережал развитые страны Запада. Потом начинается отставание, а затем торможение. Авторитарная или тоталитарная модернизация натывается на свои ограничители. Они очевидны — это отсутствие конкуренции, которая порождается только свободой.

Даже в предыдущую промышленную революцию успехи авторитарной модернизации были ограничены во времени, а потом они и вовсе сходят на нет. Необходим переход на следующий этап, а его смогли совершить только демократии. Таков урок второй половины XX века. Устойчивое экономическое развитие и прогресс, рост уровня жизни — все это удалось только демократиям. Успешных авторитарных проектов не получилось.

Авторитарные модернизационные проекты, которые были более или менее успешны, начинали требовать демократизации. Если они ее получали, то развитие шло дальше. Если нет, то эти быстрые успехи увязали в историческом песке, как это было у Аргентины и Чили.

В XXI веке следующим скачком, который совершит мир, станет четвертая промышленная революция. Речь идет о переходе к постиндустриальному обществу и иным способам производства. Роботизация и «экономика посттруда» — переход на эту стадию и успех на ней невозможны авторитарными методами. Основа нового общества — это кооперация, горизонтальные сети, взаимосвязанность, инициатива граждан, конкуренция и, соответственно, свобода.

Тут государства как таковые могут сделать не очень много — только обеспечить условия. Поэтому так опасно поддаваться соблазну авторитарной модернизации. Сейчас дело даже не в том, что это безнравственно, плохо и унижает людей, — она просто не работает.

Вторая часть — это идея об опасности, исходящей от народа, демофобия. В чем выражаются такого рода идеи? О них вы слышите чрезвычайно часто силами государственной пропаганды. Без сомне-

ния, вам приходилось слышать разговоры: «Гитлер пришел к власти демократическим путем». После этого делается зловещая пауза: «Вот она, ваша демократия». Или: «Да если дать людям свободу выбора, они фашистов выберут на следующий же день и всех нас тут перевешают». Дальше также следует зловещая пауза. Это набор идей, который у националистической части нашего политического спектра называется мемом «народ-гитлер».

Целым рядом выразительных и страшных исторических примеров подтверждается мысль, что есть кровожадное чудовище, которое держит в узде наш с вами благодетель — недемократическое государство. Почему оно недемократическое? Потому что нельзя страшным людям, этим кровожадным олигофренам давать в руки демократические инструменты. Они выберут своего любимца Гитлера.

У этого рассуждения есть подвид: «Вам не нравился тот или иной ближневосточный диктатор. Да, он растворял одних своих политических противников в серной кислоте, других травил собаками, а третьих кушал сам. Его свергли. Что, лучше стало? Что пришло на его место? ИГИЛ (запрещено в РФ. — *Ред.*) — коллективный Гитлер». Опять нехорошо. Обычно за этим следует тот же самый тезис: «Вот она, ваша демократия».

Почему такого рода сценарии проигрываются постоянно? Как это происходит?

Это хорошо изученный политологией процесс — радикализация. Как это происходит? Вот диктатор, ограждающий нас всех от ярости народной. Каким образом? Он подавляет всякую политическую активность на подведомственной ему территории. Он запрещает партии, закрывает средства

массовой информации, сажает или выгоняет своих политических оппонентов.

Что происходит на практике в таких странах? Люди, которые могли бы стать участниками легального политического процесса, — они либо уезжают, либо их сажают, либо они затыкаются, поскольку цена их деятельности становится чрезмерно высока.

В политическом процессе остаются те, кто могут или сами хотят уйти в подполье. Поскольку легального политического процесса не существует, а недовольные есть, то появляется запрос на выражение их позиции. Это будут делать организации, действующие на нелегальном положении. Вот с ними и происходит процесс радикализации. Он довольно хорошо изучен. Это малоприятное зрелище.

Что происходит с теми, кто вне закона? Первое: они перестают для себя считать закон обязательным к исполнению, потому что он написан в интересах их оппонентов.

Дальше образуется ячейка с вождем и максимально верными ему соратниками, которые рискуют больше всех. Остальные отпадают, потому что не все готовы стать партизанами-подпольщиками. Остаются только самые непримиримые. Они начинают действовать нелегально и часто насильственно. У них образуется история горестей, появляется свой пантеон мучеников. Дальше они сидят и ждут, когда этот режим развалится.

Режимы, подобные режиму Муаммара Каддафи в Ливии, непрочны и всегда разваливаются. В основном они концентрируются вокруг вождя. Его физическая смерть, либо экономические причины, либо внешние шоки приводят к краху. Обычно все происходит довольно внезапно — это свойство ав-

торитарных моделей с нераспределенной властью и ответственностью, с пирамидой, опирающейся на свою вершину.

Режим разваливается, власть фрагментируется. Кто остается на этом заасфальтированном пространстве? Те, у кого есть структура, люди, опыт и готовность действовать быстро и решительно. То есть те самые экстремисты. Или те, кто стали экстремистами, пока жили в подвале. Никого не красит сидеть в подполье. Там заводится своя собственная фауна, например религиозные экстремисты, которых такие режимы сильно обижают, поскольку им не нужны альтернативные центры силы.

Они захватывают власть, потому что больше некому. Общество атомизировано. Все разбежались, остались именно они. После этого экстремисты начинают строить свое светлое будущее. А наблюдатели говорят: «Вот, смотрите, не любил вы Хусейна. А вот, смотрите, как без него-то стало намного хуже!» Почему стало хуже без него? Потому что он готовил этот исход.

Что в этом случае делает политическая система здорового человека, а не политическая система курильщика? Она занимается кооптацией, то есть вовлечением.

Вы, наверное, часто слышали фразу о том, что у власти левые правеют, а правые левеют. Обычно ее понимают так: люди, пришедшие к власти, становятся циничными и предают свои убеждения. На самом деле имеется в виду совершенно не это. Действительно, попав в пространство власти, человек вынужден идти на компромиссы, договариваться с другими действующими лицами. Это неизбежно сдвигает его ближе к центру. Этот механизм работает тем успешнее, чем больше сдер-

жек и противовесов встроено в политический механизм.

Базовая подмена с рассуждениями в духе демофобии состоит в чем? Между нами как равнозначные выкладывают разные вещи: всю полноту власти, которой обладает авторитарный лидер, и довольно небольшое участие в этом властном механизме, которым обладает избиратель.

Когда нам говорят: «Дать власть народу», — то на ум приходит картина из «Трех толстяков»: гвардейцы перешли на сторону народа. То есть мы представляем себе не просто всю власть сразу, а еще и власть в условиях хаоса.

В реальности этот пропагандистский дискурс используется для ограничения избирательных прав граждан, чтобы не пустить их на участки для голосования.

Истинное лекарство от захвата власти гитлерами и популистами состоит в том, чтобы власть распределить. Тогда никто не сможет ее захватить одним движением руки. Чем больше сдержек и противовесов, тем безопаснее ваша ситуация.

Основные каналы обратной связи между обществом и властью являются одновременно индикаторами общественных настроений. Как это происходит?

Их три основных. Это разноуровневые и регулярные выборы. Оба критерия важны. Если у вас одни выборы раз в десять лет и вы выбираете самого главного начальника — это не выборы. Выборы должны проходить регулярно и на разных уровнях, в особенности на местном — это самое важное.

Второй канал обратной связи — медиа. В этом месте хочется сказать «независимые», но это поня-

тие туманное, а сам термин — довольно оценочный. Поэтому я бы сказала «разнозависимые». Критически важно, чтобы они были на местном и региональном уровне.

Третий канал обратной связи — это свободная деятельность гражданских организаций, НКО.

Почему эти три канала так важны? Выборы — это не только инструмент ротации власти, но и лучший вид соцопроса. Люди на выборах демонстрируют, какого рода проблемы их волнуют. Выборы на местном уровне позволяют быстрее отследить настроения народа, не дожидаясь бунта у стен Кремля.

С медиа такая же история. Если СМИ принадлежат разным владельцам, то они вынуждены ориентироваться на спрос. Поэтому если в каком-то городе наиболее популярная газета — «Веселый погромщик», то на этой территории что-то неблагополучно. Лучше обратить внимание на этот сюжет пораньше.

То же самое — с деятельностью некоммерческих гражданских организаций. Если люди готовы инвестировать свое время и ресурсы в решение проблемы, значит, для них это действительно важно.

Почему эти каналы обратной связи являются и индикаторами, и модераторами? Потому что, указывая на проблему, они одновременно помогают ее решить. Участие в выборах разных уровней абсорбирует общественную энергию. Активисты вовлекаются в легальный политический механизм, а не уходят в подполье. То же самое происходит со СМИ и гражданскими некоммерческими организациями.

Разговоры об ограничении избирательных прав приведут к реализации того сценария, которого они пытаются избежать. В этом опасность

демофобической пропаганды, которая очень эффективна. Легенды о кровожадном народе продаются в две стороны. Они преподносятся самим гражданам, так называемому широкому телезрителю. Ему рассказывают об отеческих попечениях власти, которая о нем заботится, а он такой-сякой, неразумный. Это специфический инфантилизм, который процветает в патерналистских политических системах.

Наконец, эта история продается самому образованному сословию, на чьих страхах играет власть. Она сама умело подкручивает демонстративные проявления народной ярости. В свою очередь, интеллигенция любит пугаться, потому что в исторических примерах недостатка нет.

Если мы считаем нашего избирателя диким, страшным и совершенно не заслуживающим доверия, то выходом стало бы не отбирать у него все права, а давать ему их понемножку. Например, позволить выбирать власть на местном уровне. Люди смогут попробовать стать избирателями в тех местах, где власть доступна и видна. Местные выборы гораздо важнее федеральных, как в просветительно-воспитательном отношении, так и с точки зрения устойчивости системы. Пирамида, которая стоит на вершине, чрезвычайно неустойчива. Это тоже один из парадоксов авторитаризма, как гибридного, так и основного: он больше всего говорит о стабильности, но одновременно подтачивает ее основу.

Истинная стабильность общественной жизни, мирный переход от одной фазы к другой, пространство компромисса, пространство договоренностей обеспечивается только демократиями. К нынешнему веку до этого дошла уже большая часть стран мира.

Историю человечества можно описать как историю инклюзии — постепенного снятия ограничений на избирательные права. Вернуть эти цензы невозможно, поэтому мы обречены иметь дело со всеми гражданами, достигшими 18 лет. Ограничивая их права, делая их псевдоизбирателями, мы не удержим в узде этот воображаемый «народ-гитлер». Более того, чем дальше мы идем по этому пути, тем больше готовим себе именно этот сценарий.

Вот в этом мне видится опасность того кадавра, того неуместно живого мертвеца, которого я попыталась описать.

29.09.2017

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО:
ПОНЯТЬ
И ПОПРАВИТЬ

13 ЗАКОНОВ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Думская сессия 2013 года, знаменующая 20-летие российского парламентаризма, должна была бы закончиться в пятницу, 20 декабря. Но в связи с обилием законопроектов, которые необходимо принять прямо сейчас, иначе все пропало, пришлось объявлять дополнительное заседание 23 декабря. На нем в третьем чтении будет принят пакет проектов, «защищающий пенсионные накопления граждан» (легализующий изъятие накопительной части пенсий в пользу прохудившегося бюджета), поправки к закону «Об информации», разрешающие внесудебную блокировку сайтов по письму прокурора или его заместителей (новация известного рыцаря законности депутата Лугового).

Закроет сессию спикер Нарышкин традиционной речью, в которой скажет то, что все спикеры говорят в конце каждой сессии. Что по законопроектному валу мы перекрыли результаты предыдущих созывов, а время от вброса свежей чушки в парламентскую печь до снятия с конвейера готового изделия (совершенно не изменившегося) сократилось по сравнению с прошлым годом. Что растет доля инициатив, внесенных президентом и правительством, и это говорит о возросшем доверии и кооперации меж ветвями власти. Что все дискуссионные вопросы прорабатываются парламентариями в тесном контакте с исполнительной властью в ходе так называемого нулевого чтения. Что растет участие общественных организаций и внепарламентских партий в законотворческом

процессе — их даже пускают посидеть на балконе в зале пленарных заседаний.

Тем временем на 20-м году работы Думы 43% россиян, по ноябрьскому опросу «Левада-центра», считают, что в ее существовании нет смысла — достаточно было бы указов президента. Чуть меньше — 39% — считают Думу необходимой. Примерно две трети опрошенных относятся отрицательно к работе депутатов за последние два года.

Позволим себе не согласиться с дорогими россиянами в одном пункте. Существование Государственной думы за два последних года — и предстоящая ее работа в течение ближайших двух лет — будет иметь большой исторический смысл. Она иллюстрирует с необычайной яркостью все те положения общей теории парламентаризма, которые иначе было бы трудно объяснить постороннему человеку. Дети, не будьте такими, как Влас! Кто-то должен служить и отрицательным примером, показывая, «как не надо». Дабы труды Власа не пропали даром, перечислим 13 основных уроков законотворчества от завершающегося 2013 года.

1. Представительская функция парламента состоит в том, что он представляет избирателя. Депутатами должны становиться не самые умные, самые честные и самые патриоты — во-первых, в этом нет необходимости, во-вторых, при таком подходе неизбежно возникает инстанция, определяющая степень соответствия, а в ней уже заседает известно кто. Каждый, кто сумел уболтать избирателя в соответствии с принятыми правилами ведения кампании, получает мандат. Присутствие в парламенте националистов, стрекулистов и лиц без высшего образования не является проблемой и национальным позо-

ром. Национальным позором является присутствие в парламенте людей, никого не представляющих.

2. Кто говорит о «компетентности» парламентариев, не понимает социально-политической природы закона, который по форме является правовым актом, а по содержанию — актом общественного согласия. Нельзя собрать десять — или сто — лучших юристов в стране и попросить их в закрытой комнате написать самые лучшие законы. Во-первых, ничего толкового они не напишут, а во-вторых, через некоторое время такой деятельности таинственным образом сперва перестанут быть лучшими, а потом и юристами.

3. Как война слишком серьезное дело, чтобы поручать его военным, так и правотворчество слишком серьезное дело, чтобы отдавать его правоведам. Не потому, что это какая-то особо порочная профессиональная корпорация, а потому, что юристы — слуги закона, но не отцы его.

4. Идея «законы-то у нас хорошие, только исполнять их некому» так же нелепа, как старая мысль «если б каждый на своем месте исполнял свои обязанности, наступил бы коммунизм». Законы у нас плохие, и дополнительное горе в том, что они исполняются. Любой закон — это властный ресурс для того, кто этот закон применяет и карает за его неисполнение. Это еще один аргумент для минимизации нормотворчества: прежде чем дарить государственному контролеру новое ружье, подумайте, в кого оно выстрелит?

5. Крайне редко претензии к парламенту выражаются за то, что он не принял, — гораздо чаще за

то, что он принял. Потому помни первое правило законоотворчества: что можно не регулировать — не регулируй! Как отличить первое от второго? Только через связь с избирателем — запрос на новый закон или изменение старого должен поступать от него, а не от начальства.

6. Плод деятельности парламента — не принятый закон, а поддерживаемый гражданский мир. Легальная публичная дискуссия является ценностью сама по себе, вне зависимости от ее результатов (или отсутствия таковых). Когда депутаты дерутся в зале пленарных заседаний — это не беда. Беда — когда депутаты поют хором, а убивают друг друга избиратели.

7. Избирательное законодательство должно препятствовать установлению в парламенте устойчивого большинства. Если вдруг какая-то одна партия завоеует сердца всех граждан, они за нее проголосуют — но склонять их к этому механическими средствами (заградительными барьерами, недопущением альтернативы) пагубно. Политическая конкуренция запускает сердце законотворческого процесса, монополия его останавливает. По тому же опросу «Левада-центра», больше половины респондентов считают, что для России было бы лучше, если бы ни одна партия не имела большинства в парламенте. Это прекрасный результат.

8. Бесправный депутат — мертвый депутат. Отслеживая путь деградации, пройденный парламентом за последние 10 лет, нельзя не заметить, что дело не в смене «хороших» депутатов на «плохих», а в сокращении поля их возможностей. Как ни соблазни-

тельно думать, что стоит набрать правильных парламентариев, сразу все исправится, надо помнить: тот, кто лишен прав, неизбежно лишается и человеческого достоинства, и профессиональных навыков.

9. Если связь с избирателем не происходит посредством регулярных свободных выборов, она будет осуществляться в извращенной форме. «Новостное законотворчество» — утром в газете, вечером в проекте — это попытка депутата наладить какую-то связь с жизнью, от которой он отгорожен.

10. Ускоренное принятие чего бы то ни было должно быть запрещено. Закон — орудие стратегического действия, а не тактического реагирования. Достаточным инструментарием для ответа на вызовы текущего момента исполнительная власть обладает всегда. Включение режима «хватай мешки — вокзал отходит» говорит о том, что вас хотят обмануть, причем именно тот, кто нагнетает срочность на пустом месте.

11. Закрытое обсуждение — всякого рода нулевые чтения и консультации — будет происходить всегда: члены властвующей элиты, естественно, норовят сговориться друг с другом без посторонних глаз. Но институционализировать его губительно именно по этой причине. Ключевым моментом законотворческого процесса должно быть открытое обсуждение в профильном парламентском комитете на пленарном заседании. Темнота — друг коррупционера, непубличность — мать узурпатора.

12. Гражданское общество, некоммерческие организации, экспертное сообщество участвуют в за-

конотворчестве не посредством приставных структур типа Общественной палаты или подачи петиций через интернет. Их привлекают к участию сами депутаты, конкурирующие за внимание избирателя. Общественность — это не просители у парадного подъезда, которых надо вежливо принять. Это и есть тот многонациональный народ Российской Федерации, который является источником всякой власти, поскольку является ее избирателем.

13. Говорить, пользуясь результатами опросов вроде выше процитированного, что русский народ по натуре своей не восприимчив к ценностям парламентской демократии, так же справедливо, как упрекать избитого человека в том, что он равнодушен к своей внешности. Напротив, у нас чрезвычайно высок престиж публичного слова и публичного говорения — в англо-американской культуре можно прикинуться косноязычным Форрестом Гампом и при этом вызывать симпатию публики, в России же человека, который не умеет связать двух слов, презирают. Может, у нас культура компромисса и не развита, зато интерес к обсуждению общественных вопросов огромен, и обсуждение это идет везде, где только для него появляются минимальные условия.

20.12.2013

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЮ

Солнце на лето, зима на мороз, Дума на весеннюю сессию, гласит народная примета. От чего защитит нас она? Что запретит, с чем велит бороться, а что укреплять? Как вовремя заметить угрозу и отфильтровать законодательный шлак, годный только на пугающие заголовки («Дума запретит россиянам смотреть в окно»)? Несколько простых правил — и вот вы уже понимаете в законотворчестве больше, чем ваши друзья в фейсбуке!

1. Помните: никакого внятного законотворческого планирования не существует ни с думской стороны, ни с правительственной и президентской. Связано это, во-первых, с повальной страстью к конспирации, во-вторых — с таким состоянием системы политического управления, которое не позволяет ей сколько-нибудь ясно глядеть в будущее на срок дольше недели. Поэтому на плановые документы не рассчитывайте: список важнейших инициатив сессии никогда не совпадает с тем, что написано в приоритетной части Примерной программы законопроектной работы Думы. Самые важные проекты принято вносить внезапно, когда никто не ожидал — причем не ожидал не только наблюдатель, но и сам инициатор.

2. Увидев новый проект, смотрите на авторов. Большого ума не надо, чтобы понять: инициатива правительства имеет больше шансов стать законом, чем инициатива депутата X. Исполнительная власть

является основным законотворцем последние десять лет, и тенденция эта меняться не собирается.

2012 г. из 334 новых федеральных законов, подписанных президентом, внесено правительством было 184, президентом — 45. В 2013 г. президент подписал 448 законов, из них правительственных инициатив 251, президентских — 29.

3. Если что-то вносит президент, то это чрезвычайная ситуация и политический приоритет. Президентские инициативы принимаются в том виде, в каком были внесены, редактировать их запрещено (если что-то и поменяется на пути от первого чтения к подписанию, то это не депутатского ума дело). Во время новой сессии стоит следить за судьбой президентского проекта об электоральной реформе, принятого в первом чтении, и ждать новых инициатив, обеспечивающих одобренное в прошлом году поглощение системы арбитражных судов. «Бастрыкинский проект» о возбуждении налоговых уголовных дел без участия налоговых органов пойдет на второе чтение в конце января и, судя по всему, будет принят (правительство так и не набралось мужества прислать отрицательное заключение).

4. То, что внесено правительством, обязательно будет принято — вопрос только в сроках и содержании финальной версии. Поэтому годовой план законопроектной работы правительства имеет смысл смотреть более внимательно, чем думскую программу. Правительственные законопроекты могут быть объектом борьбы заинтересованных сторон, поскольку никакого единого правительства как политического субъекта не существует, а существуют ведомства и связанные с ними промышленные финан-

совые группы. Они сражаются на этапе написания и внесения проекта, они же встречаются друг друга в Думе под различными депутатскими псевдонимами. Если стороны не сойдутся во мнениях, правительственный проект может и зависнуть, а потом будет отозван инициатором или отклонен в первом чтении — такие случаи были. Из правительственных новаций текущей сессии обратите внимание на судьбу пенсионной реформы (первое чтение прошло в ноябре) и ждите новаций по выполнению положений декабрьского президентского послания.

5. Наименьшие шансы быть принятыми у инициатив региональных парламентов. Хотя и тут есть исключения — знаменитый закон о гей-пропаганде был первоначально внесен законодательным собранием Новосибирской области, — но в целом голосами с мест можно пренебречь. Сенаторы — редкие законотворцы, предпочитают группироваться с авторитетными депутатами, и их инициативы чаще других застревают в думском болоте между первым и вторым чтениями. В новом сезоне следите за судьбой проекта о графе «против всех», внесенного в октябре Валентиной Матвиенко сотоварищи: он принят в первом чтении, и не до конца ясно, будет ли графа возвращена на всех выборах, или только на региональных и муниципальных, или только на парламентских (но не президентских).

6. Не стоит обращать внимание на что-то внесенное членами фракции ЛДПР. Помнит ли дорогой читатель законопроект о запрете оборота доллара? О введении обязательной школьной формы? Об идентификации пользователей социальных сетей? Это все инициативы депутата Дегтяре-

ва. В 2013 г. они вызвали большой медийный шум, а потом были отозваны инициатором или отклонены палатой. В 2012 г. Дегтярев был среди инициаторов 13 проектов, из них законом стал один («закон Димы Яковлева», в авторы которого записали всех депутатов). В 2013 г. везло еще меньше: на 33 внесенные инициативы ни одной одобренной. Раньше среди наблюдателей бытовала поговорка «Что у Кремля на уме, у Жириновского на языке», но она устарела. Сейчас у Кремля столько припадочных на жалованьи для озвучивания самых диких фантазий, что ЛДПР приходится напрягать воображение самостоятельно.

Но депутат депутату рознь. Есть отраслевые лоббисты, через которых ведомства вносят свои проекты напрямую, минуя ристалище правительственной комиссии по законопроектной деятельности. Если проект внесен группой депутатов, среди которых вице-спикер, председатель комитета или тем более глава фракции ЕР, такая инициатива приравнивается к правительственной. Если проект внесен любым одиноким депутатом, на него можно не смотреть. Статусные депутаты одни не ходят, а нестатусные провести закон не могут.

Особый случай — депутат Ирина Яровая, боевая колесница спецслужб.

В 2012 г. она внесла (совместно с коллегами) 35 проектов, из них законами стали 14, в 2013 г. — 27, подписаны президентом 17. Для депутатского творчества это невиданный процент эффективности. Постволгоградский пакет «антитеррористических» законопроектов, ограничивающих сетевые денежные переводы, — ее инициатива (плохая новость для сторонников версии «это они просто на бирже против Qiwi играют»).

7. Не можете разобраться в проекте — читайте правительственный отзыв на него (они все вывешиваются в думской базе АСОЗД). Правительство не поддерживает — проект не примут, поддерживает — не отклонят (но не обязательно примут, это разные вещи). Если правительственного отзыва нет — смотрите отзыв профильного комитета. Если внесли совсем уж какую-то внесистемную ахинею, проект будет отвергнут на уровне думского правового управления («в документе не обнаружены признаки связного текста, что противоречит требованиям регламента»).

8. Смотрите на название. Средний законопроект обычно дополняет или меняет какой-нибудь уже существующий закон. Если в названии никакой действующий закон не упомянут, а предлагается принять нечто совершенно новое, то это скорей всего «политический» законопроект. Он с равным успехом может быть принят и принести много горя («О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав свобод граждан РФ») или забыть, когда информационный повод остынет. Опасайтесь проектов с солидным инициатором и скучным названием типа «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РФ». Под таким именем в свое время был принят закон о монетизации льгот. Если в названии упомянуты «некоторые законодательные акты» или «ряд законодательных актов», это плохой знак, как и выражение «в целях защиты прав граждан». Также насторожитесь, если нечто называют «техническими поправками». Под этим термином любят прятать разные красочные подарки россиянам вроде изъятия накопительной части пенсий.

9. Смотрите телевизор. Депутаты газет не читают, а читают дайджесты прессы с поиском по своей фамилии, но вечерние новости смотрят. Так что если Дума вдруг обсуждает нечто странное (проект по проверке всех авиапассажиров на алкотестере перед посадкой), скорее всего это очередной асимметричный ответ Екатерине Андреевой. Новостное законотворчество системы «вечером в телевизоре — утром в повестке» будет отличаться завлекательным названием, большим количеством инициаторов (всем хочется поучаствовать) и налетом общей бредовости. Часто такие инициативы вносят от имени целой фракции. Безвредный способ и причаститься актуальному, и ничего не поломать — принять постановление. Думские постановления и заявления (особенно по внешнеполитической тематике) не значат вообще ничего, на них обращать внимания не надо.

22.01.2014

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: НАУКА ОБСУЖДАТЬ

Обыкновенно гражданам, возмущающимся очередной законодательной новацией, любят говорить: вы закон-то читали? Увы, кто начинает играть в игру «достаточно ли хороший вы специалист, чтобы говорить об этом», всегда окажется проигравшим: если определение степени вашей компетенции в руках вашего оппонента, то вы никогда не будете достаточно компетентны, чтобы вас допустили к дискуссии, которую власть имущий хочет монополизировать или прекратить.

Да, в большинстве случаев имеет смысл прочитать тот или иной обсуждаемый проект или хотя бы пояснительную записку к нему. Но иногда, как в известном романе сказано, не обязательно видеть труп, для того чтобы сказать, что человек убит. Реформа РАН — самый выразительный такой случай.

Мы имеем внесение проекта закона 28 июня и окончательное принятие его Государственной думой 18 сентября, Советом Федерации 25 сентября и подписание президентом 27 сентября — это со всеми задержками, продлениями сроков и волнующими виражами между вторым чтением и третьим. Из форм общественной дискуссии — тайные совещания некоторых академиков с некоторыми депутатами под руководством Николая Булаева (координатора реформы с думской стороны — бывшего скромного ректора рязанского института повышения квалификации учителей, в депутатстве приоб-

ретшего себе для неизвестных целей докторскую степень), а также протокольные встречи президента Фортова с президентом Путиным под телекамеру. При таких условиях что написано в законе — совершенно неважно.

Автор этих строк со своей скромной кандидатской степенью не имеет ни малейшей личной заинтересованности в развитии судьбы академии по тому или иному сценарию — будучи примерно так же далек от членства в академии любой формы, как от звания мастера спорта. Но у автора имеется свой скромный маленький фрагмент научного знания, который ему не менее дорог, чем другим графен, берестяные грамоты и непарные хромосомы. Этот научный факт состоит в том, что никакой закон, что бы ни было в нем написано, не может воплотиться в жизнь, не пройдя предварительно через публичное обсуждение.

Обычно это понимают в том смысле, что публичность выявит и позволит исправить допущенные авторами ошибки. Но это даже не самое важное. План по спасению жизни на Земле, будь он написан самими ангелами, не спасет человечество без согласия самого человечества. При этом сам план может не измениться ни в одной букве — процесс обсуждения важнее его документационного результата. Это кажется некоторой мистикой — как процесс хлебопечения тому, кто не понимает действия дрожжей. (Ингредиенты ведь те же самые что на входе, что на выходе! Почему бы не есть просто муку с водой — это же быстрее!) Но это такая же истина, как то, что трение янтарной палочки о шерсть вызывает электрическую искру, а раскладывание узоров из янтарных палочек искры не вызывает. Даже если навезти тонну шерсти и грузовик янтаря. Даже если

шерсть самая лучшая, от девственных аргентинских лам, а янтарь напрямую из Калининграда. Даже если расстрелять всех участников раскладывания и набрать новых, прогрессивных. Это не работает.

Реформа такого масштаба, как академическая, должна была обсуждаться год до внесения законопроекта и год после его внесения: с открытыми слушаниями, заседаниями всех возможных комитетов внутри и вне парламента, круглыми столами, телепередачами с дракой в студии, выставлением сорока тысяч одиночных пикетов, статьями в прессе и тематическими сборниками, листовками на стенах и демотиваторами в интернете. Венчать эту картину общественной активности должно было бы, конечно, принятие закона парламентом, избранным хоть кем-нибудь, кроме управления внутренней политики администрации президента, и представляющим хоть какие-то общественные интересы, кроме интересов этого структурного подразделения.

Последний пункт, разумеется, самый сложный. Может ли быть легитимное обсуждение внутри нелегитимной системы? Какой реформатор из того, в чьи добрые намерения никто не верит — даже если предположить, что они у него имеются?

Вебер, как известно, различал три типа легитимации, т. е. процесса наделения власти правом владеть. Типы эти — традиционный (основанный на предании и авторитете веков), рациональный (основанный на признанной открытой процедуре) и харизматический (основанный на вере в вождя). Осмелимся заметить, что первый и третий типы суть разновидности одного и того же — и оба они суть порождения религиозного сознания. Вера в вождя есть слабая и временная форма перехода от сознания религиозного к рациональному — потому

самая яркая манифестация этого типа политической легитимации пришлась на трансформационный XX век.

Старое доброе религиозное чувство унесло с собой из общественного обихода много полезного: веру в божественное право королей, поклонение героям, шанс на просвещенный авторитаризм и, судя по всему, этот фетиш конца прошлого века — непопулярные реформы. Образ реформатора, который, выйдя рано, до звезды, сеет свои прогрессивные семена в темные бразды, пока мирные народы пасутся вокруг на манер овечек, приходится считать таким же устаревшим, как образ государя-помазанника, вдохновляемого свыше относительно блага вверенных ему подданных. Правда, трудно бывает донести этот свершившийся исторический факт до самого государя (в той специфической информационной капсуле, в которой он предпочитает находиться) раньше, чем сама история это сделает свойственными ей грубыми методами.

30.09.2013

НЕ СТАТЬ ДЕПУТАТОМ МИЗУЛИНОЙ

Депутат Мизулина просит Следственный комитет наказать тех, кто искажает ее истинное мнение об оральном сексе, депутат Федоров рассказывает, что все системообразующие законы на самом деле пишут американские оккупанты, депутат Крашенинников поддерживает криминализацию клеветы. Публицисты возмущаются, хипстеры рисуют смешные плакаты, а те, кто знал этих людей в былые годы и работал с ними рядом, смотрят в ужасе — как могли они так перемениться? Мы ведь помним их совсем другими! Легко объяснять все индивидуальными особенностями или выискивать в прошлом факты, подтверждающие, что «он уже тогда такой был». Куда менее приятна мысль, что за массовым одичанием госслужащих стоят некие объективные факторы, под действие которых может попасть каждый.

Как не обнаружить себя в зените законотворческой карьеры внезапно запрещающим применение эпидуральной анестезии иначе, как по решению суда, или разоблачающим заговор инопланетян против Российской Федерации? Каковы, выражаясь научным языком, первостепенные факторы личностной деградации?

«Уединение и праздность губят молодых людей», — предупреждал Герцог из «Скупого рыцаря». Госслужащих, молодых и не очень, уединение и праздность губят еще вернее.

Под уединением мы в нашем случае будем понимать информационную изоляцию. Изоляция не но-

сит буквальный характер: сию, мол, в кремлевской башне, телевизор унесли, в гугле забанили. Начальство погружено в бурлящий поток информации, но он сформирован специфическим образом.

В наше социально-сетевое время каждый может почувствовать себя на месте царя, от которого бояре правду скрывают: всем нам коварный фейсбук подсовывает записи тех, которых мы чаще лайкаем и комментируем. Мы подбираем себе новостную ленту по вкусу и очень скоро оказываемся в уютной вселенной, где все с нами соглашается, понимают с полуслова и безоговорочно одобряют нашу красоту, остроумие и кулинарные способности. Так и президенты с депутатами — все, что они слышат, образует гармоничную картину мира, в которой их правоту может оспаривать только единичный идиот, отрицающий очевидное.

Как вырваться из андерсеновского «домика женщины, умеющей колдовать», чьи окна расписаны неувядающими цветами и контекстной рекламой? Пользоваться альтернативными источниками — печатной прессой дополнительно к интернету, иностранными СМИ дополнительно к отечественным, даже телевизор посмотреть порой полезно. Очень освежает взгляд на мир знакомство с каким-нибудь радикальным дискурсом. Оно позволяет попасть внутрь другого домика с цветами на стекле, столь же замкнутого и цельного, как и — внезапно понимаешь — твой собственный. Полезно погрузиться в любую альтернативную информационную реальность: националистов, радикальных феминисток, сыроедов и противников аборт — за одним занятным исключением. Консерватизм как таковой имеет весьма почтенную историю и наработанный идеологический багаж, но те, чьи умственные усилия на-

правлены исключительно на оправдание статус-кво, и сами с годами не умнеют, и читателю пользы не приносят.

Праздность же — это любая деятельность, не связанная с реальностью и не являющаяся откликом на запрос внешнего мира. Речь не о том, что тщетна та работа, без которой «можно обойтись». Каждый, кто не печет хлеб и не починяет унитаза, в глубине души знает, что обойтись без него можно. Но у вашей деятельности должен быть осязаемый внешний потребитель. Если вы завели кружок по обучению детей вырезанию снежинок из бумаги — должны быть дети, добровольно пришедшие вырезать снежинки из бумаги. Ключевое слово тут — «добровольно». Если вы директор детского дома и организуете занятия для воспитанников, вы никогда не узнаете, интересно им или они предпочли бы сжечь вас на костре из ваших бумажных изделий. Это к вопросу о социологических результатах, которыми нас любят терроризировать: «88% опрошенных одобрили химическую кастрацию 88% опрошенных». Конечно, одобрили — куда деваться-то?

Каков был насущный общественный запрос на угнетение геев или запрет иностранных усыновлений? Никакого. Зрительская масса, как в известном романе, ничего не заявляла. На снижение тарифов ЖКХ есть запрос, на уменьшение количества расово чуждых лиц на улицах — тоже есть, а вот на борьбу с геями и иностранцами никакого запроса не было. И «асимметричный ответ» на закон Магнитского, и попытка воссоединиться с воображаемой консервативной массой посредством борьбы за половую мораль представляли собой не диалог с обществом, а разговор государственной машины с самой собой. Действия, предпринятые одними чиновниками для

других чиновников — это в чистом виде праздная работа, пустые хлопоты (каковы бы ни были их реальные злокачественные последствия). Многолетнее участие в такой деятельности — прямой путь к деградации.

Как воссоединиться с реальностью? Для этого необязательно переодеваться бомжом по методу Гаруна аль-Рашида и беседовать с фольклорными бабушками на мифических завалинках. Бабушки сами придут к вам на избирательный участок. Человек служит тому, от кого зависит, — такова его природа. Если ваш заказчик — реальность, если ваш начальник — избиратель, то ваши шансы выжить из ума непосредственно на рабочем месте снижаются до среднестатистических. Даже если такая беда и случится, пострадавшего быстро уберут с дороги прогресса — и у него не будет шансов продолжать дергать за государственные рычаги, нежно улыбаясь самому себе.

16.08.2014

КАК СТАТЬ ХОРОШИМ ДЕПУТАТОМ

Проект закона о праве фракций лишать депутатов мандата в текущую весеннюю сессию рассматриваться не будет: профильный комитет по конституционному законодательству отправил его в рассылку до 9 июля, а последнее заседание текущей сессии будет 4 июля. «Справедливая Россия» внесла два проекта — один о порядке изгнания депутата, второй о порядке замещения образовавшейся вакансии — еще 21 апреля, на волне благородной ярости, вызванной голосованием депутата Пономарева, осмелившегося в крымском вопросе идти не в ногу, когда вся рота идет в ногу. Идею глава фракции Сергей Миронов прорекламировал на встрече с президентом 31 мая и получил от него, судя по стенограмме, ответ довольно туманный: «Если фракции согласны, тогда у меня какие могут быть возражения? Это внутренняя прежде всего проблема самой Государственной думы». И не споришь.

Понятно, что идея дать руководству фракции возможность выкинуть любого депутата из Думы не найдет поддержки в палате: даже у нынешнего состава хватает ума сообразить, что если в проекте на стене висит ружье, то не надо спрашивать, в кого оно выстрелит в виде федерального закона. Сегодня Илья Пономарев — антинародный отщепенец и крымченаш, а завтра твой мандат приглянулся следующему по списку, который в Думу не прошел, зато к лидеру фракции нашел подход и принес убедительные аргументы.

Если вы думаете, что депутаты только права граждан ограничивают, а на Охотном Ряду действует оазис свободы и человеческого достоинства, то это не так. В Думе лежит еще и проект ЛДПР, предполагающий ротацию депутатского корпуса по решению руководства партии. Правда, профильный комитет вернул его авторам на доработку, но что его доработают и снова внесут, можно не сомневаться.

Даже без рискованных новаций по действующему законодательству права депутатов защищены довольно слабо. Неприкосновенность с них снимается по представлению прокуратуры — как на днях произошло с депутатом Митрофановым. Но Митрофанов остается депутатом и даже продолжает быть председателем комитета по информационной политике. Обратная ситуация с Геннадием Гудковым: мандата его лишили в 2012 г. в рамках довольно сомнительной процедуры голосования по представлению Следственного комитета, который подозревал его в несовместимых с депутатством занятиях предпринимательской деятельностью. Потом за этой историей все перестали следить, а 8 октября 2012 г. СКР вынес постановления об отказе в возбуждении дел за незаконное предпринимательство — получается, мандата Гудкова лишили ни за что. В конце декабря того же года Конституционный суд принял по жалобе группы депутатов удивительное решение, согласно которому Гудков лишается мандата, но за ним сохраняется депутатская неприкосновенность! То есть у Гудкова мандата нет, а неприкосновенность есть, а у Митрофанова мандат есть, а неприкосновенности нет, как в греческих мифах, где герою предлагается вечная жизнь без вечной молодости или наоборот.

Зачем нужны все эти дикости? Откуда идет стремление сделать депутата более «ответственным», юридически обязать его лично нажимать пальцем на кнопку или регулярно доказывать свою непопечность в разнообразных имущественных декларациях? Патологическое стремление к чистоте рядов является оборотной стороной сознания собственной нелегитимности. На самом деле все внимание правоохранительной машины и самой палаты должно быть направлено не на то, хороший ли депутат человек, дружно ли он живет со своей женой и где у него недвижимость, — а на то, честно ли он был избран. Не личность, но процедура должна быть в фокусе публичного интереса.

Вопреки распространенному заблуждению депутат не обязан быть ни умным, ни компетентным, ни непременно юристом, ни бедным, ни даже честным. Он обязан быть избранным. Если он прошел процедуру всеобщего тайного и равного голосования в соответствии с действующим законом, на грешную голову его опускается священный нимб народного представительства и голова эта становится неприкосновенна на весь срок, определенный мандатом. Дальше он может прогуливать заседания, голосовать против ветра, вообще не голосовать, задирать свое партийное руководство и вести себя как вздумается. Расплата ждет его в конце созыва — если товарищи по партии его разлюбят, то он не попадет в новый список, если избирателям он надоест, его не выберут. Императивный мандат, т. е. ограничение действиях выборного лица какими-либо условиями, при нарушении которых он может быть отозван, — любимый правовой механизм тоталитарных режимов. Впервые он был применен в Парижской коммуне в 1871 г., практику эту похвалил Маркс,

потом императивный мандат присутствовал в конституциях социалистических стран и сейчас применяется в Северной Корее, Китае и на Кубе. Понятно, что механизм «ответственности депутата перед партией» есть пародия на механизм ответственности депутата перед избирателем, каковая осуществляется посредством открытых конкурентных выборов. Поэтому в работающих демократиях главный парламентский скандал состоит не в том, что кого-то сфотографировали пьяным в ночном клубе, а в том, что вскрылись какие-то махинации с избирательной кампанией — незаконное финансирование, сговор или несправедливый доступ к СМИ.

У нас именно на это обращать внимание запрещено, потому что самое сомнительное в наших депутатах не то, что они нерегулярно посещают зал заседаний или тайно владеют чем-то недвижимым, а то, почему они вообще сидят в Думе и представляют наши интересы. Судя по самоограничительной законопроектной активности, роковой вопрос «Кто эти люди, что они здесь делают?» представляется не только избирателям, но мучает и самих депутатов. Тот, кто находится там, где не имеет права находиться, всегда будет это в глубине души осознавать и под влиянием этого чувства совершать хаотичные движения себе же во вред. Нелегитимность не дает своей жертве спать спокойно — закон, касающийся не только депутатов.

24.06.2014

ЭТИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ ДЕПУТАТА

*о представительной роли
парламента и добродетелях
народных избранников*

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

...«Он был свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли» — так характеризует герой рассказа О. Генри своего напарника, выбранного им за наружность сельского простачка для исполнения одной несложной аферы — «Глаза у него были сильные и лицемерные, как у фарфоровой собачки, с которой играла тетя Харриет, когда была маленькой девочкой». Простачок оказывается не так прост и своей незатейливостью обманывает не только предполагаемую аудиторию, но и самого организатора аферы — опытного городского жулика. Многие парни плечисты и крепки, многие кандидаты в депутаты и действующие парламентарии могут похвастаться свежестью редиса и фарфоровой синевой взгляда. Как навязать им единый этический стандарт и каковы вообще должны быть базовые депутатские добродетели?

246

С одной стороны, хорошо, что этика парламентария становится предметом обсуждения, причем обсуждения в рамках антикоррупционной повестки и с участием международного сообщества (в нашем случае — между Генпрокуратурой и Группой государств по борьбе с коррупцией ГРЕКО). С другой, гражданину — даже если он депутат, всё, что не запрещено зако-

ном, разрешено, а Этический кодекс, будь он создан, станет не законом, а рекомендательным документом.

Говоря обобщенно, этичное поведение депутата состоит не в том, чтобы быть вежливым, не перебивать спикера и смирно сидеть в зале заседаний, а в том, чтобы представлять интересы своих избирателей, не пользоваться своим положением в целях личного обогащения и не продвигать своих родственников на оплачиваемые бюджетом должности. Всё это, строго говоря, вопросы не этики, а соблюдения базового электорального и антикоррупционного законодательства.

Есть прелестное небольшое политологическое исследование о том, что влияет на вероятность драк в парламенте. Оказалось, что вероятность депутатского мордобоя выше в двух случаях: в странах с молодым парламентаризмом (это понятно) и в странах с диспропорциональной электоральной системой. Это такая система, которая дает преимущества одной из победивших партий за счет остальных, — следовательно, если поменять правила игры, то большинство может перейти к другим участникам. Есть за что подраться. Кроме того, драки становятся вероятнее при обсуждении значимых вопросов, в которых мнение парламента имеет значение, — тоже понятно: зачем отважно жертвовать затылком в дискуссии, исход которой от тебя никак не зависит?

Меж тем драка в зале — совсем не самое дурное, что может произойти в парламенте. Хуже, когда дерутся под окнами избиратели, а депутаты в зале поют хором. Первая добродетель депутата — не скромность и вежливость, не примерная бедность и даже не регулярное посещение заседаний. Более того, де-

путат не обязан быть и юридически грамотным или активно производить проекты законов. В учебнике по конституционному праву вы чаще всего прочитаете, что у парламента две функции — законодательная и представительная. На самом деле функция одна — представительная, а законодательная — производная от нее.

Депутат должен быть избранным, остальное приложится. Как только его осеняет священный нимб народного представительства, ему дается и неприкосновенность от уголовного преследования — смысл неприкосновенности именно в том, что депутат на время исполнения своих обязанностей не ответственен ни перед кем, кроме избирателя. Соответственно, ограничения свобод депутатов нарушают не их права, а права избирателей.

Весь фокус общественного и правоохранительного внимания должен быть направлен не на то, как ведет себя член парламента после избрания, а на обстоятельства его избрания: не получил ли он мандат на ложных основаниях, не пользовался ли административным ресурсом, незадекларированными деньгами, несправедливыми медийными преимуществами. Вновь открывшиеся обстоятельства нарушений во время кампании должны быть поводом для аннулирования мандата, а не «незадекларированный садовый домик» или драка за микрофон.

Собственно, избыточное внимание к депутатским декларациям и депутатскому поведению есть бессознательная попытка компенсировать возможный недостаток легитимности. Кто каким методом избрался, обсуждать запрещено — тут используется логика «проехали, что старое во-

рошить». Зато эти сомнительным способом полученные мандаты становятся уязвимы с другой стороны — из-за ошибок в декларации или «демонстративного ухода из зала». Меж тем первичные этические обязательства депутата — это обязательство быть представителем тех, кто его на самом деле избирал.

21.04.2017

СКОРОСТЬ СНОВИДЕНИЯ

Государственная дума одобрила федеральный конституционный закон «О принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Проект был внесен президентом 19 марта, после 17.00. Ночью с 19 на 20 марта его рассмотрел Конституционный суд, а вечером 20 марта он был одобрен Государственной думой сразу в первом чтении и в целом, минуя второе чтение и без поправок, по соответствующей рекомендации профильного комитета. Это головокружительная скорость для такого значимого акта, который меняет границу страны (и, по мнению многих недоброжелательных экспертов, делегитимирует ее).

Ускорение — лозунг Думы не со вчерашнего дня. Срок от внесения законопроекта до его принятия неуклонно сокращался последние 20 лет: в среднем от 661 дня в 1994 г. до 182 дней в 2012 г. и 132 дней в 2013 г. (расчеты исследовательской группы «Страноведение», по данным АСОЗД). Президентские и правительственные законопроекты принимаются быстрее прочих: например, закон о реформе РАН путь от внесения до подписания прошел ровно за три месяца. Почему судьбоносные законы принимаются в режиме воздушной тревоги — депутат должен успеть одеться и заправить кровать, пока горит спичка?

С тактической точки зрения понятно, что таким образом исполнители демонстрируют начальству

свою лояльность: зачем обсуждать, мы и так на все согласны! Как сказал сенатор Анатолий Лысков на заседании СФ, посвященном вводу войск, «мы тратим время президента» — у президента есть ценное время, а мы у него под ногами путаемся. Наше же время ценности не имеет, потому что мы все бесполезные. Это вполне работающая стратегия выживания в опасной ситуации.

На более высоком уровне обобщения: в головах людей существует представление о наличии некоей «сути», которая совершенно не зависит от «формы», а то и враждебна ей. Русский человек склонен считать слово «формальный» ругательным. Надо всем этим реет ленинское «формально правильно, а по сути издевательство». Образованные граждане чувствуют, что в этом направлении мысли что-то не так и оно не приводит ни к чему хорошему, но обычно удовлетворяются обзыванием этого дела «правовым нигилизмом» (которым страдают все, кроме них самих), опять же имманентно присущим русскому народу, что уж с ним поделаться.

Зачем законная процедура, когда «и так все ясно»? Зачем честные выборы, когда народ «и так» любит гражданина N и партию X? Что долго готовить референдум, если люди понятно чего хотят? Затем, что вся эта ясность и несомненность — в глазу смотрящего, а в глазу соседа она совсем другая, что сегодняшняя несомненная «правда», не нуждающаяся в доказательствах, завтра потускнеет и станет сомнительной, а вот нарушение процедуры — это клеймо навсегда. Процедура — не способ добывания истины, которым можно пренебречь, если истина и так лежит на поверхности. Никакой «истины» в социальном организме не существует — есть только согласие. Процедура — путь достижения

этого согласия. Поэтому обсуждение закона важнее его принятия, а честность выборов важнее финального процентного результата.

Законотворчество Думы VI созыва с его пугающей быстротой и легкостью имеет еще одну мало заметную извне, но важную черту. Оно поверхностно — не в том даже смысле, что не затрагивает значимых проблем, а концентрируется на внешних эффектах, а в том, что не имплантируется в ткань правового поля, а наклеивается на него сверху. Это не значит, что такие законы не влияют на жизнь людей — еще как влияют: и убивают, и калечат. Но они не затрагивают основ нашей правовой системы — основ пока еще здоровых, заложенных в начале 2000-х гг., когда принимались действительно системообразующие правовые акты — Жилищный и Гражданский кодексы, законы об обороте земель, о валютном контроле, о борьбе с монополиями, о защите прав потребителей.

Все, что привлекло максимальное общественное внимание в последние годы, — и гей-пропаганда, и запрет на усыновление, и борьба с экстремизмом онлайн и офлайн, и ужесточение законов о митингах — с точки зрения правовой техники чрезвычайно легко отменимо. Для этого не потребуется, как любят выражаться в пояснительных записках, никаких затрат федерального бюджета, не потребуется больших реформ, люстраций и децимаций. Трудно отделаться от мысли, как просто и дешево Тот-Кто-Придет-Следом сможет снискать любовь образованной публики, международное признание и славу мудрого Ликурга и Солона одной отменой нескольких правовых новаций, которые, случись что, никто не станет всерьез защищать.

Кстати, это почти то, что произошло с избирательным законодательством — новый закон о вы-

борах депутатов Госдумы представляет собой закон 2003 г. с некоторыми ухудшениями в виде партийных фильтров (также легко откручиваемых). Уж коли на то пошло, одной из немногих серьезных попыток последнего времени изменить правовую систему был проект закона об объективной истине им. Александра Бастрыкина — и именно он, судя по высказываниям руководителя Главного правового управления президента, оказался заблокирован Кремлем.

Сложнее ситуация с уничтожением организаций — реформами вроде разгона РАН или Высшего арбитражного суда. Но даже и в этом случае, пока люди еще живы, система достаточно быстро — хотя и не без потерь — восстановима.

Относительно нового субъекта Федерации перспектива отмены сейчас выглядит немыслимо — слишком велико давление общественного мнения, неважно, искреннего или инспирированного пропагандой. В этом случае простота и скорость принятия закона может навести зрителей из регионов на другую мысль: вот с такой же сновидческой легкостью, без препятствий и без жертв, можно будет при случае и в другую сторону поменять «таинственную карту». Буквально, как сказал президент в своей исторической речи, лечь спать в одной стране, а проснуться за границей.

24.03.2014

ДЕМОКРАТИЯ ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА

*о попытке парламентариев
реанимировать свою значимость*

Бюджетный процесс составляет систему кровообращения парламентаризма. Весь смысл существования любых палат, штатов, кортесов и тингов, сколько их ни знала история репрезентативной демократии, состоял именно в этом: налоги и бюджет, бюджет и налоги — коллективное распределение общих средств на общие нужды. Все другие виды законотворчества вторичны. Реформа Бюджетного кодекса 2005–2007 гг. подрубила нашу законодательную ветвь власти эффективнее, чем даже реформа избирательного законодательства — уничтожение одномандатников, повышение входного барьера и ужесточение закона о партиях.

Эта реформа состояла во введении трехлетнего бюджетного планирования (что отдает контроль над бюджетом в руки правительства), в сокращении с четырех до трех числа чтений, в которых рассматривается проект бюджета, и в ограничении возможностей парламента по перемещению средств между статьями и внутри статей бюджета. Одновременно растет доля секретных статей бюджета: по данным ИЭП им. Гайдара, за 2004–2012 гг. она увеличилась с 9,8 до 12,2% от общего объема расходов. Засекречено даже 5% (2011 г.) расходов на дошкольное образование, а в жилищном хозяйстве

объем тайных расходов вырос с 4,2% в 2006 г. до 15% в 2012-м.

Как утверждают китаисты, иероглиф «кризис» вовсе не состоит из двух иероглифов, обозначающих «опасность» и «возможность». Он просто обозначает «опасная точка», безо всяких оптимистических коннотаций (мечты поэта! Филолог строгий гонит вас). Тем не менее, каждый бюджетный кризис ставит правительство перед необходимостью чаще и плотнее общаться с Думой, чем оно привыкло делать в мирное время. Поправки в бюджет требуют согласований, законодательные антикризисные меры требуют утверждения. Для парламента это шанс попытаться вернуть отобранные полномочия.

В 2008 г. депутаты пытались сместить ряд министров, заменив их собой, но вся борьба свелась к традиционному и безобидному сюжету «Единая Россия» критикует либералов из экономического блока за антинародность». Нынешний кризис происходит в совершенно иных политических условиях. В феврале при внесении проекта сокращенного бюджета правительство попросило право перераспределять средства внутри бюджета без согласования с палатой. Дума отказала — соответствующий пункт был из антикризисного плана исключен. Секвестрированный бюджет приняли с довольно значительными изменениями относительно первоначальной версии (150 поправок ко второму чтению, из них 80 от депутатов и членов СФ, около 70 от правительства). Для себя палата вытребовала распространения парламентского контроля на расходование средств по Федеральной адресной инвестиционной программе (ФАИП) и регулярных отчетов об успехах экономической политики

(с первым таким отчетом 21 апреля в Думе должен выступить премьер).

Говорят, муравейник обладает «распределенным мозгом», сравнимым по объему с мозгом человека, тогда как отдельный муравей никаким особенным мозгом не обладает, потому что в его нервной системе слишком мало нейронов. Отдельный депутат в нашей политической системе не ощущает себя частью общего парламентского организма, не связывает свое политико-аппаратное благополучие с самостоятельностью законодательной власти. Это слишком высокий уровень абстрагирования. Но коллективный разум муравейника существует и действует через индивидуальных акторов, слабо сознающих, что они являются частью единого процесса. Кроме того, у парламента есть руководство, а у него есть политические амбиции, более острое по сравнению с рядовым депутатом чувство своего места в политической системе и желание сделать это место более ценным и престижным.

Ни один эксперт в здравом уме не скажет «российская политическая система, проходя через снижение уровня управляемости, постепенно демократизируется». После такого заявления, проснувшись однажды утром, легко обнаружить себя превратившимся в члена Общественной палаты, как Грегор Замза. Но нельзя не заметить, что снижение господства делает все более затруднительной балансировку межклановых интересов — то, чем занята наша верховная власть. Никакие противоречия не будут острыми, если любое из них можно замазать деньгами. Прodelьвать то же самое, но с ограниченными ресурсами уже сложнее.

В законодательной сфере эта тенденция выражается в развороте от «законотворчества за-

претов» к «законотворчеству изъятий». Никакой «оттепели» или «либерализации» не происходит: многочисленные ранее принятые запреты никто не отменяет. Растет число проектов, предлагающих поднять ощутимые для граждан налоги (на недвижимость, НДФЛ), увеличить сборы (например, ОСАГО). Ход законодательной мысли понятен: раз нефть подешевела, давайте выжмем что-нибудь из граждан.

В похвалу законотворческому механизму надо сказать, что принятие конфискационных проектов идет куда медленнее и труднее, чем репрессивных. Все «изымающие» законопроекты вне зависимости от авторства характеризуются относительно долгими (в сравнении с «политическими» инициативами) сроками рассмотрения и значительной переделкой на этапе второго чтения. Это для наших дней не очень типично: гораздо чаще инициативы исполнительной власти, кем бы они ни были подписаны, и принимаются в том виде, в каком они были внесены. Законы, потенциально запрещающие гражданам собираться больше трех, демонстрировать чистый лист бумаги и заплетать волосы цветными ленточками, Дума выпекала как горячие пирожки. Угнетать граждан в качестве избирателей, митингующих, блогеров было легко и приятно: про себя правящая бюрократия точно знает, что никогда не окажется никем из этого списка, и сдержек на пути репрессий у нее нет. Но собственность и коммерческие интересы есть. Вдобавок считается, что ограничение политических прав не вызывает в народных массах протеста, а вот с раздеванием на морозе надо бы поаккуратнее, ибо мало ли что.

«Цветущая сложность» — еще далеко не демократия. Борьба кланов — плохая замена политиче-

ской конкуренции. Но в условиях истощения ресурсной базы входной билет в систему дешевет: все большее количество групп интересов может рассчитывать поучаствовать в этой борьбе. Если отбросить эстетические критерии, это куда больше похоже на настоящий парламентаризм, «как у взрослых», чем ситуация 2003–2011 гг.

14.04.2015

ПАТРИОТИЧНЫЕ ТЕРМИТЫ

*о том, как думские инсайдеры
используют «политическую линию»
для продвижения
чьих-то
персональных
интересов*

Законопроект об ограничении иностранного участия в СМИ внесен 17 сентября тремя депутатами, ни один из которых не является членом «Единой России» и не занимает значимой думской должности. Что проект на самом деле проходной, стало понятно через пару дней, когда в его поддержку высказались сперва вице-спикер Железняк, а потом и спикер Нарышкин. После этого список инициаторов немедленно пополнился четырьмя единороссами (включая известного депутата Сидякина). Напомню, что инициаторы законопроектов о запрещении иностранных усыновлений и о регистрации иностранных агентов записали весь состав палаты. Принудительную регистрацию иностранных агентов, обязательное оповещение о двойном гражданстве и хранение персональных данных в России инициировал депутат Луговой: хоть и не единоросс, но человек заслуженный, пострадавший в некотором роде на службе родине. С интернет-платежами успешно борется депутат Яровая со товарищи — видный член партии и председатель профильного комитета по безопасности.

Но не одним единороссам счастье. В конце весенней сессии 2014 г. Дума приняла пакет законопроектов о рекламе (запрет рекламы на кабельных каналах, разрешение рекламы пива и проч.), внесенный членом «Справедливой России» Игорем Зотовым. От внесения до третьего чтения прошло 11 дней — срок, невиданный даже для нынешнего созыва (быстрее, за три дня, прошел только закон о присоединении Крыма). Кто этот могучий депутат Зотов, чьи инициативы одобряются с президентской скоростью? Примерно тот же, кто и депутат Парахин, чей проект закона об иностранном участии в СМИ имеет все шансы быть принятым в третьем чтении через 10 дней после внесения.

В Думе вам скажут: да просто крупнейший продавец рекламы на федеральных каналах решил окончательно сделаться монополистом. А заодно прикрыть телеканал «Дождь». Да просто владелец медиахолдинга решил скупить доли своих иностранных партнеров подешевле. А заодно прикрыть «Ведомости» и Forbes Russia. «Никакой политики — просто бизнес» — один из самых распространенных и бессмысленных комментариев. Куда точнее сказать, что сейчас, наоборот, нет никакого «бизнеса»: только политика.

Базовое свойство гибридной политической системы состоит в том, что никакое утверждение не описывает ее полностью. Если частично верно положение X, то частично верным будет и противоположное положение Y. Решения принимаются в режиме ручного управления и только первым лицом? Да, но решения принимаются и анонимной бюрократией с размытой ответственностью. Элита запугана и выстроена по принципу личной лояль-

ности? Да, но по этой же причине те, кто находился внутри системы в момент ее входа в кризис, имеют значительные права и властные возможности. Парламент — это резиновая печать, автоматически штампующая все, что вносится? Да, но это и черная биржа, на которой властные группы и акторы торгуются за распределение сокращающихся ресурсов.

В Думе происходят интересные вещи. Все привыкли, что законодательный конвейер работает с ускорением, все быстрее принимая все больше законов. По итогам весенней сессии статистика впервые зафиксировала, что среди принятых законов доля депутатских инициатив превысила долю правительственных.

Что это значит? А вот что: политическая система наша закрытая и малопроницаемая, круг ее акционеров и бенефициаров постоянно сужается. Если это схватка бульдогов под ковром, то сейчас там остались только самые мощные бульдоги. Остальные изгнаны или съедены. Оставшиеся пока не могут победить друг друга — силы их примерно равны, но каждый может заблокировать каждого. Это сильно затрудняет принятие решений и заставляет участников перетекать в те отделы системы, где чуть больше свободного пространства. В последние годы стало трудно провести свою идею в качестве правительственного, а тем более президентского законопроекта: в правительстве и в администрации президента вас ждут конкуренты с таким же лоббистским весом, как ваш. Зато Дума — участок относительной открытости: там 450 депутатов, каждый хочет хорошо питаться и выступать по ТВ.

Какая разница, кто и по какой причине продвигает новые законы, если все они прекрасно впи-

сываются в единый изоляционистский тренд? Во-первых, то, что мы называем трендом или политической линией, для самих участников является скорее пропагандистской оберткой. Большого ума не надо, чтобы сформулировать свой персональный интерес так, как диктуют модные тенденции дня. Мне нужно отдать все деньги из Пенсионного фонда, потому что пострадал от санкций. Моим конкурентам нужно запретить ввозить в Россию рыбу, потому что я патриотичный отечественный производитель. Мои судебные штрафы надо оплачивать из бюджета, потому что иностранные суды выписывают мне штрафы из ненависти к России. Моих партнеров по медиахолдингу нужно заставить продать мне активы за бесценок: я защищаю отечественное информационное пространство от иностранцев. В эту игру может играть кто угодно: тут не надо быть большим патриотом — достаточно просто быть инсайдером.

Вторая причина вытекает из первой.

Любой публичный комментатор на вопрос, возможен ли в России внутриэлитный раскол, рефлексивно отвечает «нет, они все лояльны Путину». Как будто линией раскола является личное отношение кого-то одного к кому-то другому. В нашем случае реалистичнее представлять себе не мятежных гвардейцев с табакерками за пазухой, а термитов, поедающих уже довольно обгрызенный каравай. Их железные челюсти все чаще смыкаются не на новом куске, на ноге соседа — совершенно такого же уважаемого, влиятельного и глубоко патриотичного термита.

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКОГО СЕЗОНА: ОЦЕНКА УЩЕРБА И СМЕТА НА РЕМОНТ

В сети создан специальный ресурс «Запретили», где собирается информация о том, что нового запрещено россиянам. Популярный блогер объявляет конкурс на придумывание самого идиотского закона — гражданам тоже хочется творчества, не только депутатам. Поэтесса Вера Павлова пишет стихотворение о том, кому что запретили: балерине — фуэте, пианисту — ля-бемоль. В сетях распространяется «закон о запрете всего» и красивый плакат (правда, англоязычный) с «алфавитом российского законодательства», где на каждую букву что-нибудь запрещенное: экстремизм, НКО, Оскорбление Чувств, Двойное Гражданство, «Яндекс».

По запросу «Госдума запретила» пока функционирующий «Яндекс» выдает 5000 результатов за последний месяц, за год — 20 000. Самые распространенные — «Госдума запретила кружевные трусы» и «Госдума запретила иностранные слова». По приятному совпадению, ни того ни другого она не делала. Вопросы кружевных трусов, а также кед и туфель на шпильках относятся к внутренним разборкам членов Таможенного союза и решаются Комиссией ТС, а не российской Думой. А проект закона о штрафе за «неоправданное употребление» иностранных слов — типичная ЛДПР-инициатива «внеси странное и выиграй сто тысяч лайков ВКонтакте». Как большинство такого рода проектов, он был отклонен в первом чтении.

Обратимся к цифрам. Интенсивность работы палаты все увеличивается: в весеннюю сессию 2014 г. принято Думой и подписано президентом 199 новых законов (в весеннюю сессию 2013 г. их было 190, а за аналогичный период 2003 г. — 43). Что интересно — неудержимо растет законотворческая активность собственно парламентариев: впервые объединенным силам депутатов и сенаторов удалось перекрыть результаты исполнительной власти по числу принятых законов. В 2014 г. из числа подписанных президентом законов 81 был внесен депутатами, 80 — правительством, 28 — президентом. Для сравнения: в весеннюю сессию 2013 г. среди подписанных законов депутатско-сенаторских инициатив было 49, правительственных — 102, президентских — 20. Малоурожайной весной 2003 г. было одобрено 15 проектов, родившихся в Федеральном собрании, 23 правительственных и 11 президентских (расчет исследовательской группы «Страноведение» на основе данных АСОЗД).

Три вида и три степени общественного вреда

Как разобраться в 50 оттенках законотворческой продукции? Степень общественного вреда от законопроекта не всегда соотносится с тем шумом, который вокруг него поднимается, — популярная конспирологическая версия «они подсовывают нам свои кружевные трусы, чтобы отвлечь от Самого Страшного, что происходит за кулисами» не совсем верна. Медиа есть медиа, и трусы им всегда будут интереснее поправок в закон о банках и банковской деятельности.

По степени вредного воздействия на правовое пространство принимаемые законы можно разделить

на три группы. К первой относятся прямые запреты на разного рода действия: ходить на митинги, материться, курить, призывать к сепаратизму, осквернять праздники, отдавать сирот на усыновление иностранцам. Они, как ни странно, наименее токсичны, хотя и причиняют страдания и неудобства гражданам. Вред от них легко устраним: локальный запрет как приняли, так и отменили, а навык ходить на митинги утратится, только если запрет просуществует в неизменном виде 40 лет (спойлер: не просуществует), да и то не факт, если вспомнить пример советской власти. В России суровость законов компенсируется не их неисполнением, как обычно думают (плохие законы исполняются, этим-то они и ужасны), а их нестабильностью. Тут главное — не попасть под раздачу: тем, кого посадят за непочтение к памятным датам, будет не легче от того, что соответствующую статью в УК поменяют через три года, а неусыновленный сирота вообще умрет, его не вернешь. Но, как это ни цинично звучит, общество всегда переживет любое несчастье отдельных своих членов. Точечные запреты ухудшают жизнь, но не разрушают правовую систему: это как если бы в доме ободрали обои и написали на них нехорошее — жить среди этого тяжело, но крыша от такого не рухнет.

Вред второго порядка наступает от законов, уничтожающих организации и разрушающих институты. К таковым относится все ужесточение законодательства об НКО, принятый в первом чтении закон «Об общественном контроле», новая версия закона «О местном самоуправлении», фактически отменяющая выборы мэров, введение любых фильтров и заградительных мер на региональных и федеральных выборах. Почему отменять выборы и убивать политическую конкуренцию — это

хуже, чем обижать курильщиков, ведь курильщиков у нас едва ли не больше, чем активных избирателей? Потому что институты, чтобы жить, должны непрерывно функционировать. Говорят, архитектура — это застывшая музыка, так вот в этом же смысле институты — это застывшие процессы. Если политический процесс не идет, политический институт разрушается. Восстановление его — дело долгое, даже если соответствующий вредный закон будет изменен в лучшую сторону. НКО, которые прекратят свою работу из-за норм закона об иностранных агентах, не просто не помогут людям, нуждающимся в их помощи, но и исчезнут как организации — ячейки гражданского общества. Разрушение горизонтальных структур и публичных институтов — это древесный жучок, съедающий перекрытия в доме. Именно так разрушается стабильность — не та, которая состоит в процентах обожания главы государства, а та, которая не дает гражданам внезапно решить, что сейчас самое время пойти поубивать друг друга.

**Я депутат, я не хочу ничего решать,
я хочу георгиевский бантик**

Третий вид законотворческого безобразия выглядит невинно и, кажется, мало затрагивает рядового гражданина, но, по сути, подкапывается под самый фундамент государственного устройства.

Известно, что с планированием в Думе тяжело и принимаемые в начале сессии планы имеют мало общего с тем, что обсуждается и принимается на самом деле. Любая сессия неизменно заканчивается повестками пленарных заседаний из 90 пунктов и предложениями принять нечто в трех чтениях

сразу и без обсуждения. Самые большие любители принести в палату нечто срочное, когда депутаты уже хотят в отпуск, — это министерства и ведомства, особенно финансовые. В горячие дни конца сессии правительство имеет обыкновение вносить и проводить проекты, вежливо называемые в Думе рамочными, т. е. такие, которые либо прямо отдают все решения по вопросу в руки исполнительной власти, либо предполагают разъяснения в виде положений и регламентов, которые само профильное министерство и напишет.

Примеры такого рода проектов: упомянутый закон о платежных системах, закон о ликвидации корпорации «Олимпстрой», об освобождении сделки с продажей Франции «Мистралей» от НДС, о разрешении ВЭБу привлекать до 7% всех средств фонда национального благосостояния, о разрешении ВЭБу тратить средства фонда национального благосостояния на покупку привилегированных акций коммерческих банков, о передаче правительству права определять, какими банками могут пользоваться стратегические предприятия (какие предприятия считать стратегическими — тоже определяет правительство).

Хороши или плохи эти законы? Видно только, что в каждом из них есть богатая коррупционная составляющая, что все они внесены правительством, содержательно сводятся к тезису «деньги отдай, а сам уйди» и Дума принимает их быстрым темпом и без особенного обсуждения. В условиях, когда можно провести любой закон, у правительства есть большой соблазн написать для самого себя глобальный законопроект «Все разрешено», который красиво идет в сочетании с проектом «Все запрещено», предназначенным для граждан.

Дума по-прежнему обладает значительными полномочиями по распоряжению бюджетом, но не пользуется ими. И когда правительство решит вернуть налог с продаж, переместить пенсионные накопления в неизвестном направлении или еще как-то порадовать россиян финансово, у него будут все возможности это сделать, не спрашивая законодательный орган.

Одновременно исполнительная власть очень любит выглядеть миротворцем, купирующим вред от разбушевавшегося законодателя. Например, Минюст предлагает снизить (но не отменить) штрафы для НКО или санкции за посещение несанкционированных митингов. Роскомнадзор объясняет, как именно он будет — или не будет — блокировать торренты за пиратский контент. Минкульт и Минэкономразвития совместно посоветовали депутату Говорухину отозвать пакет поправок к антипиратскому законодательству, предполагавших досудебную блокировку сайтов за пиратский видеоконтент. Центробанк уверяет, что договорится с Visa и MasterCard, и они не уйдут немедленно из России вопреки принятому закону об обязательных обеспечительных мерах для иностранных платежных систем. То есть выходит, что сперва неосмотрительный депутат что-то ужасное предложил или принял, а потом пришел добрый министр и все уладил — поблажка вышла, голову не отрежут, а всего лишь ухо оторвут.

Самобеглый принтер

Образ Думы в глазах россиян двоятся: с одной стороны, это формальный орган, бесправный придаток исполнительной власти, единогласно испол-

няющий волю Кремля. С другой — страшный бешеный принтер, который скачет, как ожившая мочалка из Мойдодыра.

Есть, однако, одна правовая истина, о которой часто забывают. Сама по себе Дума ничего никому запретить не может, иначе как самой себе в рамках регламента палаты. Вопреки распространенному мнению, Дума не принимает законов — она одобряет законопроекты в трех чтениях. Ни один проект, умный или безумный, не станет законом без санкции Совета Федерации и подписи президента. Однако почему-то нигде не видно заголовков «Совет Федерации изгнал из России мат» или «Владимир Путин запретил курить везде». Все, что запрещено, запрещено Думой — она как-то разом и могучая, и бессильная, как сама матушка-Русь.

Весенняя сессия началась для палаты с лекции Ларисы Брычевой, начальника Главного государственного правового управления (ГГПУ) администрации президента, в которой она упрекала законодателей в том, что они работают «неритмично», плохо все планируют, сваливают всю повестку к финалу сессии и, главное, слишком часто меняют законодательство. ГГПУ — это, собственно, центр законотворческого планирования и контроля, расположенный непосредственно в Кремле. Мимо них мало того что не проходит ни одна инициатива — большинство тех, которые принимаются, там и пишутся. То есть человек, нажимающий на кнопку Print, говорит принтеру: а что это ты так много печатаешь, всю бумагу у меня перевел.

Схема, в которой парламент одновременно лишен законотворческих полномочий и нагружен ответственностью за результаты законотворческой деятельности, неизбежно вызывает к жизни попытки

как-то ограничить этот злокозненный орган. Если ваши рога украсили цветными ленточками и торжественно ведут в уединенное место на краю обрыва, то примерно понятно, к чему дело клонится. Заметная тенденция сессии — попытки ввести какие-то формы императивного мандата, сделать депутатский статус переходящим в зависимости от хорошего поведения носителя, ограничить полномочия пленарного заседания, передав их совету Думы (органу куда менее публичному, заседающему в закрытом режиме), а самим депутатам запретить докладывать о законе дольше семи минут. Кто в здравом уме будет бороться за право депутата разговаривать дольше семи минут? Их и три минуты слушать невыносимо. Однако к чему все это сводится? К тому, что одну из ветвей власти предлагается отпилить, потому что она какая-то кривая и некрасивая.

04.07.2014

БЕНЕФИЦИАРЫ МРАКОБЕСИЯ

278 новых законов — в ходе весенней сессии, 1615 законодательных новелл — с начала работы Госдумы VI созыва, избранной в декабре 2011 года Два представления о деятельности Государственной думы можно с равной частотой встретить в публичном пространстве: что она представляет собой бессистемно работающий «бешеный принтер», оперируемый безумными или жаждущими общественного внимания депутатами. Или что это лишенная собственной субъектности «резиновая печать», штампующая все, что присылают из правительства и Кремля.

Со стороны работа Думы может выглядеть хаотичной, иррациональной и легкомысленной или сводиться к одному сюжету о «запрете всего», но для самих властных групп и акторов — участников процесса — речь всегда идет о приращении, уменьшении и перераспределении властного ресурса. За каждым новым законом — будь это закон о создании нового районного суда или поправка в правила хождения внутреннего водного транспорта — стоит вопрос о власти. А в российской политической системе властный (административный) ресурс есть ресурс материальный.

Каратели и правоприменители

Кто вообще заинтересован в постоянном принятии новых законов? Каково бы ни было содержание законодательной нормы, определенный

властный орган (министерство, служба, прокуратура) будет следить за ее исполнением и карать за ее неисполнение. В этом смысле сама нестабильность правового поля — частые непредсказуемые изменения законов — в интересах государства и не в интересах гражданина. Этим, среди прочего, объясняется непрерывный процесс исправления исправленного: как только законопроект становится законом, в него немедленно начинают вноситься новые изменения.

Так, действующий закон «О некоммерческих организациях» был принят в 1996 году и с тех пор менялся 63 раза, в том числе в течение VI созыва — 30 раз. С точки зрения общества, новое законодательство об иностранных агентах мотивировано однозначно: это репрессии, направленные против горизонтальной гражданской активности. Но кто оказался выгодоприобретателем этой деятельности? Ответ: Министерство юстиции РФ, которое ведет реестр иностранных агентов. Мало кто помнит, каким скучным и малозаметным было это ведомство еще несколько лет назад: за два года ударного правоприменения министерство превратилось фактически в силовое ведомство — «генпрокуратуру для НКО». Для бюрократической структуры репрессивные полномочия — это новые штатные единицы, дополнительные бюджетные средства, медиаприсутствие, а главное — административная валюта для межклановой торговли.

Административная биржа

В российской политической системе власть принадлежит коллективной бюрократии, чье распределение между ветвями власти носит столь же ус-

ловный характер, как и распределение депутатов по фракциям внутри самой Думы.

Однако это не значит, что в процессе обсуждения законов не происходит столкновения групп интересов — просто эти группы не разделяются по ведомственной и фракционной принадлежности. Классический пример: ежегодная борьба вокруг акцизов на алкоголь, разыгрываемая при каждом принятии федерального бюджета. В это время Дума разделяется на две партии: партию пива и партию водки: первая лоббирует повышение акцизов на крепкий алкоголь, вторая — на слабоалкогольные напитки. В былые времена партию пива составляли скорее либералы, потому что пивоваренные заводы были плодами новых иностранных инвестиций, а партию водки — скорее коммунисты, поскольку производство и транзит спирта был бизнесом губернаторов центральных областей — бывшего «красного пояса». Третью партию неизменно составляет Минфин, заинтересованный в пополнении бюджета любой ценой. Политические различия во многом стерлись, но битвы с участием депутатов, отраслевых союзов и прессы по-прежнему разыгрываются в Думе каждую осень.

Под ковром

Основные сюжеты парламентской сессии значительно отличаются при взгляде снаружи и изнутри. Между тем коллективная бюрократия, парламентская, правительственная и кремлевская, всегда занята только собой. Что же ее занимало, прежде всего, в первой половине 2015 года?

Нынешний председатель ГД Сергей Нарышкин обладает большими внешнеполитическими амби-

циями, чем любой из его предшественников. Под его руководством Государственная дума стала много заметнее на международной арене: инструментами для этого служили институты межпарламентского сотрудничества. С российской стороны это называлось «не прерывать диалога» и «доносить свою позицию, используя все конструктивные площадки».

Весь предыдущий год шла драматическая переписка и взаимные звонки Нарышкина и председателя ПАСЕ Анн Брассер, принятые и отвергнутые приглашения на сессии ПАСЕ, лишение российской делегации права голоса и ее демонстративные уходы из зала заседаний. Казалось, после Минских соглашений политика диалога должна была пойти полегче, но тут Нарышкину отказали во въезде в Финляндию. Вслед за ним на сессию парламентской ассамблеи ПАСЕ отказалась ехать вся российская делегация (кроме депутата Николая Ковалева), а ассамблея приняла неприятную резолюцию о российской агрессии на Украине. Тем не менее ни из ПАСЕ, ни из ОБСЕ Россия не вышла, делегации и дальше планируют ездить всюду, куда пускают, а председатель ГД продолжает настаивать на «продолжении диалога». Чтобы такая политика не выглядела подозрительно внутри страны, ее приходится компенсировать максимально лоялистскими заявлениями и статьями об американском колониализме и жалких клоунах.

После реформы бюджетного процесса 2005–2007 годов Дума потеряла значительную часть своего влияния на распределение бюджетных средств, перестав быть сколько-нибудь значимым переговорным партнером для правительства, бизнеса и региональных

лоббистов. Кто не распоряжается деньгами, с тем разговаривать особенно не о чем. Но экономический кризис вынуждает правительство постоянно перекраивать бюджет, а это требует депутатского участия.

Руководство парламента и бюджетного комитета ГД увидели свой шанс и всю первую половину 2015 года не оставляли попыток им воспользоваться. Дума, например, добилась от правительства регулярных отчетов об экономической политике и вычеркнула из представленного в январе антикризисного плана пункт, позволяющий правительству менять бюджетную роспись по собственному усмотрению, не согласуясь с парламентом, депутатам удалось провести и некоторое количество собственных поправок в бюджет.

Венцом думской бюджетной реконкисты должно было стать принятие поправки в Бюджетный кодекс, создающей парламентскую комиссию по перераспределению бюджетных ассигнований. Комиссия должна была формироваться депутатами и сенаторами на паритетных началах и рассматривать перемещения средств внутри бюджета в межсессионный период. Проект был внесен Сергеем Нарышкиным и председателем бюджетного комитета Андреем Макаровым в последний день сессии, будучи подготовленным накануне ночью. Министр финансов Антон Силуанов тогда заявил, что создается надконституционный орган, вторгающийся в полномочия правительства, — однако Дума одобрила проект в трех чтениях сразу. Но уже 8 июля закон отклонил Совет Федерации, крайне редко пользующийся этим своим правом (всего 18-й случай за весь VI созыв).

Но продолжение следует: вопрос о бюджетной комиссии будет вновь рассматриваться осенью. На об-

щее направление бюджетной политики это никак не повлияет: социальные расходы будут урезаться, а военные — расти. Однако для инсайдеров важно не то, как распределяются деньги, а то, кто их распределяет.

Предвыборные маневры

В отличие от потребителей и интерпретаторов соцпросов, сами властные инкубенты не заблуждаются относительно масштабов собственной популярности и народной к себе любви. Вся законодательная подготовка к выборной кампании 2016 года сводится к мерам по ограничению доступа граждан к избирательным участкам и сужению поля их выбора (в этом единственный смысл переноса выборов с декабря на сентябрь). Другое направление — легализация организованного полицейского насилия, призванного защитить новоизбранных от избирателей (новые права полиции по разгону массовых акций и ФСИН — по подавлению тюремных бунтов). А то, что избиратели могут опять возмутиться, как было в 2011-м, судя по законотворческим инициативам, не сомневается никто.

На решение этой задачи направлены не только упомянутые выше законопроекты, но и закон о «праве на забвение», позволяющий скрыть потенциально опасную информацию о кандидатах и партиях (к нему, кстати, уже имеется дополнительное предложение ФСБ по засекречиванию информации о владельцах недвижимости); и законотворчество, которое можно обобщенно назвать «конфискационным» (например, перенесенный на осень закон о банкротстве физлиц); и даже закон об амнистии капиталов (новые миллионы придут в стагнирующую экономику).

Традиционно все потенциально неприятные для избирателя новации принимаются до начала выборной кампании. Хотя логичнее было бы опасаться не новостей о принятии нового закона, а самого эффекта его действия — однако законотворцы, видимо, полагают, что к тому моменту все уже позабудут, кто это все принимал, и виноватым окажется все равно обобщенное «правительство».

Цена вопроса

Существует ли у Государственной думы собственный политический интерес — не как у бюрократического муравейника, а как у самостоятельно политического субъекта? Поскольку «самостоятельный» звучит почти как «оппозиционный», поверить в думскую самостоятельность наблюдателю затруднительно.

Все исследования отмечают снижение уровня прямой коррупции: на Охотный Ряд больше не приносят «аргументы в чемоданах». На самом деле изменилась форма оплаты — с налички на близость к важным кабинетам — и источники: коммерческий лоббизм растворился в лоббизме ведомственном.

В этих условиях интерес депутата, как и любого чиновника, состоит в том, чтобы сохранить себя внутри коллективной бюрократии, распределяющей в России все земные блага — должности, недвижимость, деньги, иммунитет от уголовного преследования. Неважно, получишь ли ты мандат в новом созыве или место в министерстве или госкорпорации, — важно проявить достаточную лояльность, чтобы не выпасть из списка допущенных. Этим во многом объясняется и запретительный раж, и пу-

бличные припадки пропагандистского безумия со стороны людей, которые в частном общении вовсе не производят впечатления неадекватных.

Цена вопроса серьезно возросла: с тех пор как «заграница» стала для членов властвующей элиты малодоступной или ненадежной, у них нет иного источника безопасности, кроме членства во властной системе. Эта же система является, парадоксальным образом, и главным источником опасности — она наделяет благами, но она же может их отобрать, а вместе с ними — жизнь и свободу.

04.07.2014

ТРИ СТЕПЕНИ УЩЕРБА

*Классификация наследия
VI Государственной думы*

Шестая Государственная дума завершила свою работу. Пять лет, девять сессий, больше 6000 законопроектов на рассмотрении, 1816 новых законов (из них 383 — за последнюю сессию). В среднем за VI созыв каждую сессию принималось от 150 до 380 новых законов. Для сравнения: нынешний состав конгресса США с января 2015 г. одобрил 183 закона, в среднем за двухлетний созыв конгресса одобряется от 175 до 279 новых законов. Палата общин Великобритании за период с начала 2012 г. одобрила 145 Public General Acts (условный аналог наших федеральных законов).

Что делает законотворчество быстрым и почему полуавтократии умножают законы? Причин тому три — две плохие, одна скорее хорошая.

Первая причина нездоровой законодательной производительности носит общий политический характер и свойственна не только современному российскому политическому устройству. Нестабильная правовая среда как таковая выгодна государству и невыгодна гражданину. Государство — имплементатор любого нового закона. Каково бы ни было его содержание, какая-то часть административного аппарата станет трудиться над реализацией и карать за его нарушение. Любой новый закон — это новые полномочия и новые ресурсы. Гражданина же, как известно, незнание закона не

освобождает от ответственности — и одновременно постоянные перемены в тех правилах, по которым он живет, делают его в любой момент потенциальным нарушителем. Собственно, этот принцип стоит за известной фразой Тацита «*Corruptissima republica plurimae leges*» («Развратное правление множит законы»).

Во-вторых, система принятия решений, будучи закрыта от внешнего мира и доступна только сужающемуся кругу акторов и групп влияния, действует по принципу скорости и секретности: принятое решение должно быть внезапным и неожиданным. Соответственно, к процессу выработки решения, в том числе законодательного, не будет иметь доступ ни независимая экспертиза, ни общественное мнение. Выйдя в свет, решение это довольно часто оказывается не тем, что ожидали сам инициаторы, последствия его внедрения представляют собой фестиваль перманентных сюрпризов, и возникает нужда в немедленной доработке. Так было с продуктовыми антисанкциями, с запретами на рекламу на кабельных каналах, непрерывно правится и законодательство об общественных организациях, и закон о выборах. До 85% всей законодательной продукции, рассматриваемой Думой, — это не новые законы в полном смысле, а поправки в уже действующие. Принятие закона в нашей системе — не конец, а начало разговора о «регулировании» той или иной отрасли, области или сферы.

Третья причина, которую с некоторой натяжкой можно назвать светлой стороной парламентской ударности, состоит в следующем. Во многих автократиях, близких по своему типу России (латиноамериканских и ближневосточных), все актуальные вопросы политического бытия решаются

декретами или указами главы государства, а парламент играет действительно декоративную роль — не в том смысле, что он «ничего не решает», как у нас принято говорить, а в том, что ему нечего решать — нет нужды в новых законах. У нас «указное право» относительно слабо развито, число и значимость вопросов, решаемых указами президента, снижается от ельцинского правления к путинскому (см., например, Thomas Remington, *Presidential Decrees in Russia: A Comparative Perspective*, 2014). Действующий президент вопреки картине единоличной державности, рисуемой пропагандой, на практике предпочитает коллективные формы управления и распределение ответственности по всей административной пирамиде. То есть вместо того, чтобы иметь формальный парламент и наверху первое лицо, которое распространяет лучи своей благодати посредством указов, мы имеем парламент, который принимает большое количество законов, а они, в свою очередь, отсылают к еще большему количеству подзаконных актов.

Федеральный закон — по необходимости плод коллективного творчества, а парламент — по природе своей самый публичный из органов власти. Тот факт, что проекты новых законов приходят в парламент из различных органов исполнительной власти, а пространство публичности внутри самого парламента неумолимо сжимается, не отменяет, хотя и искажает эту закономерность. И в нынешних условиях законы готовятся и обсуждаются с большей степенью открытости, чем указы президента, и самая зарегулированная и централизованная Дума куда транспарентней, чем любое министерство, не говоря уж об администрации президента.

О завершившемся VI созыве мало кто скажет что-то хорошее. Даже прощальная речь президента на завершении весенней сессии — 2016 напоминала пересказ своими словами известного пассажа из рассказа О. Генри «Город без происшествий», когда добрые горожане пытаются помянуть добрым словом умершего пьяницу: «Один добродушного вида человек после долгих размышлений сказал: «Когда Кэсу было четырнадцать лет, он был одним из лучших в школе по правописанию». В заслугу парламентариям были поставлены те законодательные изменения, к которым они имели минимальное отношение, — так называемая крымская правовая интеграция. Со своей стороны, можем похвалить уходящий созыв за то, что он усилил интерес общества и СМИ к законотворческому процессу, принудительно привил гражданам начатки правовой бдительности в форме вечных опасений, не приняли ли чего нового и ужасного, а также вывел сайт АСОЗД, ранее посещавшийся лишь профильными специалистами и думскими сотрудниками, в число наиболее популярных в рунете.

Кроме того, VI созыв, не жалея себя, показывал России и всему миру, как именно не надо обсуждать и принимать законы и как именно не должен быть устроен работающий парламент. Скоростное рассмотрение и пренебрежение регламентной процедурой, увод значимых обсуждений в непубличное пространство, передача полномочий исполнительной власти с оставлением себе публичной ответственности, подчинение депутатов фракционному и партийному руководству и внедрение элементов императивного мандата — вот грехи против парламентаризма, уже следствием которых является появление репрессивных, конфискацион-

ных, ретроградных и в прямом смысле антинародных законов.

Вспомним, какого именно рода ущерб был нанесен уходящим созывом нашей правовой системе. Из того массива законов, которые были приняты, по числу и степени вредности можно выделить три группы.

Первая: самые медийные, привлекающие наибольшее внимание новые законы — это прямые запреты, нормы, которые запрещают что-то делать: ходить на митинги, ругать власть в интернете, иностранцам владеть СМИ, НКО принимать пожертвования из-за рубежа. К этой группе относятся и всякого рода ужесточения карательного и пенитенциарного законодательства — новые составы и сроки в УК, перевод ряда действий из сферы административного права в уголовное. К прямым запретам прижимают и прямые поборы: новые налоги и сборы, повышение разного рода акцизов и тарифов, замораживание накопительной части пенсий, перераспределение бюджетных доходов от граждан к самой административной машине. Запреты и поборы сами по себе губительны для тех, на чью голову они падают, но с точки зрения общего здоровья правовой системы они наносят сравнительно точечный и поправимый ущерб. Такого рода нормы легкоотменяемы, вред от них обратим.

Но эта категория тупых законодательных инструментов смыкается с более тонкими орудиями правового вреда: а именно с нормами, передающими полномочия вниз по административной пирамиде. Ключевым репрессивным рычагом в нашей государственной практике является не жестокость правовой нормы, а ее неопределенность. Это хорошо видно на примере большинства новых уголов-

ных норм об экстремизме, мошенничестве, положениях закона об НКО, касающихся иностранных агентов. Что такое экстремизм, как отличить предпринимательскую деятельность от мошенничества, что составляет политическую деятельность и иностранное финансирование, как выглядит пропаганда нетрадиционных семейных ценностей? Формулировки закона либо настолько обобщенны, что под них подходит что угодно, либо настолько туманны, что вообще непонятно, что имеется в виду. На практике это обозначает, что толкование правовой нормы передается в руки участкового, следователя, прокурора, судебного эксперта, сотрудника Минюста. Таким образом, Дума, прославившись как чуть ли не главный жандарм и сатрап нашего времени, наделяет полномочиями отнюдь не себя, а сотрудников исполнительной власти и правоохранительных органов. То же касается и законов об ужесточении контроля за интернетом, средствами связи, торговыми сетями или мобильными операторами — и там и там конечным бенефициаром будет структура исполнительной власти, чьим постановлением или инструкцией и будет регулироваться та или иная сфера, а закон только отсылает к этой инструкции.

Отдав все полномочия, карательные и финансовые, исполнительной власти, что же оставила Дума для себя? Третью категорию законодательных новаций можно назвать консервативными законами — не в смысле защиты «традиционных ценностей», которые неизвестно в чем состоят, а в буквальном смысле — нормы, направленные на максимально возможную консервацию существующего положения вещей. Это все изменения в электоральное законодательство, нормы об уча-

сти в выборах, о выборной агитации, о финансировании и дебатах, о статусе депутата и даже, как ни странно, о возможности лишения его мандата. При всей сложности и хаотичности этих законодательных изменений (только новая версия закона «О выборах депутатов Государственной думы», принятая в 2014 г., с тех пор уже подвергалась изменениям 8 раз) вся система фильтров, барьеров и запретов одушевлена одной целью — обеспечить максимальные преференции тем, кто уже внутри системы, и затруднить доступ в нее любым новым посторонним элементам, воспринимаемым системой как аутсайдеры.

Итак, ограничение политических и экономических свобод граждан, наделение новыми полномочиями исполнительной власти и силовых структур посредством принятия заведомо неопределенных норм и «остановка времени» в свою пользу — вот почти без остатка законодательное наследие VI созыва. На нем с самого начала лежало родовое клеймо сомнительной легитимности, от которого он пытался избавиться, присоединившись к внешнеполитической повестке, которую не формировал и влияния на которую не оказывал. В духе обычая непрерывного редактирования, которому будущий созыв тоже будет следовать, новеллы VI созыва, в свою очередь, подвергнутся пересмотру. В нашем случае это выглядит особенно сизифовым трудом, поскольку и принимающие, и отменяющие — преимущественно одни и те же люди. Легче всего будет в случае необходимости «гуманизировать» или «дебюрократизировать» предварительно ужесточенные или зарегулированные нормы — для любого будущего правительства или политического лидера (в нашем случае эта новизна не потребует

почти никаких персональных перемен) это будет легкий способ прослыть прогрессивным реформатором. Труднее — если кто-то и встанет перед такой необходимостью — будет выровнять дисбаланс ветвей власти и вернуть отечественному парламентаризму хотя бы часть полномочий и, что еще безнадежней, репутации. В этом отношении историческое наследие VI созыва рискует остаться с нами надолго.

28.06.2016

TO-DO LIST VII СОЗЫВА

Особенности законотворческого процесса в России таковы, что каждый новый созыв, более того — практически каждый новый год работы Думы, — создает свою собственную повестку. Только за прошедший VI созыв в Думу было внесено 7129 новых законопроектов, а принято 2200. Следовательно, 4929 проектов разной степени готовности ждут своего рассмотрения — и это только наследие одного созыва, а в думской базе еще болтаются законопроекты со II и III созывов, которые больше десяти лет не могут дойти до рассмотрения. Однако новый созыв традиционно стремится к тому, чтобы создать собственный набор вопросов, которыми и будет заниматься.

Дистанцироваться от прошлого

В конце каждого созыва, каждого года и даже каждой сессии инициаторы и заинтересованные группы торопятся довести свои законопроекты до окончательного рассмотрения, зная, что в следующем году, а уж тем более — в следующем созыве, все о них забудут. Особенно грустная судьба у «законодательных сирот» — проектов, чьи авторы не прошли в новую Думу или в случае с инициативами исполнительной власти лишились своих постов в правительстве и администрации президента.

Никому не интересны чужие проекты, унаследованные от прошлых созывов. В Думе время от времени устраиваются пленарные дни, которые на пар-

ламентском сленге называются «разбором законодательных завалов», когда быстро выносятся большое количество устаревших законопроектов и все их дружно отклоняют.

Тем не менее некоторые законопроекты, внесенные в прошлом созыве, имеют шансы быть рассмотренными 7-й Думой. Это прежде всего проекты тех депутатов, которые не только перешли в новый созыв, но и сохранили в нем свое иерархическое положение. Так, Павел Крашенинников не просто остался председателем комитета, каким он был с III созыва, а возглавил объединенный комитет по государственному строительству и законодательству (в прошлой Думе Крашенинников возглавлял комитет по гражданскому законодательству, теперь же его комитету переданы еще и функции упраздненного комитета по конституционному законодательству Владимира Плигина). Через этот «суперкомитет» будет проходить значительная доля всей законотворческой продукции: поправки в конституционные законы, в законы об органах власти и о выборах, все изменения в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский, Гражданско-процессуальный, Арбитражный кодексы и КоАП.

Новый КоАП был внесен группой депутатов (в основном членов ЕР) еще в декабре 2015 года, но до первого чтения не дошел. Поскольку основная идея новой версии кодекса — повышение штрафов как для физических, так и для юридических лиц, прежний созыв решил не преподносить такого красочного подарка избирателям под самые выборы, а оставить это наследство своим преемникам. Сейчас проект передан в комитет по законодательству и госстроительству, которому предстоит подготовить его к первому чтению.

Также стоит следить за личным проектом Павла Крашенинникова, известным в Думе под названием «день за полтора». Это поправки в уголовное законодательство, которые Крашенинников с 2008 года, пока без особенного успеха, продвигает. Согласно поправкам, день, проведенный в СИЗО, будет засчитываться за полтора или даже два дня лишения свободы в зависимости от строгости назначенного наказания. Если эта поправка будет принята и начнется пересчет сроков, на свободу могут выйти до 100 тыс. человек — это будет альтернативная амнистия, масштабнее многих предыдущих, принятых Думой в последние годы.

Снизить уровень шума

Есть задачи декларируемые, а есть те, которые придется решать на самом деле. Первоочередная задача, судя по всему, — дистанцироваться от предыдущего созыва и ауры «бешеного принтера», создав себе более приличный имидж. На это направлены все меры по усилению депутатской дисциплины: борьба с прогульщиками, с голосованием «за себя и за того парня», увеличение рабочего времени Думы, поправки в регламент, которые меняют порядок так называемого часа голосования. Нужно, чтобы депутаты чаще посещали зал пленарных заседаний, чтобы в новостях не было кадров с пустыми рядами, по которым бегают «дежурные по рядам» с чужими карточками для голосования.

Также следует ожидать своеобразного «прикручивания» публичной (и часто скандальной) активности депутатов. Как минимум речь идет об изменении публичного образа парламента, а задача-максимум — чтобы ГД больше не воспринималась как

источник непредсказуемых запретов (причем общественное мнение и медиа не делают различий между принятыми законами и высказанными намерениями, поэтому публичное поведение депутатов так же важно, как сам факт голосований).

Единственным фрикком нового созыва, насколько можно судить, назначен бывший депутат петербургского заксобрания, ныне член фракции ЕР Виталий Милонов. Должность ему выдали далекую от любого реального участия в законотворческом процессе — рядовой член комитета по международным делам, а в СМИ выступать он будет часто. Всем остальным, судя по всему, предписано вести себя прилично. В прошлом созыве таких милоновых был десяток, и они были не рядовыми депутатами, а председателями комитетов и вице-спикерами.

Один из наиболее активных и эффективных законотворцев предыдущего созыва, Ирина Яровая, не получила никакого комитета и даже в качестве вице-спикера не курирует свой прежний комитет (по безопасности и противодействию коррупции) — он достался вице-спикеру Владимиру Васильеву. К ее компетенции отнесены комитеты по вопросам семьи, женщин и детей, по жилищной политике и ЖКХ, по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (а также сотрудничество с Межпарламентской ассамблеей православия).

Вообще из вице-спикеров имеет значение только первый, отвечающий за повестку, за программу законопроектной работы. Им стал Александр Жуков, один из самых компетентных депутатов в новейшей истории российского парламентаризма. Все остальные заместители председателя преимущественно по очереди ведут пленарные заседания и встречаются с иностранными делегациями.

Искать деньги

В деталях предсказать, чем придется заниматься новой Думе, нельзя из-за особенностей нашего законодательного планирования. Повестка работы парламента не имеет никакого отношения к предвыборным программам партий (в том числе партии большинства), и ее содержание заранее не известно никому из участников законотворческого процесса.

Депутаты VI созыва, избираясь в 2011 году, и предположить не могли, что первые два года им придется заниматься построением каркаса репрессивного и изоляционистского законодательства, потом присоединять к Российской Федерации два новых субъекта, а в финале встраиваться в кампанию по поиску дополнительных средств для стремительно беднеющего бюджета. В программах партий и в напутственных речах президента, премьера или руководства Думы на открытии нового созыва ничего подобного не значилось.

Уже с середины 2014 года репрессивный законотворческий тренд уступает место «конфискационному» — конкурсу идей, как бы снять с граждан какие-нибудь деньги. Пошли проекты, в которых основным репрессивными инструментами стали не ограничение свободы, а повышение штрафов и всякого рода фискальные новации — сборы, тарифы, акцизы, платежи. В новом году основной заботой власти как исполнительной, так и законодательной, будет поиск ответа на вопрос: как извлечь доходы из граждан, не перейдя некую роковую границу, за которой наступает риск значимого социального возмущения. Этот процесс начался сразу с открытием нового созыва, с обсуждения двух бюджетных документов: поправок

в бюджет завершающегося 2016 года и проекта федерального бюджета на 2017 год.

А вот предположения, что новый созыв займется изменением Конституции, основаны преимущественно на магии ложно понятых цифр. То, что у одной из партий есть конституционное большинство, не имеет никакого отношения к вероятности внесения изменений в Конституцию. V созыв менял Конституцию, имея конституционное большинство (продление срока полномочий президента и парламента), VI созыв менял Конституцию, не имея конституционного большинства (Крым и Севастополь, поглощение Арбитражного суда Верховным судом). Предыдущие созывы меняли Конституцию в связи со слиянием субъектов РФ (присоединение автономных округов к областям и республикам), и никаких проблем с нужным количеством голосов ни разу не возникало.

Набрать вес

В той системе координат, в которой новому созыву придется действовать, его значимость неизбежно возрастет. Это связано и с экономическими обстоятельствами, и с политическими. Из-за экономического кризиса правительству приходится идти на ряд мер, обычно называемых «непопулярными», пытаться искать новые источники дохода и как-то сводить концы с концами. Это означает постоянное обращение к Государственной думе, поскольку все изменения такого рода проводятся через федеральные законы. И это возможность для парламента повысить свою роль в постоянных переговорах с исполнительной властью. Раньше любые возможные противоречия просто заливались большими деньгами — сейчас придется договариваться.

Есть и политическая причина: мы находимся в первой трети большого электорального цикла, который начинается за некоторое время до парламентских выборов и заканчивается президентскими. Это период турбулентности, нестабильности для политической системы. Дума его уже прошла, всем остальным это только предстоит. Мы не знаем, когда именно пройдут президентские выборы, и не можем быть уверены даже в том, кто будет в них участвовать. В этих условиях коллективный орган обладает более устойчивой легитимностью, чем ряд других элементов политического механизма. Хотя парламентская легитимность оказалась не такой высокой, как ожидалось: явку слишком успешно снизили, а призыв к честным выборам не был услышан руководством ряда территорий.

Но в любом случае мы имеем коллективный орган, половина состава которого выбрана напрямую населением — относительно легитимности одномандатников обычно меньше сомнений, чем относительно списочников: избиратели голосовали за них лично, а не за партийный бренд. Такой парламент может играть более важную роль в политической системе, чем его предшественник — VI созыв. Новое руководство палаты постарается ради самих себя это влияние еще усилить.

25.10.2016

ЧЕМ ЗАЙМЕТСЯ НОВАЯ ДУМА

Как генералы всегда готовятся к прошедшей войне, так эксперты предпочитают анализировать реальность вчерашнего дня — еще и потому, что именно о ней их чаще всего спрашивают. Относительно текущей парламентской кампании обычно задается вопрос, сколько процентов получит та или иная партия, — или еще проще: сколько получит «Единая Россия», больше 225 или больше 300 мандатов? Эти вопросы были бы актуальны для кампаний 2007 и 2011 гг., хотя и там партийные результаты не находились в прямом соотношении с последующей деятельностью парламента. В 2016 г. проценты партий — наименее значимый показатель для попыток предсказать, какой будет новая Дума и как она станет работать. Тому есть две причины, общая и ситуативная.

Причина общего характера относится к известному парадоксу об авторитарных выборах с предсказуемыми результатами и непредсказуемыми последствиями. В демократиях дело обстоит наоборот — результаты никогда заранее не известны, но любой вариант имеет прогнозируемые последствия. В нашем случае программы и предвыборные заявления партий имеют условное отношение к их последующему политическому поведению: наиболее заметные инициативы VII Думы ни в каких партийных программах и предвыборных обещаниях не значились. Если кто-то помнит, «Единая Россия» в своей программе 2011 г., основанной на предвыборных выступлениях президента и премьера, обе-

щала «раскрутить маховик экономического развития темпов роста до 6–7% в год, а за следующие пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира», а также «помогать нашим компаниям, которые пробиваются на мировые рынки с современной продукцией». «Справедливая Россия» намеревалась, среди прочего, добиться выборности членов Совета Федерации и подписания Россией конвенции ЮНЕСКО об охране памятников нематериального наследия. Конвенция на данный момент не ратифицирована, никаких инициатив на эту тему за пять лет пребывания в Думе фракция не вносила. Запрещать зарубежное усыновление, ограничивать свободу собраний, передачи информации и деятельность общественных организаций не обещал никто — даже в самых общих терминах «защитим наших детей от иностранных безобразий» или «обеспечим истинный суверенитет гражданского общества».

Это частично объясняется тем, что работу парламента определяет исполнительная власть, а ее повестка, в свою очередь, связана с рядом внешних и внутренних факторов, которые властная машина не контролирует или контролирует в условной степени. То есть Дума зависит от правительства и администрации, а правительство и администрация — от цены на нефть, американских выборов и результатов борьбы групп влияния за экономические и силовые ресурсы.

Кроме того, известно, что к участию в выборах допускаются только так называемые системные акторы — т. е. те, кто самой системой осознается как не несущий угрозы ее равновесию. А лоялизм предполагает не твердое следование определенной системе убеждений, а умение гибко меняться в гармонии с изменениями начальственных позиций и пожела-

ний. Поэтому большинство, полученное той или иной системной партией, не обозначает новой законодательной политики — сама победившая партия никогда заранее не знает, какие именно законы она будет в Думе инициировать и поддерживать.

Вторая причина, по которой результаты партий не покажут нам адекватную картину будущей парламентской жизни, касается обстоятельств именно этой предвыборной кампании. Половина новой Думы избирается по одномандатным округам. Большинство будущих депутатов-одномандатников будет выдвинутыми партиями, некоторые — представителями партий, которые в Думу не пройдут, возможно появление нескольких независимых депутатов-самовыдвиженцев. Для одномандатников в еще большей степени, чем для кандидатов-списочников, партийная принадлежность имеет ситуационный и утилитарный характер. Поэтому говорить о «партийных одномандатниках» — это примерно как приписывать общие убеждения пассажирам одного троллейбуса: объединяет их только то, что всем надо ехать в одну сторону. Партия для них в чистом виде средство передвижения, а они для партии — способ закрыть тот или иной округ, подобрав кандидатуру, удовлетворяющую двум редко сочетающимся критериям — избираемости и лояльности. Таким образом, то, от какой партии одномандатник избрался, довольно мало говорит о его персональных качествах и убеждениях и почти ничего — о том, как он поведет себя в новой Думе.

Уже сейчас, не дожидаясь 19 сентября, можно видеть, что будет определять повестку нового созыва. Базовых сюжета будет три:

1. Новая структура — власть и должности. Действующий регламент Думы не предусматривает ни-

каких депутатских объединений, кроме фракций, сформированных прошедшими в парламент партийными списками. Не входит во фракцию депутат не может, выйти из фракции тоже нельзя — можно только быть исключенным из нее. Этот регламент отражает реальность предыдущих двух созывов, когда Дума формировалась только по пропорциональному принципу. Что делать с одномандатниками, представляющими не прошедшие в Думу партии, или одномандатниками-самовыдвиженцами, если такие в Думе появятся? Что еще важнее, партийные одномандатники захотят иметь собственные думские объединения, а не влиться каплей в безразмерную фракцию большинства. Депутатское объединение — это места в совете Думы, должности вице-спикеров, председателей и заместителей председателей комитетов, кабинеты и автомобили, власть и ресурсы. Одномандатники куда прочнее связаны с региональными элитами и группами интересов, чем с партийным руководством и политическим менеджментом в Москве. Их мандат дороже стоит и больше защищен, чем мандат списочника: хотя по принятой под занавес VI созыва поправке лишить статуса можно любого депутата, но списочника просто заменяет следующий по списку, а в одномандатном округе надо проводить повторные выборы, вновь тратя деньги и силы на поиск проходного кандидата. Понятно, что администрация президента и руководство Думы сперва будут пытаться предложить потенциальной региональной фронде суррогаты в виде «межфракционных объединений» и иных неформальных клубов по интересам. В начале созыва, пока опыта у новых депутатов нет, это может иметь успех. Но по мере работы Думы вопрос о представительстве и полномочиях вне партийных

структур неизбежно возникнет снова, так что ради равновесия системы было бы разумнее решить вопрос сразу — но это потребует малореалистичного уровня политической проницательности.

2. Новая экономическая норма — бюджет повышенной суровости. Трехлетнее бюджетное планирование, введенное в 2006 г., умерло в 2015-м. Уже второй год подряд правительство вносит проект бюджета-однолетника. Причина — пресловутая волатильность, или непредсказуемость тех факторов, от которых основные параметры бюджета зависят. Для Думы это обозначает более существенную роль в бюджетном процессе, больше обращений правительства, которое вынуждено вносить правки в бюджет в режиме реального времени, и, следовательно, больше возможностей для торговли. Попытки вернуть себе бюджетные полномочия были скрытым сюжетом парламентской жизни 2014–2016 гг. Внесенный председателем Госдумы и главой бюджетного комитета законопроект о трехсторонней бюджетной комиссии (обязывающий правительство советоваться с представителями парламента при всяком передвижении средств между статьями бюджета даже в то время, когда Дума не заседает) был отклонен в Совете Федерации. Насколько это экстраординарное событие, понятно из статистики: за весь VI созыв Совет Федерации отклонил 23 принятых нижней палатой законопроекта, а одобрил 2195. Это, впрочем, не остановило инициаторов: проект аналогичного содержания был внесен главой комитета по бюджету через год после отклонения предыдущего — весной 2016 г. — и принят под самый занавес созыва. Дума будет продолжать бороться за бюджетные полномочия, пользуясь теми возможностями, которые дает экономический кризис. Тот же

кризис, или резкое сокращение бюджетных доходов, заставляет правительство искать способы сэкономить, а парламенту дает соблазнительную возможность выступить защитником трудового народа от резателей по живому из финансово-экономического блока и ЦБ. На менее публичном уровне парламент неизбежно станет площадкой и проводником интересов бюрократических групп, сражающихся за сжимающийся бюджет. Предвестники этих грядущих войн видны уже сейчас — Минфин предлагает уменьшить расходы на оборону и заморозить индексацию зарплат государственным и муниципальным служащим до 2019 г.

3. Повышение удельного веса. Состав Думы, избираемый в 2016 г., — это тот парламент, который будет работать во время высокой фазы большого электорального цикла 2016–2018 гг. Он станет свидетелем смены власти в Кремле — произойдет ли она в форме досрочных выборов, появления преемника или перевыборов в конституционный срок действующего главы государства. Если политика нового руководства ЦИК совместно с политическим блоком администрации президента будет успешной и выборная кампания завершится без ярко выраженных скандалов, то новый созыв будет обладать более устойчивой легитимностью, чем мог похвастаться предыдущий (многие странности в поведении которого объяснялись родовой травмой 2011 г.). Парламент, результаты выборов которого никто не оспаривает, состоящий наполовину из депутатов, избранных гражданами напрямую, — это значимый властный орган, особенно в условиях режимной трансформации, когда прочие элементы системы находятся в фазе неопределенности. Станет ли новым спикером амбициозный политический менед-

жер, старый партийный функционер или молодой активист-общественник, он (или она) с разной степенью ловкости, но с равным энтузиазмом будут работать на повышение веса Думы в системе властных сдержек и противовесов.

Каков в этой ситуации интерес граждан и принцип общественной пользы? С точки зрения улучшения качества законотворческого процесса важна атмосфера конкуренции, компромисса и договоренностей, которая может возникнуть только в отсутствие устойчивого дисциплинированного большинства. Если все должны торговаться со всеми и нельзя провести любое решение, просто дав указание руководству одной фракции, парламент работает как минимум медленнее — а в наших условиях это уже достоинство. А постепенно он начинает работать качественнее, поскольку конкурирующие стороны вынуждены использовать в своей борьбе и внешнюю экспертизу, и прессу, и общественное мнение. Поэтому для новой Думы пять фракций будет лучше, чем четыре, а еще лучше было бы появление наряду с фракциями депутатских групп — объединений одномандатников — и независимых депутатов, ни в какие объединения не входящих. Поэтому гражданский интерес состоит в росте парламентского разнообразия, как за счет прохождения в Думу новых партий, так и за счет появления одномандатников, которые еще не были депутатами и которые представляют свои территории, а не московский телевизор.

Известный принцип политического успеха «предвидеть неизбежное и способствовать его наступлению» только кажется формулой чистого оппортунизма. На самом деле способствовать неизбежному нужно, чтобы оно наступило вовремя.

Неизбежная индустриализация, случившись с поддержкой, выразилась в массовом вымаривании крестьян. Неизбежная федерализация, если ее откладывать, реализуется в форме вооруженного сепаратизма. Новой Думе судьба быть одновременно менее единой и более значимой, чем ее непосредственные предшественницы. Но если ее состав опять определится административным ресурсом без участия избирателей, ей труднее будет сыграть эту объективно обусловленную роль.

11.09.2016

ПРОБУЖДЕНИЕ СПЯЩЕГО ПАРЛАМЕНТА

Свойства и особенности нового созыва, называемого ныне «володинской думой», были предсказуемы — и предсказаны — еще на этапе избирательной кампании, задолго до того, как стало известно, кто собирается быть ее председателем. Свойства созыва, как седьмого, так и всех предыдущих, определяются двумя объективными факторами: законодательной рамкой и политическими условиями.

I созыв, краткий и установочный, осваивался с новыми конституционными нормами и принимал первые законы, которых требовала свежепринятая Конституция РФ. Председатель его выглядел несколько растерянным.

II созыв, в котором доминировали коммунисты, был занят противостоянием с президентской властью, запомнился максимальным числом отклоненных президентом законов и пытался завести процедуру импичмента, но неудачно. Председатель его был прилично гибким коммунистическим функционером и умелым знатоком регламента.

III созыв, наиболее диверсифицированный политически, достиг некоторого баланса между фракционной конкуренцией и профессионализмом депутатского корпуса, принял наши базовые кодексы и законы, обеспечивающие свободу экономического оборота, и увидел образование из четырех «центристских» депутатских объединений устойчивого пропрезидентского большинства.

IV созыв стал последним, избранным по смешанной схеме — 225 партийных списочников на 225 одномандатников, и первым созывом партийного большинства. Он принимал законы, отменяющие губернаторские выборы, ужесточающие партийную систему и ограничивающие электоральные права граждан в целом, и учился быть не местом для дискуссий.

V созыв реализовал этот идеал, явив картину совершенной дисциплины и почти совершенной тишины. Дела его неизвестны, подвиг его малопонятен. Он пытался законодательно обслуживать «медведевскую модернизацию» и одновременно смутно оппонировать правительству с позиций обобщенно понимаемой левизны, продлил срок полномочий Думы до пяти и президента до шести лет. Председатель его почти всегда молчал.

VI созыв сперва в два года сколотил высокую законодательную виселицу — рамку нового репрессивного законодательства для участников выборов, партий, НКО, сирот, митингующих, верующих, СМИ, пользователей соцсетей и даже самих депутатов, которых стало можно лишать мандата простым решением палаты за туманные грехи. С большой неохотой принял закон о возвращении к смешанной системе выборов, не по своей инициативе изменил Конституцию, добавив России два новых субъекта Федерации, и к концу работы дополнил репрессивный законодательский вектор конфискационным — не только новые сроки, но и новые штрафы, сборы, более высокие акцизы и превращение всего бесплатного в платное, а платного — в дорогостоящее. Председатель его интересовался русской историей и Первой мировой войной, а в думские дела не

вникал и испытывал к ним, судя по всему, некоторую брезгливость.

VII созыв был первым с 2003 г., в состав которого вошли одномандатники. Технически это привело к увеличению представительства «Единой России» и образованию мегафракции из 343 депутатов, которую пришлось делить не на четыре, как в прошлых двух созывах, а на пять депутатских групп. Дабы замаскировать этот среднеазиатский эффект, образовавшийся от пересушенной — т. е. чрезмерно заниженной административными методами — явки и интенсивного электорального творчества отдельных регионов, добившихся увеличения своего представительства, посты в президиуме Думы и ее комитетах были распределены так, как будто сохраняется прежняя фракционная пропорция VI созыва, где «Единая Россия» не обладала конституционным большинством.

На нынешнем начальном этапе работы палаты одномандатники, гораздо теснее связанные с властными группами в своих регионах, чем с федеральным партийным и политическим менеджментом, пока не проявили себя политически — хотя этого можно ожидать в ходе обсуждений проектов федеральных бюджетов будущих лет. Тем не менее их появление значительно изменило состав палаты: там стало больше мэров, региональных чиновников и руководителей бюджетной сферы, меньше силовиков, спортсменов и федеральной номенклатуры (расчеты политолога Александра Кынева).

Второй после законодательного значимый фактор, определяющий политическую роль палаты, — ее место в «большом электоральном цикле». Что это значит? В условиях, когда исполнительная власть

живет неопределенностью каждого следующего дня, не зная, каков будет очередной поворот кадровой политики, насколько стабилен состав правительства, кто победит в очередной битве бесконечных войн силовиков и как будет выглядеть вся властная машина после выборов, Государственная дума уже избралась и обладает собственной хоть и скромной, но достаточно устойчивой коллективной легитимностью.

Вне зависимости от того, какова степень стратегической продуманности «перестройки системы власти в преддверии 2018 г.» и существует ли вообще какой-то план, пока эти пертурбации привели к явному ослаблению двух структур: правительства и администрации президента. Мы видим усиление альтернативных центров принятия решений по ряду сфер и тематик: Совета безопасности, ФСБ, Центробанка, Генеральной прокуратуры, госкорпораций и госбанков. Отдельные министерства ведут самостоятельную политику, в том числе и публичную, отдельные подразделения администрации президента делят сферы влияния между собой, картина «управление внутренней политики управляет всей внутренней политикой», очевидно, больше не соответствует действительности. В этих условиях стала возможной та немыслимая в былые годы ситуация, когда у Думы нет своего кремлевского куратора и палата фактически курирует сама себя. Более того, основным кандидат в эти кураторы, если он будет назначен, ничем не изменит это положение вещей, а только подчеркнет его.

Является ли всё описанное следствием каких-то особых амбиций нового спикера, которых его предшественники на протяжении как минимум трех предыдущих созывов были мистическим образом

лишены? Действительно, он первый со времен Геннадия Селезнева председатель Госдумы, знакомый с парламентской механикой и парламентской практикой, помнящий, как выглядели еще конкурентные выборы, и знающий о своих коллегах-парламентариях примерно все и немного больше. Однако, как показывает политическая история, когда объективные обстоятельства формируют запрос, для удовлетворения его всегда является подходящий политический актер.

Новая думская политика, которую обычно описывают как «стремление избавиться от ярлыка бешеного принтера» или «попытку увеличить собственный политический вес», велась в трех направлениях. Во-первых, борьба за законотворческое качество и дисциплину: сюда можно отнести как повышенные требования к депутатской посещаемости, так и отказ от практики принятия проектов «в первом чтении и в целом» и во втором и третьем чтении в один день, появление нового подразделения в правовом управлении, призванного помогать молодому законодотворцу, новую практику публичных парламентских слушаний, ряд мер по ограничению свободы права законодательной инициативы как депутатов, так и региональных законодательных собраний (система фильтров, фракционных и встроенных в Совет законодателей).

Как показывает статистика по итогам сессии, существенного снижения числа принятых законов и скорости их прохождения, если сравнивать не с горячим предвыборным 2016 годом, а с первыми весенними сессиями предыдущих созывов, не наблюдается. Не выросла и законотворческая эффективность региональных заксобраний, этих парий среди субъектов права законодательной

инициативы: в этом созыве ими был внесено 231 проект, законами стали только три. За первый год работы предыдущей Думы региональных инициатив было внесено 313, одобрено семь. Тем не менее некоторое снижение темпов и объемов законодательного вала — уже демонстрация добрых намерений.

Второе направление можно обозначить как задачу пряников, дополняющих дисциплинарный кнут. Это демонстрация ресурсных возможностей нового руководства: от законодательного увеличения бюджетной платы за голоса, полученные парламентскими партиями на выборах (с 110 до 152 руб. за голос, при том, что в 2012 г. каждый голос стоил 50 руб.), до повышенных компенсаций за транспортное обслуживание, роста числа оплачиваемых помощников, приоритета в приеме депутатов федеральными чиновниками и прокурорами, до мало-заметных регламентных поправок, уравнивающих, например, в правах руководителей внутрифракционных групп с руководителями фракций. Понятно, что внутрифракционные группы есть только у одной фракции — той, которая достаточно велика для этого. Имиджевые радости вроде договоренности с УДП о реставрации разрушающихся палат Троекуровых в думском внутреннем дворе с последующей передачей их Думе для приема иностранных делегаций можно отнести туда же.

Третье направление, как в сказке, самое трудно-проходимое. Это восстановление переговорных позиций в общении парламента и правительства, ослабленных долгими годами сервильности, утратой полномочий в бюджетном процессе в ходе реформы 2006–2008 гг. и базовым перекосом нашей конституционной модели.

Во время парламентских слушаний о бюджетной политике на 2018–2021 гг. в Думе состоялся следующий примечательный диалог между председателем и выступавшим представителем «Деловой России», который посетовал, что хаотичные законодательные изменения вносятся правительством и принимаются «депутатами от партии, которые правительство формируют»:

— А правительство какие партии формируют? Это интересно, — спросил спикер.

— Большинство! — нашелся выступающий.

— А как правительство формируют?

— Утверждают.

— Партии?

— Дума.

— А вот Дума об этом, да.

Понятно, что это больное место: никакой связи между составом парламента и составом правительства нет, нет и отчетности правительства перед парламентом, а есть только формальная процедура утверждения премьер-министра и декоративные — хотя и публичные — мероприятия вроде «правительственных часов».

Пока сохраняется такое положение вещей, Думе, как бы дисциплинированно, медленно и внимательно она ни рассматривала законопроекты и какие бы многолюдные слушания ни проводила, трудно рассчитывать на статус равного партнера в общении с исполнительной властью. Поэтому пока думские битвы за достоинство и независимость проходят преимущественно в поле символического: например, требование, чтобы на заседания комитетов представлять правительственные законопроекты являлись чиновники рангом не ниже статс-секретаря, или чтоб сотрудники управления

внутренней политики не приходили без спросу на заседания совета Думы, или чтобы министры заранее докладывали темы своих выступлений на правительственном часе (в конце 2016 г. один такой анонс доклада министра культуры совет Думы зарубил, сказав, что это все какие-то старые отчеты и мы такого слушать не хотим. Выступление перенесли на май). Впрочем, никогда не следует недооценивать поле символического в строго иерархизированных структурах. Герои Сен-Симона, бившиеся насмерть за приоритет пэров над королевскими бастардами, французских герцогов над иностранными князьями и право коленопреклоняться на подушечке, а не на коврике во время королевской мессы, поступали так не потому, что они были бездельники с ограниченным кругозором. За каждой дилеммой о табурете со спинкой или без спинки и дверях, открытых на одну или обе половинки, стоит вопрос о власти и месте в иерархии.

Но даже в ситуации описанного конституционного неравенства у Думы есть свои полномочия, прописанные в законе, но пребывающие в спящем состоянии. Это в первую очередь инструменты надзора за исполнением бюджета посредством Счетной палаты — которая, хотя все об этом забыли, есть орган парламентского бюджетного контроля, и аудиторы СП назначаются пополам Госдумой и Советом Федерации. Также Федеральное собрание назначает 10 из 15 членов Центральной избирательной комиссии. Уполномоченный по правам человека в РФ, которого все считают представителем президента, на самом деле назначается Государственной думой. Спит институт парламентского расследования — со-

ответствующий закон фактически не функционирует, все попытки его обновить не доведены до конца. Предыдущие инициативы создать комиссию для расследования каких-нибудь чрезвычайных происшествий, аварий или терактов, ассоциировались с оппозиционной деятельностью и пресекались, но на новом политическом этапе можно представить себе начало такой процедуры под вполне лоялистскими лозунгами — как было с публичным обсуждением законопроекта о московской реновации.

Обсуждение перспектив развития парламентаризма в отсутствие партийной системы, конкурентных выборов и контроля над правительством напоминают поиск ответа на вопрос детской викторины «Какое животное может жить без головы?». Пока максимальные успехи нового созыва выглядят как шаги к созданию «министерства по делам законотворчества» — единого властного органа под руководством компетентного «министра законотворчества», куда все заинтересованные стороны приносят свои законодательные идеи, а оно их неторопливо и качественно рассматривает, требуя к себе за это уважения и медийного внимания. Это не то чтобы парламент, ибо душа парламентаризма — политическая конкуренция ради представительства общественных интересов. Это скорее «административная биржа», торговая площадка для властных групп и акторов, но более публичная в силу своей конституционной природы, чем любые другие ведомства или силовые структуры. Тем не менее это уже явно не декорация, не потемкинская деревня и не нарисованный на холсте очаг. На том этапе снижения управляемости, роста рисков и увели-

чения амплитуды колебаний, в котором находится и будет в ближайшей исторической перспективе находиться наша политическая система, такой протопарламентский институт имеет шансы эволюционировать в нечто если не более демократичное в общепринятом смысле, то хотя бы более значимое и содержательное.

30.07.2017

БЮДЖЕТНО- ПРЕДВЫБОРНАЯ СЕССИЯ

Осень — время бюджета. Проект основного финансового документа на 2018 год правительство обещает внести 29 сентября. Каковы могут быть особенности бюджетного процесса для этой сессии? Это второй бюджет для нового созыва, причем предыдущий, бюджет на 2017 год, принимался фактически в экстренном порядке: парламентские выборы прошли в сентябре, в октябре обновленная более чем на 50% палата впервые собралась, и на головы новым депутатам (особенно много депутатов «первоходок» среди одномандатников) немедленно упал пакет бюджетных документов, к которому они не знали с какого конца подойти.

В некотором роде на это был расчет правительства: раньше парламентские выборы проходили в декабре, предыдущий бюджет утверждала опытная старая Дума, а у новичков была вся весна, чтобы освоиться и потренироваться. Благодаря смещению электорального календаря в 2016 году лишних вопросов парламентарии правительству не задавали, и бюджетный процесс прошел гладко.

Меж тем бюджетных средств больше не становится, и их распределение является предметом острой конкурентной борьбы. Основная арена этой конкурентной борьбы — не Государственная дума, а правительство и в первую очередь Министерство финансов в единстве и борьбе с отраслевыми и территориальными министерствами. Тем не менее даже на том финальном, но одновременно и наиболее открытом этапе бюджетного процесса, который

проходит в парламенте, можно ожидать попыток региональных депутатов что-то сделать для своих территорий. Это шанс для депутатов-одномандатников, часто куда теснее связанных с властными группами в своих регионах, чем с федеральным партийным и политическим руководством, проявить себя и осознать свою иную по сравнению со спичниками субъектность.

Весь первый год своей работы новая Дума трудилась на трех направлениях: повышала депутатскую дисциплину, усиливала медийное присутствие и участие во всех значимых публично-политических сюжетах и увеличивала свой удельный вес в торговле и переговорах с исполнительной властью. Последнее — самое трудное, и одними символическими шагами вроде требования присутствия чиновников не ниже первого замминистра при обсуждении правительственных законопроектов в комитетах тут не обойтись. Нужны полномочия — в первую очередь в сфере бюджета и налогов. Попытки такие делались еще в конце прошлого созыва: знатоки вспомнят сюжет с постоянно действующей бюджетной комиссией, против которой возражал Минфин, завернув уже принятый Думой законопроект на этапе обсуждения в Совете Федерации (случай для нашей парламентской практики очень редкий!).

Помимо внутренней думской повестки, осенняя сессия этого года будет проходить внутри «большого электорального цикла», постепенно приближающегося к своей высокой точке — марту 2018 года. Если посмотреть законодательную статистику за все предыдущие годы, мы увидим, что в предвыборный год, в особенности в последнюю сессию перед выборами, всегда резко повышается законотворческая активность депутатов. Депутаты, естественно, поль-

зуются теми инструментами, которые у них есть для привлечения общественного и медийного внимания — прежде всего это право законодательной инициативы.

Но это касается предвыборного этапа для самой Думы — с «президентскими» предвыборными месяцами ситуация сложнее. С одной стороны, это турбулентный политический период, в котором депутаты в частности и Государственная дума в целом хотят поучаствовать и свою долю медийного внимания приобрести. С другой стороны, депутаты понимают, что они не могут перебивать повестку у основного участника президентской избирательной кампании.

Таким образом, некоторое молчание депутатов и руководства палаты, которое пока наблюдается, с одной стороны, объясняется каникулами. Однако, с другой стороны, пока не объявлена большая повестка президентских выборов, пока сам основной кандидат не только не заявил свою предвыборную программу, но даже не объявил о своем участии в выборах, остальные игроки публичного медийного поля не должны перетягивать внимание на себя. В рамках нашей бюрократической этики это серьезное преступление, и никто не хочет себе такого позволять.

Это в первую очередь относится не столько к отдельным депутатам, у каждого из которых своя любимая тема, не зависящая от предвыборного хронометража, а к Думе в целом, которая должна идти в фарватере большого корабля. Пока непонятно, куда большой корабль плывет, остальные должны свои моторы несколько приглушить.

Интересно будет посмотреть, как это будет выглядеть с вхождением нашей политической маши-

ны в высокий этап электорального цикла. «Пик солнечной активности» президентской избирательной кампании еще впереди, он придется на начало следующего года. И он не закончится самой датой голосования: поствыборный период, период нового правительства, период кадровых перестановок, тоже является для политической системы периодом высокого напряжения. Эта активность совсем не так легко регулируется из одного центра, как принято полагать.

Я бы предположила, что парламент как цельный политический актор будет продолжать желать участвовать во всем важном, что происходит в нашем политическом пространстве. Молчать и сидеть в углу, подозреваю, Дума не захочет, учитывая ее возросшую если не самостоятельность, то хотя бы некоторую весомость. Поэтому мы будем продолжать видеть ее участие в основных социально-политических сюжетах. Но каковы будут эти основные сюжеты, должна заявить президентская кампания. Тогда уже можно будет их развивать в меру своей креативности и сообразительности.

13.09.2017

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги вы узнаете:	3
Практический Нострадамус <i>или 12 умственных привычек, которые мешают нам предвидеть будущее</i>	4

ГИБРИДНЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: АНАТОМИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ

Гибридные режимы: царство имитации <i>о сущности гибридных политических режимов как современной модификации авторитаризма</i>	12
--	----

Как принимаются решения в гибридных режимах <i>о процессе принятия и корректировки решений при снижении влияния легальных политических инсти- тутов</i>	18
--	----

Устойчивость гибридных режимов — где Кошечья игла <i>о предпосылках трансформации гибридного режима в полноценную демократию</i>	24
---	----

Гибриды, нефть и агрессия <i>о влиянии цены нефти на агрессивность гибридных политических режимов в странах-экспортерах нефти</i>	28
--	----

Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды	32
---	----

На чем держится политический режим России <i>о том, что нравится и что не нравится элитам в нынешнем положении вещей</i>	40
---	----

Как стать диктатурой: <i>насколько реален плохой сценарий трансформации режима</i>	45
---	----

Лидер-гений и президент-аспергер: роли личности в политических режимах <i>о бюрократической легитимации президента России</i>	52
---	----

Неокремлинология и ее пределы <i>Намеки тонкие на то, чего не ведает никто</i>	56
Застенчивый авторитаризм <i>Почему в Петербурге нет улицы Путина.</i>	60
Зима близко <i>Как политический режим будет выживать в голодное время.</i>	67
Парад наступающих	74
Если бы тенденции были новостями	80
Разворот-2016. Что изменилось в отношении общества к власти? <i>Сможет ли система перестроиться в ответ на изменение запроса в социуме</i>	86
Почему войны силовиков — это не то, что мы думаем <i>Как понимать последние громкие перестановки и уголовные дела.</i>	96
 АТОМИЗАЦИЯ И СОЛИДАРНОСТЬ: К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ И ЧЕГО БОЯТЬСЯ	
Национализм и проблема политического участия	104
Если бы русским националистом был я <i>о русском национализме: вы существуете ровно настолько, насколько вы кооптированы в управленческие структуры</i>	108
Кривая скрепа: о тщете русского фундаментализма <i>о том, почему из традиционных ценностей россиян не получится сделать новый Иран</i>	114
Как бороться с экстремизмом <i>о том, что лучшей профилактикой массовых беспорядков является свободная публичная политическая жизнь</i>	119
Предотвращение гражданской войны	123
Война эпохи позднего феодализма <i>Почему у нас наступило позднее Средневековье</i>	129

Просто и примитивно <i>Учение Маркса, Энгельса и Ленина о головах российских политиков</i>	133
Люди становятся ближе <i>о том, как социальная сеть снижает нужность государства для граждан</i>	137
Почему кажется, что все стали грубыми и злыми.	142
Навязанная любовь	147
Игра с шулером, или Лягушка в молоке <i>Что такое политическое участие</i>	162
Пол власти: чего ждать от женщин-политиков	167
Демография протеста	172
Бабушки рулят <i>Как демография в России будет влиять на ее политику</i>	179
Рейтинг влиятельных интеллектуалов: где я не буду никогда	188
Будущее не для всех	193
Будущее государства и государства будущего <i>О наступлении эпохи постэтатизма</i>	203
Зомби-государственник.	209
 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО: ПОНЯТЬ И ПОПРАВИТЬ	
13 законов парламентаризма	222
Путеводитель по законодателю	228
Законотворческий процесс: наука обсуждать	234
Не стать депутатом Мизулиной	238
Как стать хорошим депутатом	242
Этический стандарт депутата <i>о представительной роли парламента и добродетелях народных избранников.</i>	246
Скорость сновидения	250

Демократия откуда не ждали, или Возвращение бюджетного процесса <i>о попытке парламентариев реанимировать свою значимость</i>	254
Патриотичные термиты <i>о том, как думские инсайдеры используют «политическую линию» для продвижения чьих-то персональных интересов</i>	259
Итоги парламентского сезона: оценка ущерба и смета на ремонт	263
Бенефициары мракобесия	271
Три степени ущерба <i>Классификация наследия VI Государственной думы</i>	279
То-do list VII созыва.	287
Чем займется новая Дума.	294
Пробуждение спящего парламента	302
Бюджетно-предвыборная сессия	312

Литературно-художественное издание

16+

Екатерина Шульман
ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ.
Пособие по контакту с реальностью

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Руководитель проекта *И. Данишевский*

Ответственный редактор *Е. Кравченко*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Верстка *Л. Быковой*

Подписано в печать 07.11.2017. Формат 60х90/16. Усл. печ. л.20 .

Тираж 3000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған